

*Ностальгия
по четвертой*

Харьков
«Форт»
2009

УДК 37.011.31
ББК 74.204
Н84

Н84   Ностальгия по четвертой. Под. ред.: Соколовой М.В. – Х.:
Изд-во «Форт», 2009. – 244 с.

УДК 37.011.31
ББК 74.204

© Соколова М.В., 2009
© Богданис А.С. (фото), 2009
© Сухаревский А.О. (обложка), 2009
© Оформление, оригинал-макет
издательства «Форт», 2009

Предисловие

Каждый из нас когда-то учился в школе. И каждый проучился не менее восьми лет, что, в лучшем случае, составляет почти одну десятую всей жизни. И пусть время, в которое мы учились, – разное, но это – наше время и потому оно – одно из лучших для каждого из нас. И, конечно, потому, что это время нашего детства, время нашей юности. Время мечтаний, надежд, время первой влюбленности, первой настоящей дружбы. Время, когда еще можно делать ошибки, потому что все еще впереди...

У многих из нас именно со школой были связаны самые яркие воспоминания этого периода – радости, разочарования, увлечения, перевернувшие нашу душу и заставившие нас избрать именно тот, а не иной путь в жизни. Зачастую мы были обязаны этим значимым душевным событиям совершенно конкретным людям – учителям, которые сумели чем-то нас воодушевить, увлечь, а может – вовремя поправить нас, помочь нам. Сменялись поколения учеников, а учителя – настоящие Учителя, верные своему призванию – оставались в школе, не растеряв ни капли вдохновения, ни капли любви к нам, неизбежно взрослеющим, уходящим, исчезающим из их жизни...

И мы решили к 50-летию нашей 4-й школы написать книгу, состоящую из воспоминаний ее учеников, которые учились в этот период времени. И многие, очень многие, откликнулись. Не все писали воспоминания, многие передавали в письмах, звонках только свои эмоции, большой диапазон эмоций: от раздражения, обид, злости – до радости и гордости от того, что он (она) были учениками именно этой школы. И все эти письма объединяло одно – неравнодушие. Ни для кого школьный период его жизни не остался просто пустой, ничего для него не значащей дырой во времени.

Зачем нам это нужно?

Прежде всего для самих себя. Мы включили в эту книгу воспоминания о любимом учителе, об атмосфере, заполнявшей школу в то или иное время, о школьных друзьях, о тех или иных значимых для писавшего событиях. Иногда – это просто какой-то эпизод, которым хотелось поделиться. Но и этот эпизод помогает восстановить время, которое не существует больше нигде, кроме нашей памяти – некий удивительный мир детства, воссозданный из ее обрывков. Мир, ставший особым, благодаря тому, что в нашей жизни было это словосочетание – «Школа № 4».

Мы решили сделать эту книгу еще и потому, что теперь у нас самих есть дети, у некоторых уже внуки, которые учатся в разных школах, разных

городах и даже в разных странах. Мы хотим, чтобы они соприкоснулись с этим замечательным миром нашего детства, почувствовали Этот наш мир, узнали, чем мы дорожили, что любили, чего боялись. Узнали, какими мы были в том возрасте, в котором они сейчас. И тогда они, возможно, смогут лучше понять нас и самих себя.

И, конечно, эта книга – очень маленькая дань нашим учителям. В разное время в школе работали разные люди: были те, которые пошли в школу потому, что не могли устроиться на другую работу, но были и те, которые жили нами, жили школой, которые отдавали нам себя без остатка. И не потому, что у них не было семей или друзей. А потому, что они не могли иначе, потому что это было дело их жизни, потому что они были профессионалами, а главное – любили нас. И они не только давали нам знания, они пытались добиться самого главного – чтобы нам самим хотелось учиться, чтобы было интересно, «вкусно» учиться. И часто, влюбившись в какой-то предмет (а это возможно только через человека, который сумел зажечь эту самую влюбленность), определялась наша будущая специальность. Они принимали близко к сердцу наши успехи и неудачи, пытались привить нам то, что помогло бы нам в жизни, сделать нас честнее, добрее.

Это были люди, чье призвание быть Учителем. И, мне кажется, это опасная профессия – слишком близко соприкасаешься с душой ребенка, слишком сильный след можно оставить в его жизни.

Мне, например, очень повезло – большинство моих учителей были именно Учителями с большой буквы. К сожалению, многих из них уже нет в живых. Но мы о них помним, а пока помним – они с нами. И они не зря прожили свою жизнь. И только по прошествии времени понимаешь, как много они сделали для нас. Низкий вам поклон, наши Учителя!

Получилось ли то, что мы задумывали?

Книга получилась неравномерной. Какие-то периоды времени просто отсутствуют. Кто откликнулся, об этом периоде воспоминания и есть. К сожалению, о многих учителях, о которых вспоминали очень тепло в разговорах, так ничего и не было зафиксировано «на бумаге». Но мы думаем, что это только начало. Возможно, эта книга послужит толчком и через какое-то время она будет дополнена. Поэтому будем считать, что это Том 1 воспоминаний о нашей 4-ой школе*.

*Соколова (Владимирова) Марина,
выпуск 1977 г.*

---

* Сколько людей – столько и мнений. Мы оставили авторские тексты в том виде, в котором нам их прислал автор. Мы почти ничего не меняли, а, если и меняли, то только с согласия самого автора. И просим прощения за не лучшее качество некоторых фотографий, а в некоторых случаях – и их отсутствие. Это все, что удалось собрать.

Как все начиналось?

Перед новым годом Сашка Богданис, которого я до этого не видела много лет, спросил у меня, знаю ли я, что 4-й школе будет 50 лет. Я не знала. И вот, сидя за чашечкой кофе в кафе, Саша начал убеждать меня, что кто-то из выпускников должен принять участие в подготовке этого праздника. Так почему это будем не мы? Я с трудом нашла время на эту самую чашечку кофе и потому «почему не мы?», прозвучало как-то нереально. Но Саша нашел слова, которые задели. Всего через пару дней он познакомил меня с Димой Бруком. И мы решили помочь школе организовать этот праздник. И началось... рубрики на «Одноклассниках», составление плана праздничных мероприятий, разработка сайта школы, восстановление списка учителей... В конце-концов мы решили сделать эту книгу. По вечерам, вместо того, чтобы идти домой, мы шли к Бруку на работу и обсуждали текущие дела. Обсуждали сжато, потому что вопросов всегда было много, а время неумолимо приближалось к ночи. Но, несмотря ни на что, всегда с юмором, всегда очень доброжелательно. Иногда на эти встречи приходил кто-то из бывших учеников. Обстановка была такая, что почти сразу, несмотря на разницу в возрасте в одну или в другую сторону, переходили на «ты» и чувствовалось что существует что-то общее, и тебе эти люди уже не чужие.

Саша, помимо всего прочего, взвалил на себя ношу по сбору, размещению и приведению в порядок всех фотографий школьной жизни всех поколений ее выпускников. Если бы не он, ни одного снимка в этой книге не было бы. Саша фотографировал, ретушировал, встречался с людьми, ездил ко многим домой за очередной фотографией. Он снимал будни и праздники, фактически став фотобиографом нашей школы. И это помимо еще многих-многих текущих мелочей, которые, как обычно, нужно было решать немедленно.

Очень много усилий приложил и Дима. Много организационных вопросов он взял на себя и делал все это, хотя где он брал на это время, знает только он сам. Например, все, что касается СМИ: статьи в газетах, бегущая строка на нескольких каналах – без него этого всего не было бы. Но это только малая толика того, что он сделал.

Богданис Александр,
выпуск 1980 г.

Брук Дмитрий,
выпуск 1980 г.

Как-то так всегда получается, что в последний момент много нерешенных вопросов остается. И, как всегда, именно в это время обязательно что-то случается. В конце сентября, когда особенно много навалилось (надо было решать и переигрывать все то, что в силу различных обстоятельств требовало немедленного вмешательства в ситуацию), мы все по очереди заболели. Эта маленькая неприятность только показала, насколько нас сплотил процесс подготовки юбилея школы. Эстафетная палочка передавалась тому, кто на тот момент был «самым здоровым».

Мне очень повезло, что я познакомилась с Бруком, что через столько лет возобновила отношения с Богданисом, что познакомилась с авторами представленных в книге материалов, и некоторые из них стали моими друзьями. Повезло, потому что в моей жизни появились замечательные люди, с которыми интересно и на которых можно положиться.

И я благодарна Судьбе за это.

А еще я хочу сказать спасибо нашим семьям, нашим близким за то, что они вытерпели все это. Сказать «спасибо» за понимание того, почему и во имя чего мы уделяли время не им.

* * *

16 октября 2009 года всех нас ждет праздник. За кадром напряженной подготовки к юбилею осталось многое – и, в частности, все то, что сделали сегодняшние ученики нашей школы, ее педагогический коллектив и директор Ирина Ивановна Черевань. Именно с ней мы связываем все наши надежды на ближайшее будущее школы, на ее возрождение и восстановление всех тех традиций, которыми 4-я школа когда-то славилась.

*Марина Соколова (Владимирова),
дочь Зои Михайловны Соколовой,
выпуск 1977*

Как все начиналось?

Марина Соколова
(Владимирова),
выпуск 1977 г.

Знаете, какого человека можно назвать настоящим интеллигентом? Того, кому стыдно за поступки окружающих и того, кто не умеет хвалить себя. Маринка Соколова не сказала ни слова неправды выше, но она тактично умолчала о своей роли во всей той каше, которая была заварена по подготовке юбилея. Именно так поступают тактичные, интеллигентные люди. Но не сказать о вкладе Марины в подготовку юбилея просто нельзя! Она была тем шеф-поваром, который постарался составить самый вкусный рецепт праздника, нашел для него практически все ингредиенты, порезал и перетер все то, от чего у остальных текли слезы и опускались руки, приправил экзотическими специями в виде шуток и строгого: «Мальчики, у нас все получится!», и, естественно постоянно держал руку на ложке, которой вся эта каша помешивалась. В какие-то моменты я смотрел на Марину, а видел перед собой Зою Михайловну, какой я ее запомнил – всегда тактичной, выдержанной и главное – оптимистичной. И теперь у меня есть все основания сказать нашей 4-й школе спасибо и за то, что спустя 22 года после ее окончания школа подарила мне еще двух друзей – Марину Соколову и Сашу Богданиса. А это, поверьте, многого стоит!

*Дмитрий Брук,
выпуск 1987 г.*

Благодарности

Мы выразим благодарность всем , кто откликнулся на наши призывы на ресурсе «одноклассники» – вел дискуссии, высказывал свое мнение, свои пожелания по поводу празднования юбилея. Всем, кто откликнулся на письма. И, конечно, мы благодарны прежде всего тем, кто не пожалел своего времени и написал воспоминания.

Мы благодарим всех, кто помогал собирать фотоматериалы. Особо хочется выделить – Приходько Анатолия Андреевича и Руссаковского Евгения (выпуск 1968 года). Именно Анатолию Андреевичу мы обязаны первым снимкам школы, а Евгению Руссаковскому – помощью в поисках как фотографий, так и людей, которые эти фотографии могли предоставить. Большое спасибо Алексею Степановскому (выпуск 1987 года) за разработку и воплощение в жизнь сайта нашей школы: <http://www.lyceum4.edu.kh.ua>

А еще мы хотим сказать слова благодарности в адрес тех, кто в силу своей занятости не смог принять непосредственного участия в подготовке праздника, но которые сами сразу откликнулись, предложили свою помощь. Они сами помнили о юбилеи и спустя много лет после окончания школы, протянули ей руку помощи – просто в знак благодарности за все, что в свое время школа сделала для них.

Спасибо вам. Спасибо за то, что в нашей сумасшедше-быстрой жизни вы не забываете свое прошлое. И, возможно, это поможет лучше оценить и понять настоящее.

*С уважением, Марина Соколова (Владимирова),
Дмитрий Брук и Александр Богданис*

* * *

Школа благодарит Павла Фукса (выпуск 1989 г.) за спонсирование замены всех окон в здании.

Благодарности

Леонид Черновецкий
(выпуск 1970 г.)

Мы благодарим **Леонида Черновецкого** (выпуск 1970 г.) за спонсирование организации праздника. Без него этот праздник не был бы таким ярким, таким семейным и теплым... Леонид предложил помощь сам.

Зачастую человек, добившись определенного положения в жизни, меняется. Но это не в случае с Леонидом Черновецким. Нам очень приятно, что бывший ученик не только помнит свою школу, своих учителей, но и находит для них время, поддерживает их. Благодаря ему этот день – день юбилея школы, стал праздником для большого количества людей.

Благодарности

Вадим Нильва, 1972 г.

Мы благодарим **Вадима Нильву** (выпуск 1972 г.) за спонсирование этой книги. Он одним из первых откликнулся и предложил помощь. Вадим – человек, который помнит и умеет ценить то хорошее, что было и есть в его жизни. И, конечно, много приятных моментов связано с юностью, со школой. Вадим с большой благодарностью вспоминал своих учителей, эпизоды из своей школьной жизни.

Мы благодарны ему за равнодушие, за его отношение к людям за его соучастие в их жизни. И просто за активную жизненную позицию.

Вадим Нильва, 2005 г.

Первые выпуски

Встреча со школой

Только в памяти, словно в кино,
Возвращаемся мы в свою юность,
И восторженность нашу давно,
Поменяли на тихую мудрость.

Но сегодня, не так как вчера,
И за это поднимем бокалы,
Чтобы наши года никогда
Нас со школою не разделяли.

И четвертая школа для нас
Остается всегда самой первой.
К ней вернемся ещё мы не раз,
За моральной поддержкой всемерной

Наше сердце и наша душа,
Что оставили мы в ее классах,
Это память о ней навсегда,
Это память о юности нашей!

*Александр Брукман,
выпуск 1959 г.*

Время

Наталья Левитан (Перская),
выпуск 1968 г.

Наталья Левитан (Перская)

Друзьям детства посвящается

Время начинается в старом доме твоего детства, где оброненные минуты не исчезают совсем. Они только закатываются в невидимые щели, а потом возвращаются, всегда случайно, – старой игрушкой или полузабытым запахом, радугой в чайном блюде, шорохом в пустой комнате...

Тогда мгновение вернулось, когда оно увидено вновь, как бы дважды, когда оно впервые осознаётся как то, что принадлежит тебе, только тебе. С этого начинается ощущение времени.

А ощущение времени – это фон мыслей и чувств, это лёгкая полуосознанная мелодия, для каждого своя и в чём-то общая для нас всех. Потому, что каждый наполняет по-разному свои минуты. Но формочка, которую наполняют, одна и та же для всех. Это Время. Это то, что имеет начало и конец. И вот, эти постоянно сменяющиеся и переплетённые, замкнутые друг в друге конец и начало – и есть ощущение времени. Нет человека во времени – есть время в человеке.

Можно быть поэтом, не написав ни строчки. Поэт – это тот, у кого память такая глубокая, что дна не достанешь. А если достанешь, то окажешься в том самом доме детства, окружённый любимыми тобой людьми, окажешься там, где начинается твоё мироощущение. Всё остальное уже потом достраивается и перестраивается и, может быть, изменяется. Но до тех пор, пока живёт в человеке его детство, пока не ушла из него память стен, дождей, лиц, – ему не так уж страшен внешний мир. Ибо кто отнимет у тебя то, что знаешь только ты сам?

В детстве мы открываем мир, в котором живём. Открывать – это значит сознательно оформлять минуты. Можно много раз что-нибудь делать или видеть, но только тот момент, когда человек осознал, что он видит и делает: сперва живёшь-живёшь, ходишь, делаешь что-нибудь, а сам даже не заме-

чаешь, а потом вдруг увидишь: «Ага, я живу, кожу или там, дышу», – вот это и есть по-настоящему в первый раз.

Одновременно появляется неосознанное пока чувство, что все события имеют конец и начало. И от этого смутного ощущения происходит чёткое желание удержать момент, отложить его для себя, чтобы в любую минуту достать его снова. Летом увидеть зиму в тополиной пушинке, похожей на снег. Зимой, почувствовав солнечный луч на щеке, понять, что лето бродит где-то рядом.

Есть люди, живущие своим прошлым. А поэтому у них нет настоящего. Ящики в их доме полны вещами, которые напоминают о каком-нибудь событии. Каждый прошлый день отобран, оформлен и припрятан, а каждый будущий наступает для них, чтобы стать прошлым. То есть они заодно лишены и будущего.

И есть грань между двумя способами удержать мгновение. Одно дело – жить в каждый данный тебе миг и помнить прошлое для настоящего, для того, чтобы оформить своё «сейчас» как можно более полно и сохранить его содержание для будущего, другое дело – сохранять прошлое ради него самого, т.е. сохранять не то, чем полны минуты, а сами формочки, как пустые коробки.

Каждый человек – «машина времени». Обмен памятью идёт непрерывно, но обмен с потерями, потому что мироощущение каждого из нас неповторимо, потому что со смертью каждого из времени выпадает звено, которое заменить нельзя. Здесь начинается новая точка отсчёта.

Трагедия? Да. Но не эта ли горечь делает жизнь жизнью, а не существованием? Человек с обострённым восприятием времени, человек, который в каждом мгновении видит слияние жизни и смерти (конца и начала), никогда не перестанет осознавать себя и мир вокруг. И как бы ни была его жизнь бедна внешними событиями, его внутренний мир будет наполненным до предела. Когда ты понимаешь, что можно потерять Другого, тот Другой становится для тебя самой большой ценностью в жизни.

Это главное, но не всё. Ты вдруг понимаешь, что и для тебя тоже настанет момент, когда всё кончится. И тут снова, скорей подсознательно, ты ощущаешь, что мостик к вечности один – память, переданная Другому. Ведь богатство твоих впечатлений – мёртвый груз до того момента, пока его не с кем разделить.

И счастье, если в твоей жизни есть невероятно близкие миры – люди, разделяющие твою память детства. И пока ты остаёшься в их памяти – ты жив. Даже, если встречаешься с ними так, как встречаются на маленькой станции, где поезда стоят несколько минут, а потом разъезжаются в разные стороны, но нельзя покинуть свой поезд, потому что он называется «Время»...

... Улица моего детства упирается в овраг. Летом и осенью оттуда тянет канализационной трубой, слипшимися листьями, душным и влажным запахом зарослей. В детстве казалось, что тут, посреди чёрной чащобы сосредоточилось то, что никогда нельзя узнать и понять. Всё, что живёт в безымянной и непроглядной тьме, в удушливом запахе гниения. Было страшно оттого, что упасть в эту трещину мог кто угодно. Овраг – это то, что подстерегает каждого в любую минуту.

В каждом человеке есть свой овраг. И стоит сорваться в этот овраг – там пустота, заросли, одиночество и страх.

А это – конец всему. Конец гораздо более страшный, чем смерть во времени – это смерть в себе. И каждый знает о своём овраге...

Кто-то старается держаться от него подальше. Кто-то срывается и остаётся на дне, забывая о том, что где-то есть солнце. И лишь немногие из «сорвавшихся» находят в себе силы снова и снова карабкаться вверх. Это люди, защищённые памятью. Памятью детства, памятью любимых людей, которые были рядом. И Время – не помеха этому. Ведь оно разделяет нас только до тех пор, пока мы разрешаем ему это...

Наталья Левитан (Перская)

Ушел 1959 год...

*Александр Брукман,
выпуск 1959 г.*

Это было пятьдесят лет назад, когда очереди в магазинах создавала не реклама, а дефицит. Однако советский народ, активно зарабатывающий средства для национально-освободительных движений Африки, Азии и Ближнего Востока, не придавал значения временным трудностям, постоянно преследовавшим страну.

На должную высоту поднимался вопрос идейного воспитания молодежи, формирование у неё гражданственности и социальной активности на примере жизни и деятельности Ленина. Тем не менее, рок-н-рол уже начинал пробивать идеологическую броню советской молодежи и IV пленум ЦК ВЛКСМ, проходивший в 1959 году, рекомендовал разработать методику работы политических кружков, которые содействовали бы идейной закалке молодежи и воспитанию ее в духе коммунистической идеологии. Неизвестно, в рамках этой задачи или нет, но дружинники, вооруженные ножницами, ловили стилияг на улице Сумской и разрезали им брюки-дудочки. Вообще, появление на улице в узких брюках очень не приветствовалось, вплоть до принятия жестких административных мер. И действительно, в то время, когда во всем мире ширилась национально-освободительная борьба поработенных стран, флагманом которой являлся СССР и на который с надеждой смотрели народы мира, стилияги выглядели символом вражеской идеологии.

Капиталистический мир явно разлагался на глазах голодного советского народа и казалось, что светлое будущее не за горами. Предчувствия этого ещё больше укрепились после того, как на следующий день после встречи Нового 1959 года – года желтой Свиньи по восточному гороскопу, на Кубе случилась революция. Диктатор Рубен Фульхенсио Батиста вместе с домочадцами и сторонниками позорно бежал с острова. Героический кубинский народ, вырвав диктаторскую власть из рук злобного Фульхенсио, передал её в добрые руки Фиделя Кастро Рус. С тех пор Фидель находится у кормила власти острова Свободы, называвшегося раньше просто Кубой.

Некоторые словесники, оттачивая свой слабый ум в бессмысленных спорах, утверждают, что эстетичнее называть это не кормилом, а штурвалом власти. Тем самым это подчеркивает неуклонное движение Острова Свободы к светлому будущему. Характерно то, что движется он туда сугубо добровольно, потому что на Кубе никогда не было ни одного советского танка.

По радио рассказывали страшные вещи о Батисте. Оказывается, он получал от мафии миллионные взятки и даже, в виде «подношений», телефон из золота и ночной горшок из серебра. Население Советского Союза тоже широко использовало ночные горшки, потому что в коммунальных квартирах удобства были либо на улице, либо одни на несколько семей, причем мощностью всего лишь в одно очко. Очевидно, и в президентском дворце, в котором проживал диктатор Батиста, с удобствами обстояли дела не лучшим образом, иначе мафии не было бы необходимости дарить ему ночной горшок.

Как стало известно только теперь, прямые инвестиции США в кубинскую экономику в 1958 году превысили 1 млрд долларов, но в целом, несмотря на локальные экономические успехи, положение рядовых граждан на Кубе было тяжёлым и страна оставалась бедной. Советский народ в то время, как, впрочем, и всегда, тоже жил, мягко говоря, очень небогато. Тем не менее все жалели кубинцев. У нас было впереди светлое будущее, а у них ничего, кроме лета круглый год, кокосовых пальм, теплого моря и знойных женщин. А вот самого главного – свободы, как у нас, не было. Мы пели песню «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» и жалели народы, которые, в отличие от нас, дышат не вольно.

– Должно быть, страшная это вещь – латиноамериканская текила, – философски заметил сосед Ваня Житник на следующий день после кубинской революции, когда солнечным морозным утром мы с ним во дворе помогали соседке вешать белье.

– А что за текила такая? – недоуменно спросил я.

Это сейчас школьники разбираются в спиртных напитках не хуже, чем в средствах предохранения. А в то время простые люди пили, в основном, горилку и вино «біле міцне», именуемое в народе биомицином.

– Да это у них нечто вроде нашего шмардыгана, – пояснил Ваня. – Наверно, тоже здорово ширяет в голову! Иначе почему революция случилась сразу же после новогодней ночи?

Пару лет назад он вернулся из лагеря, в котором отсидел 20 лет. Я жил тогда на улице Гражданской, выходившей нижним концом на Лопань. Там недалеко находилось ремесленное училище, в котором когда-то Ваня учился на токаря. Однажды он бежал по коридору и нечаянно толкнул бюст И.В. Сталина. Бюст упал на пол и разбился, за что шестнадцатилетнего Ваню определили в лагерь. Вернулся он оттуда в 36 лет, после того, как Н.С. Хрущев разоблачил культ личности Сталина и бюсты можно было разбивать совершенно безнаказанно.

Культ личности Сталина Н.С. Хрущев разоблачил на XX-ом съезде КПСС, который состоялся в 1956 году. До этого мы пели гимн Советского Союза на слова Сергея Михалкова:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил,
Нас вырастил Сталин – на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Но после выступления на съезде Хрущева, поэт С. Михалков срочно начал переписывать слова гимна, потому что дальше с таким гимном народ мириться не мог. А вместе с Михалковым и вся страна начала снимать портреты Сталина, убирать его бюсты, менять знамена и значки, на которых «отец всех народов» соседствовал с вождем мирового пролетариата.

В Харькове проспект Сталина срочно переименовали в Москов-

ский, клуб имени Сталина – в клуб Железнодорожников, а затем занялись переименованием заводов, фабрик, колхозов и других заведений. Некоторый опыт в этом деле уже был накоплен, так как ещё в 1953 году улицу Берия переименовали в Кооперативную и всюду снимали портреты затаившегося «врага народа». Интересен такой факт: город Сталино переименовали в Донецк, а Сталинград – в Волгоград не сразу же после съезда, а только в ноябре 1961 года. Видимо, наверху шла напряженная борьба, и это был верный признак нарождающейся демократии, потому что Сталин, например, никогда не спорил и никогда ничего не доказывал – доказывать входило в функции НКВД.

Между тем, харьковчанам было безразлично, чьи портреты снимать и чьи бюсты разбивать, но горячие жители Тбилиси не согласились с решениями XX-го съезда КПСС. Тамошняя молодежь 2 марта устроила демонстрацию в защиту доброго имени И.В. Сталина. Они несли лозунги «Долой Хрущёва!», «Долой Булганина!», «Молотова – во главе КПСС!». Эту демонстрацию расстреляли, но с 5 марта во многих городах Грузии вновь начались многотысячные демонстрации и митинги. Рассказывали, что там переворачивали даже поезда. Демонстранты требовали отмены решений XX съезда, но их так и не отменили. Вместо отмены решений, 9 марта в Тбилиси ввели войска и начали наводить порядок с использованием бронетехники. В Грузии осознали допущенные ошибки и тоже вскоре приступили к переименованиям.

Между тем, проблема с переименованиями была не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Чьим именем назвать, если не знаешь,

кто завтра окажется врагом народа? Создавать постоянные комиссии по переименованиям неловко, поэтому стремились решать вопросы келейно и экспромтом. Многие объекты называли именем Ленина, потому что в данном имени была некоторая стабильность. Однако, одного имени на всё явно не хватало. Некоторые колхозы назвали именем Хрущева, но вдруг летом 1957 года разнеслись слухи, что на заседании Президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущева сместили с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Попавшие впросак, те кто присвоил его имя колхозам и заводам, стали сильно волноваться, но через несколько дней выяснилось, что Никиту Сергеевича решительно поддержал Г.К. Жуков.

– Армия не потерпит смещения руководства ЦК, – веско заявил он на заседании, и члены Президиума прислушались к его мнению. Это сейчас в понятие «административный ресурс» входят многие составляющие: подведомственный бюрократический аппарат, контролируемые СМИ, распределение бюджетных средств и т.д. А в советские времена «административный ресурс» был представлен только одной составляющей – 4-й гвардейской Кантемировской дивизией, дислоцированной в городе Наро-Фоминск Московской области.

Вскоре после выступления Г.К. Жукова срочно созванный Пленум ЦК КПСС принимает решение о выводе из состава Президиума ЦК «антипартийной группы» Молотова, Маленкова, Кагановича и «примкнувшего к ним» Шепилова. Таким «примкнувшим к ним» Шепилов и оставался в памяти людей многие годы и по-другому его уже не называли.

С разоблачением «антипартийной группы» началась новая волна переименований. Приветствуя решения Пленума ЦК КПСС, в Харькове в срочном порядке переименовывается Кагановический район в Киевский. В своё время какие-то объекты ошибочно были названы именем Маленкова, и эти ошибки тоже начали спешно устранять.

В октябре того же года Г.К. Жукова, находящегося в это время с визитом в Югославии, Н.С. Хрущёв смещает со всех партийных и государственных постов и отправляет его на пенсию. Как говорится, – долг платежом красен. Сразу же бросились искать, что надо переименовать, но ничего не обнаружили – в Харькове ничего имени Жукова не было.

Таким образом, к 1959 году обстановка в стране более-менее стабилизировалась: всех на текущий момент лишних сняли, всё вовремя переименовали, Президиум ЦК на какое-то время устаканился, поэтому можно

было жить спокойно, если бы не проблема с закуской. В связи с тем, что в 1957–1958 годы скот из личных подсобных хозяйств стали изымать, а в городах запретили держать птицу, с продовольствием складывалось сложное положение.

В сельской местности также запрещали держать скот и птицу, и отбирали даже огороды. Центральные умы руководящей и направляющей силы общества решили, что сельские жители отдают своим подсобным хозяйствам слишком много энергии, которую лучше использовать в колхозе. Предполагалось, что колхозник, вернувшись с поля, будет отдыхать лежа на диване с газетой в руках, а с утра с новыми силами выйдет на колхозное поле для ударного труда.

Все необходимые продукты колхозники должны были закупать в сельмагах. И хотя сельмаги построили, продукты так и не завезли, потому что вследствие «своевременного и грамотного решения» в рамках заботы о советских людях, произошло резкое обострение продовольственного кризиса в стране. Тогда же появился анекдот про то, что в ЦК КПСС обсуждается вопрос изъятия заглавной буквы «М» из алфавита: мол, молока нет, масла нет, мяса нет, а ради одного Микояна сохранять в алфавите большую букву нецелесообразно.

В те годы уже перестали расстреливать и ссылат в лагеря за анекдоты, поэтому народное творчество развернулось широко, как никогда. Анастас Иванович Микоян, бессменный член ЦК КПСС, всегда поддерживавший тех, кто был наверху власти, в эти годы был наиболее близок к Хрущеву, что сказалось на отношении к нему в народе, хотя раньше его не замечали. Но вскоре главным героем анекдотов стал сам Хрущев и Анастаса Ивановича начали вновь игнорировать. Хотя это было несправедливо, так как он много сделал для страны: именно по его настоянию в 1932 году в стране были введены так называемые «рыбные дни».

Трудности с продовольствием повлияли на неоднозначное восприятие многими радостной вести о том, что Остров Свободы вырвался из лап американских империалистов. У Советского Союза уже и без этого острова было столько искренних друзей среди освободившихся стран Азии, Африки и Ближнего Востока, что средств на всех не хватало и приходилось потуже затягивать пояса. Шло бездумное и безудержное разбазаривание миллиардов рублей в страны третьего мира, не принадлежащим к социалистическому лагерю. Когда на твои деньги чавкает брат по социалистическому блоку – это еще можно стерпеть. Но когда за твою тарелку усаживают новых африканских и арабских братьев – это было уже невыносимо.

В стране нарастало недовольство. И без того низкий уровень жизни падал, а в конце июля мудрый Совет Министров СССР принял постановление о пенсиях военнослужащим и их семьям. Оно вызвало взрыв недовольства в армии. Пенсии военным сократили и, кроме того, затруднили возможность

выслужить её: пенсию разрешалось платить только по достижении 40 лет. Большинству офицеров, начинавшим службу во время войны, было к этому времени меньше сорока и в условиях сокращения вооруженных сил не все могли дослужить до этого возраста.

Приходилось уходить из армии, не имея гражданской специальности, и в среде офицерского состава возникло массовое недовольство. «Всем помогаем: Ирану помогаем, Египту плотины строим, а себя ремнями подтягиваем», – говорили в армии. В 1958 году Хрущев предложил Насеру, президенту Египта, техническую помощь при строительстве Асуанской плотины, причем треть стоимости проекта списывалась за счет лояльности его режима к СССР. В конце мая 1959 года проект плотины был передан Египту, а в следующем 1960 году началось строительство плотины, которое продолжалось 10 лет.

Обсуждение новогодних новостей, связанных с кубинской революцией, время от времени прерывалось текущими событиями: в середине января прошла всесоюзная перепись населения, после чего собрался внеочередной XXI съезд КПСС. Его неожиданно объявили съездом строителей коммунизма. Прорабы коммунизма из Президиума съезда ломали голову над очередным генпланом и пришли к оригинальному решению: отменить пятилетки, а вместо них ввести семилетки.

На страну обрушилась неожиданная весть: оказывается, СССР вступает в новый период своего развития – период развернутого строительства коммунизма, потому что в стране социализм уже победил окончательно и бесповоротно. Всех интересовал вопрос: будут ли кормить в период строительства коммунизма или следует дожидаться его завершения?

Хайле Селассие I

Летом Советский Союз посетил император Эфиопии Хайле Селассие I. Считается, что он вел свой род от царя Соломона и царицы Савской, отношения между которыми описаны в Библии. Плодом любви двух великих правителей стал сын Менелик I, основатель древнего Аксума, давшего рождение Эфиопии.

Представитель 3-х тысячелетней династии наградил председателя президиума Верховного совета СССР Ворошилова высшим орденом Эфиопии и в ЦК не знали, что делать: как-то неудобно награждать императора орденом Ленина или Трудового Красного Знамени. Поэтому Хайле Селассие вручили орден Суворова I степени как участнику борьбы с итальянским фашизмом.

Говорили, что Хайле Селассие I мечтает вывести свою страну из нищеты и переселить крестьян из хижин в современные дома. Видимо поэтому он и обратил свой взор на Советский Союз – ведь у нас тоже мечтали о том же. Одни и те же мечты сближают.

Император посетил пионерский лагерь Артек и по пути в Симферополь его самолет приземлился в харьковском аэропорту. Маленького роста, с серой бородкой, в военной форме и фуражке с красным околышем, он был диковинкой, и все сотрудники аэропорта прильнули к окнам, когда он вышел из самолета размяться – ведь не так уж часто в Харькове появляются императоры. Но в город, к сожалению, он так и не поехал.

24 июня 1959 года Н.С. Хрущев и вице-президент США Ричард Никсон открыли в Москве в Сокольниках первую Американскую выставку. Для советских людей, сумевших побывать на ней, она явилась настоящим потрясением. На выставке возвели одноэтажный жилой дом с полным набором бытовой техники. В него можно было зайти и опробовать в деле невиданную до тех пор бытовую технику: электрическую соковыжималку, кофеварку для эспрессо, холодильник, акустическую систему, видеомэгафон, стиральную машину и последнее ноу-хау – микроволновую печь. Там же, между Никсоном и Хрущевым произошел известный «кухонный спор»:

– Видите эту встроенную стиральную машину? – начал хвастаться Никсон.

– У нас такие есть, – перебил его Хрущев.

– Мы хотим облегчить жизнь наших домохозяек, – продолжал тот.

– Это капиталистическое отношение к женщинам нам не свойственно, – возразил Хрущев.

В конце июля в СССР, благодаря Н.С. Хрущеву, появился Международный аэропорт «Шереметьево». Прилетев в Шереметьево из Англии и, находясь под большим впечатлением от лондонского аэропорта Хитроу, он прямо у трапа распорядился передать аэродром в ведомство гражданского флота. В то время аэродром принадлежал 2-ой авиационной Краснознаменной дивизии особого назначения, в задачи которой входило авиационное обеспечение правительственных делегаций СССР. Через несколько месяцев, 11 августа 1959 года, в Шереметьево приземлился первый в мире реактивный пассажирский самолет Ту-104, выполнявший рейс из Ленинграда, и начались регулярные международные рейсы.

В сентябре, когда в классах 4-й школы её ученики постепенно отходили от летних каникул, состоялся первый в истории советско-американских отношений официальный визит руководителя КПСС и главы Советского правительства Н.С. Хрущева в США. Тогда же он посетил штат Айову и встретился с айовским фермером Росуэллом Гарстом, который поделился своим опытом выращивания кукурузы и производства кормов для скота.

После возвращения из США Хрущев начал в стране «кукурузную кампанию» – колхозы заставляли засеивать огромные площади кукурузой.

Мне запомнилась книга Смелякова «Деловая Америка», вышедшая вскоре после поездки Хрущева в США, в которой он рассказывал о жизни американцев. И там был такой эпизод. На одной автозаправочной станции в туалете висело объявление: «Не бросайте окурки в наши писсуары, ведь мы не писаем в ваши пепельницы». В нашей стране, с сильными ханжескими традициями, такое объявление, лишённое всякой идеологической основы, было бы немыслимо.

На июньском 1959 года пленуме ЦК КПСС Хрущев громил лженауку генетику и генетиков, боровшихся против ученых материалистического направления в биологии, против мичуринских взглядов академика Лысенко. Вопрос упирался в проблемы теории наследственности, противоречащих марксизму-ленинизму: возможно ли вырастить поколение новых людей или наследственность зависит от ген? При Сталине к дискуссии подключился бы НКВД и моментально установил бы истину. Но при Хрущеве шли серьезные баталии, причем без особых последствий для жизни недостаточно освоивших теорию марксизма-ленинизма. И в этом его большая заслуга.

На одной из таких дискуссий Петр Капица однажды спросил Лысенко:

– Вы утверждаете, что гена наследственности не существует и все зависит от внешнего воздействия, которое и закрепляется как наследственный признак. Отсюда следует, что если у нескольких поколений коров отпилить один рог, то можно вывести однорогую корову? – спросил Капица.

– Да, только это необходимо делать длительное время, – ответил Лысенко.

– Тогда почему, несмотря на тысячелетние воздействия, женщины рождаются девственницами, а евреи необрезанными?

Идей Лысенко и их практическое воплощение нанесло сельскому хозяйству страны неисчислимый ущерб и привела к тяжелейшим последствиям. Страна была на грани голода, и Хрущев, ставший фанатом кукурузы после поездки в Штаты, был уверен, что спасение именно в ней: она обеспечит урожаи зерновых и корма для скота. Только не сделал поправку на климат и то, что кукурузу невозможно выращивать без удобрений, без средств борьбы с сорняками, без высокой культуры земледелия.

Между тем, вокруг кукурузы развернулась широкая пропагандистская кампания, к которой активно подключились Союз писателей, Союз кинематографистов, редакции газет, журналов и телевидение. Мы твердо знали: скоро, благодаря кукурузе, продовольственные магазины будут завалены продуктами питания. Хотя пессимисты утверждали, что такого никогда не будет – мол, всё вывезут братским арабским и африканским народам, ведь им тоже кушать хочется.

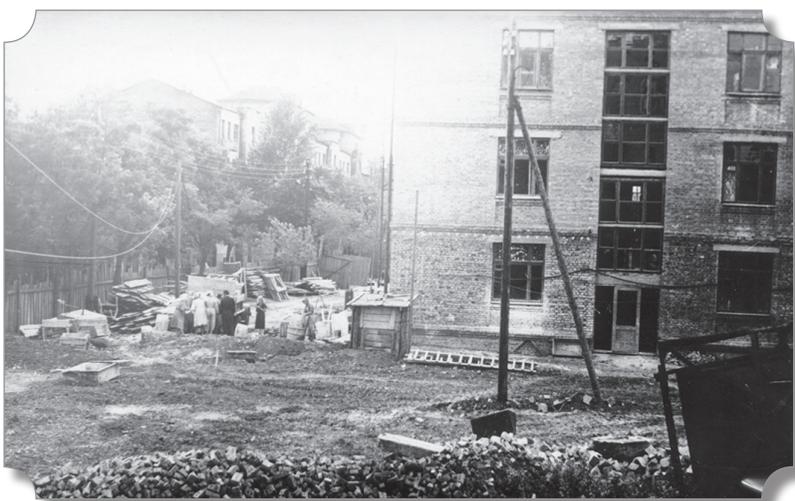
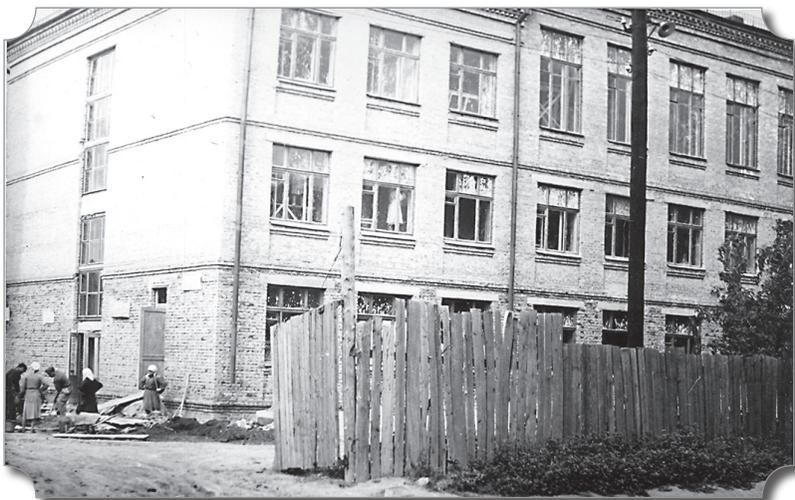
А в конце года, 28 декабря, на Запорожском автомобильном заводе был изготовлен первый отечественный малолитражный автомобиль ЗАЗ-965 «Запорожец». Он весил всего 665 кг, обладал хорошей проходимостью, благодаря независимой подвеске всех колес, и был хорошо приспособлен для грунтовых и проселочных дорог. Толь-

ко «Запорожцу» удавалось проехать по пространству между глубокими колеями, оставленному грузовыми машинами.

В салоне были две двери, которые открывались не вперед, а назад. Там, где у всех машин багажник, у него находился двигатель, а багажник был впереди. Н.С. Хрущев с трудом залез в салон, но всё равно похвалил конструкторов, и через несколько лет с конвейера Запорожского автозавода начали сходить машины для народа. Большинство из них имели почему-то светло-фисташковую окраску, но это никого не пугало – наш народ переживал и не такое.

*Вот так все
и начиналось...*

Средняя школа № 4 начала свою работу 1 сентября 1959 года. Школа была укомплектована в основном учащимися школ №№ 17, 62, 5, 82, 36, сборным был и учительский коллектив, также пришедший из разных школ города.

Школа № 4, 1959 г.

Из приказа

Перед школой в первом учебном году стояли достаточно сложные задачи:

◆ *Обеспечение с первого дня нормального хода учебного процесса, выполнение учебных программ.*

◆ *Создание детского и учительского коллективов, способных решать проблемы, поставленные перед школой жизнью.*

10 июля 1959 г.

Выдержки из отчетов за 1959–1960 гг.

«Всего учащихся – 850 человек.

Не успевающих учеников – 75 человек.

– Ученики собрали 41 т металла,

1 т цветметалла,

3,5 т макулатуры.

– Посадили деревья вокруг школы, взяли шефство над деревьями у входа.»

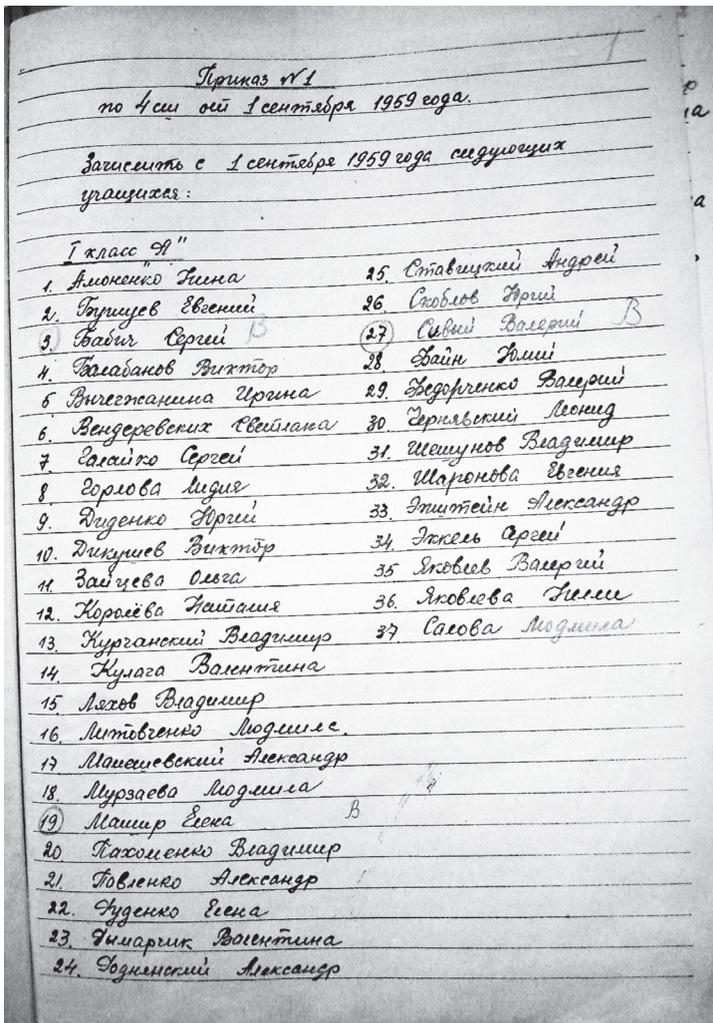
Выдержки из отчетов за 1961–1962 гг.

«В школе 929 учеников, не успевающих – 34 человека.

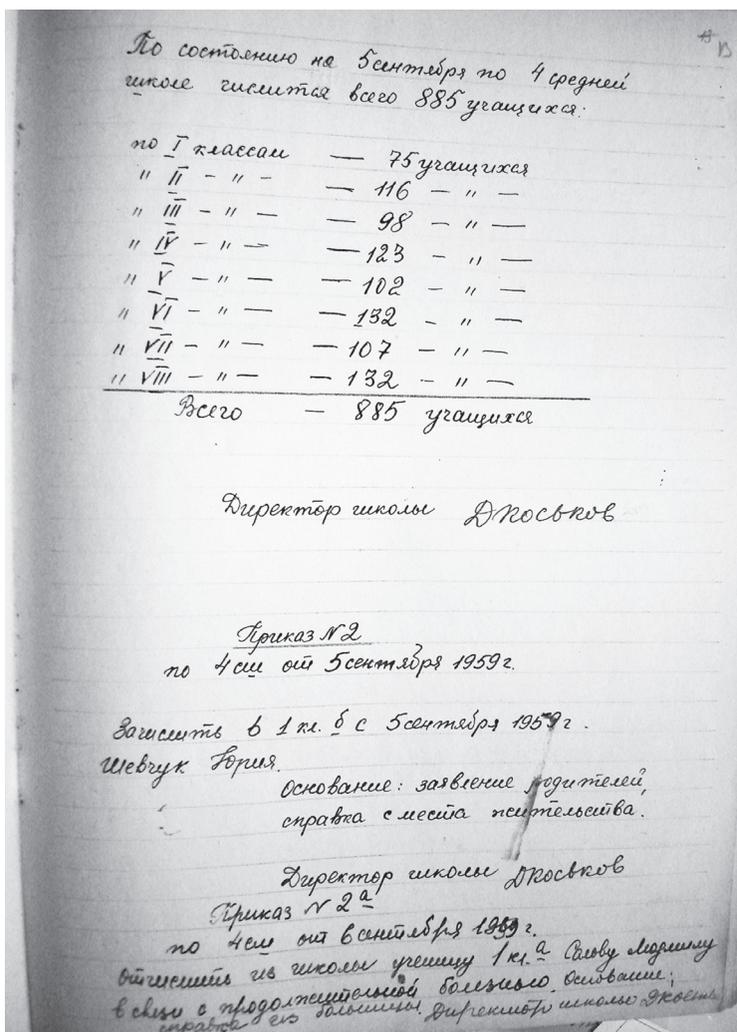
Хор школы на районном смотре получил отличную оценку.

В районной спартакиаде школа заняла третье место.»

А вот и первые приказы по школе...

Приказ № 1 от 1 сентября 1959 г.

Приказ № 2 от 1 сентября 1959 г.

Что такое школа? Прежде всего – это ученики и учителя. Для учеников – это знания и, главное, – любовь, или, если кому-то не повезло – нелюбовь к новому. Это – первая дружба, первая любовь, первые увлечения, первое становление себя. Это – детские обиды и разочарования. Но это всегда – равнодушие, потому что это – первые, а иногда и робкие шаги по большой дороге под названием Жизнь.

Давайте посмотрим на нашу 4-ю школу глазами ее учеников за полвека ее существования.

Итак, начинаем...

Первый директор

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ КОСЬКОВ
(1920–1987)

Первым директором школы был Дмитрий Петрович Коськов. В нашей школе он проработал с момента ее открытия в 1959 году и до 1966 года. Последние годы своей жизни Дмитрий Петрович работал заведующим Киевским районо.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ КОСЬКОВ

Он всегда пользовался большим уважением и учеников, и коллег по работе, и всех, с кем сталкивала его жизнь. Работая учителем, он знал, что не все дети одинаково одарены, не все одинаково воспринимают учебный материал, не все могут справиться с заданиями из школьной программы. А учитель вынужден ставить кому-то неудовлетворительные оценки. И первый раз, и второй, и третий... А что дальше? Очевидно, что неверие в свои силы накрепко войдет в душу школьника, нежелание учиться стает его постоянным спутником. Следующие ходы, используя спортивную терминологию, легко прогнозировать.

Дмитрий Петрович всегда предвидел последствия. Он давал школьнику такие задания, с которыми он мог справиться. Это порождало у девочки или мальчика радость от успеха, уверенность в себе. Задания усложнялись – и снова это был шаг вперед, маленькая победа и ученика, и учителя. На первый взгляд маленькая и, может быть, даже незаметная победа, на самом деле – очень важная для маленького человека.

Мудрый наставник всегда остается верным себе в желании поддержать тех, кто меньше его знает и умеет. Это было и тогда, когда дело касалось молодых учителей, которые делали свои первые шаги по нелегкому пути обучения. Посещая уроки начинающих учителей, Дмитрий Петрович охотно отмечал достоинства проводимых ими уроков, потом тактично и доброжелательно говорил им об ошибках в проведении уроков, советовал, как избежать их в дальнейшем. Для каждого у него находилось доброе слово, каждого он мог вдохновить на творческий поиск и творческий рост.

Будучи требовательным к коллегам, Коськов более требовательным был к самому себе, какую бы должность он не занимал – учителя, директора школы или заведующего районо. Он не забывал напоминать директорам школ слова, которые стали его девизом: «Только творческий человек способен повести за собой учительский коллектив на творческие дела».

А творчество – понятие широкое. Это и компетентность, и профессионализм, и деловитость, и принятие всего прогрессивного, и реальность конкретных дел, и пунктуальность, и умение быстро принимать принципиальные решения, и еще немало качеств, которые сопутствуют любому динамическому процессу.

Чтобы не отставать на ниве просвещения, Дмитрий Петрович внимательно изучал новые формы и методы педагогического процесса, которые оправдали себя с течением времени, вводил их в практику в Киевском районе, всячески поощрял все новое, прогрессивное в учебно-воспитательной работе, отстаивая при этом эффективность и категорически не принимая неуместной «эффектности».

«С Дмитрием Петровичем было легко и приятно общаться, – вспоминает бывший инспектор горono М. Луханин. Во-первых, он был просвещенным и талантливым человеком, во-вторых, – умея ценить свое время и время собеседника, свои мысли он всегда излагал ясно, четко и понятно. Если нужно было, всегда отстаивал свою точку зрения, не повышая голоса и не обижая оппонента, даже если последний вел себя некорректно».

Зная, что от его решений, поступков, в значительной мере зависит успех коллектива, Дмитрий Петрович старался избегать ошибок. Но правду говорят в народе: не ошибается тот, кто ничего не делает. А в отсутствии трудолюбия никто Коськова обвинить не мог. Свои ошибки он умел признавать. Более того, иногда заведующий районным отделом образования в ошибках директоров школ обвинял самого себя: «Не доглядел».

В школе, в которой он был учителем и директором, коллеги любили его за справедливость, за интересные уроки языка и литературы, за чуткость по отношению к учителям и ученикам. В районе, где он возглавлял отдел образования, его уважали за верность слову, деловитость, желание укрепить материальную базу учебных заведений, умение организовать работу педагогического коллектива району. А те, кто знали Дмитрия Петровича ближе, уважали его за скромность: он писал стихи, был мастером спорта, материально помогал большой семье, в которой вырос и никогда не афишировал это. Он вообще не любил привлекать к себе внимание, не любил восхвалений в свой адрес, хотя его жизнь является для многих образцом ответственного служения людям, любви к Родине.

Таким он и был. И про это говорилось в сентябре 1987 года, когда Дмитрий Петрович последний раз собрал вокруг себя всех, кого учил на протяжении своей жизни, с кем много лет вместе работал. В отличие от многих предыдущих лет, когда сентябрьские встречи с Учителем среди ярких осенних цветов вызвали радость бытия, в этот день улыбок на лицах не было: Учителя провожали в последний путь. Уже без него его многочисленным и благодарным ему за науку ученикам предстояло преодолевать ступени непростой жизни, развивая те ростки гуманизма, благородства, добра и любви к родной земле, которые воспитывал в людях Дмитрий Петрович Коськов.

Дмитрия Петровича вспоминают теплыми словами и те, с кем сводила его спортивная судьба во время ответственных соревнований. Многократный чемпион Советского Союза по шашкам, международный гроссмейстер З. Цирик считает, что Д. Коськов был сильным спортсменом, славился как мастер позиционной игры, мог сделать неожиданную для противника комбинацию и завершить игру своей победой.

*Статья из книги «Майстерня гуманності»
Інформаційний вісник №10, Харків, 2004 рік*

*Мастер спорта
по шашкам*

*Мастер спорта
Роман Василевский*

Я знал Дмитрия Петровича более 30-ти лет.

Встречался с ним на турнирах, на заседаниях областной федерации, где он одно время председательствовал. Встречался и в неформальной, домашней обстановке. И каждый раз передо мной был неординарный человек, умеющий четко поставить вопрос и честно пытающийся найти ответ на него. Он был искренен со всеми. С теми же, кто был ему не приятен, как мне кажется, просто не общался. Приходилось видеть его в разных ситуациях. Изредка он бывал раздражителен, но никогда не проявлял резкости, тем более, грубости.

Как-то, накануне нового 1979/80 учебного года я попросил Дмитрия Петровича (мастера спорта по шашкам) поделиться с читателями областной молодежной газеты своими мыслями о шашечной игре, её воспитательной роли. Вот вкратце его ответ, который и сегодня не потерял своей актуальности. «Свыше 30 лет я отдал школе, воспитанию нашей смены. Свободного времени всегда было немного, и большую часть его забирали шашки. Могу сказать одно – я благодарен этой, на первый взгляд, простой, но безгранично разнообразной и разумной игре.

Оглядываясь на прожитые годы, могу с уверенностью сказать, что шашки учили меня и моих сверстников конкретности мышления, развивали пространственное воображение, приучали быстро принимать решения, не падать духом в сложных обстоятельствах, вырабатывали привычку к систематической работе, учили искусству анализа. Благодаря шашкам, я побывал во многих местах страны, встречался со многими интересными людьми, стремился перенять их лучшие черты и избавиться от собственных недостатков.

Как учитель и педагог, я всегда радовался, когда видел своих учеников за шашечной доской. Не помню случая, чтобы те, кто всерьёз занимался шашками, попадал под влияние улицы, был способен на аморальные проступки. Шашки способны принести глубокое творческое удовлетворение, а решение красивого этюда, концовки, задачи – эстетическое наслаждение, такое же, как и любое другое искусство.»

Первые воспоминания о директоре школы

*Сергей Курганов,
выпуск 1972 г.*

Это было в 1961 году.

Я учился в первом классе.

Было очень удобно, что моя четвертая школа, точно так же, как и моя четвертая баня, находится буквально напротив дома. А жил я на улице Лермонтовской, дом номер 12 и квартира – тоже «четыре».

У меня была самая лучшая в мире учительница – Алина Никифоровна Задорожная-Морозова. Ее сын – знаменитый актер ТЮЗа Валик Морозов, с низким голосом, играл злодеев и антигероев в спектаклях Александра Беяцкого в ТЮЗе, вместе с гениальным Антоновым. Как говорится – «Есть, мушкетеры, есть!», «О чем рассказали волшебники», «Одуванчик» Александры Бруштейн, «Они и мы», «Рыжий. Честный. Влюбленный» – с гениальной красавицей Оленькой, моей соседкой, в роли Тутты Карлссон (сейчас – ведущая актриса театра «Новая сцена» у Николая Осипова) – кто формировался под воздействием Харьковского ТЮЗа и не пропускал ни одного из великолепных спектаклей Беяцкого – тот меня поймет.

И вот однажды Алина Никифоровна заболела. И я – первоклассник – решил ее навестить. Естественно, дома я никому ничего не сказал. Мне нужно было узнать адрес.

4 «А» класс, 1964 г.

Захожу в кабинет к Дмитрию Петровичу Коськову.

– Дмитрий Петрович, – говорю, – мне надо поговорить с Вами по очень серьезному делу.

Дмитрий Петрович выходит из кабинета и буквально через несколько минут возвращается. Как он потом рассказывал моей маме, вышел для того, чтобы посмеяться. Его позабавил толстенький важный семилетний мальчик, пришедший поговорить со своим директором по «серьезному делу».

Директор зашел с очень важным лицом и, узнав, в чем проблема, сразу дал адрес.

Алина Никифоровна жила возле знаменитого дома – башни со шпилем, с которого начинается Московский проспект. (Сейчас это площадь Конституции, 2/2). От этого таинственного и романтического дома, который я в детстве почему-то ужасно любил и в тоже время боялся (мне он напоминал и пиратский корабль, и Московский университет без плеч), нужно было немного пройти в сторону еще одного великана – Успенского собора, в котором сейчас Органный зал.

И вот, я у Алины Никифоровны.

Пью чай.

Мама и бабушка, которые не знали о моих планах и обеспокоенные моей внезапной пропажей, естественно, звонят в милицию.

В какой-то момент я понимаю это и звоню маме.

– Я у Алины Никифоровны. Пью чай.

... Через четыре года Дмитрий Петрович вел у нас русский язык. У него была замечательная педагогическая система. Он «ставил» на словарную работу. И мы очень много писали и обсуждали слова, которые пишутся трудно.

У Дмитрия Петровича был небольшой выступающий «животик». Поэтому он всегда расстегивал пиджак, когда садился, и застегивал, когда вставал.

В детстве я был толстенький, и, беря пример с Коськова, стал поступать точно так же.

Была у Дмитрия Петровича еще одна «отличительная» привычка – он интересно складывал руки на животе и красиво вращал большими пальцами. До сих пор я делаю точно так же.

Дмитрий Петрович жил в школе. Он был одинок.

Когда в 1967 году мы перешли в шестой класс, а Дмитрий Петрович стал заведующим Киевским РОНО, в его небольшой «школьной» квартирке разместили библиотеку, а к нам пришла замечательная учительница русского языка и литературы Светлана Ивановна Бабич.

До сих пор помню первые слова, произнесенные новым учителем в нашем классе:

– Мне очень трудно будет вести уроки после Дмитрия Петровича. Я знаю, что вы все его очень любили.

Итак, здание школы готово, назначен директор.

А вот и списки первых учителей средней общеобразовательной трудовой политехнической школы № 4 с производственным обучением*.

1. **Дмитрий Петрович Коськов**, директор школы (приказ от 01.08.1959).
2. **Александрова Валентина Григорьевна**, учитель биологии (приказ от 09.09.1959).
3. **Артамонова Алевтина Андреевна**, учитель черчения (приказ от 01.09.1959).
4. **Артеохова Вера Максимовна**, завуч старших классов (приказ от 24.08.1959).
5. **Афанасьева Мария Андреевна**, старшая пионервожатая (перевод из 53 школы, приказ от 01.09.1959).
6. **Афанасьева Мария Андреевна**, учитель русского языка (приказ от 02.09.1959).
7. **Бабич Светлана Ивановна**, учитель русского языка (перевод из 62 школы, приказ от 01.09.1959).
8. **Бережная Вера Пантелеймоновна**, учитель истории (перевод из 62 школы, приказ от 01.09.1959).
9. **Берлина Вера Александровна**, учитель истории (перевод из 17 школы, приказ от 01.09.1959).
10. **Богуславский Петр Борисович**, учитель столярного дела (приказ от 01.09.1959).
11. **Газеева Елизавета Константиновна**, учитель английского языка (перевод из 17 школы, приказ от 01.09.1959).
12. **Галянт-Головская Татьяна Николаевна**, учитель биологии (приказ от 01.09.1959).
13. **Гарькавая Зоя Петровна**, учитель математики (приказ от 01.09.1959).
14. **Григоренко Павел Михайлович**, учитель начальных классов (приказ от 31.08.1959).
15. **Дмитриев Александр Дмитриевич**, учитель физкультуры (приказ от 01.09.1959).
16. **Животовская Мария Борисовна**, учитель украинского языка (перевод из 62 школы).
17. **Забелина Дина Николаевна**, учитель начальных классов (приказ от 03.09.1959).
18. **Задорожная Алина Никифоровна**, учитель младших классов (перевод из 17 школы, приказ от 01.09.1959).
19. **Игнатова Валентина Алексеевна**, учитель математики (перевод из 5 школы, приказ от 01.09.1959).

---

* Выписки из приказов.

20. **Касьян Евгения Николаевна**, учитель младших классов (перевод из 17 школы, приказ от 04.07.1959).
21. **Качура Нонна Антоновна**, учитель физики (перевод из 17 школы приказ от 01.09.1959).
22. **Кваша Мирон Леонтьевич**, помощник директора по хозяйственной части.
23. **Квичко Ефим Моисеевич**, учитель слесарного дела (приказ от 01.09.1959).
24. **Кравец Мария Борисовна**, бухгалтер (перевод из 17 школы).
25. **Литвиненко Александра Антоновна**, учитель географии (перевод из 64-ой школы, приказ от 01.09.1959).
26. **Литвиненко Роза Константиновна**, учитель русского языка (перевод из 17 школы, приказ от 01.09.1959).
27. **Лодяная Зинаида Павловна**, учитель домоводства (приказ от 01.09.1959).
28. **Лоевская Вера Александровна**, учитель украинского языка (перевод из 17 школы, приказ от 01.09.1959).
29. **Лойф Владимир Львович**, учитель английского и немецкого языков (перевод из Старомерчанской школы Богодуховского района, приказ от 01.09.1959).
30. **Лузан Полина Ивановна**, учитель химии (перевод из 36 школы, приказ от 01.09.1959).
31. **Машко Виталий Трофимович**, учитель физкультуры (перевод из 17 школы, приказ от 01.09.1959).
32. **Медведникова Вера Владимировна**, воспитатель группы продленного дня (перевод из 17 школы, приказ от 01.09.1959).
33. **Меерталь-Горбатова Ада Аркадьевна**, учитель младших классов (перевод из 17 школы, приказ от 31.08.1959).
34. **Мелихова-Носова Наталья Ивановна**, учитель начальных классов (перевод из 17 школы, приказ от 04.07.1959).
35. **Морозова Таисия Филипповна**, учитель младших классов (приказ от 01.09.1959).
36. **Олейник Лидия Павловна**, учитель младших классов (перевод из 17 школы, приказ от 04.07.1959).
37. **Плотникова Лариса Андреевна**, завуч младших классов (приказ от 24.08. 59).
38. **Половкина Зинаида Викторовна**, учитель начальных классов (приказ от 31.08.1959).
39. **Приходько Анатолий Андреевич**, учитель русского языка и рисования (перевод из 105 школы, приказ от 01.09.1959).
40. **Сенько Леонид Григорьевич**, учитель математики (перевод из 17 школы, приказ от 01.09.1959).
41. **Сердюкова Валентина Алексеевна**, учитель зоологии и анатомии (приказ от 09.09.1959).
42. **Стаценко Елена Васильевна**, учитель младших классов (приказ от 31.09.1959).

43. Сылкина Валентина Николаевна, секретарь школы (приказ от 25.08.1959).
44. Федосейкина Алла Николаевна, учитель украинского языка (первод из 17 школы приказ от 01.09.1959).
45. Шульга Людмила Сергеевна, учитель младших классов (перевод из 17 школы приказ от 04.07.1959).
46. Ярхина Евгения Семеновна, библиотекарь (приказ от 25.08.1959).
47. Торопов Николай Михайлович, руководитель духового оркестра (приказ от 16.10.1959).
48. Ацозлыкин Валентин Александрович, руководитель радиокружка (приказ от 01.01.1960).
49. Шапиро Лидия Борисовна, руководитель хора (приказ от 13.01.1960).
50. Семячкин Николай Иванович, заведующий радиоклассом (приказ от 07.07.1961).

И для тех, кто помнит то время, когда мы дружно шагали к коммунизму, немного ностальгии...

ПРИКАЗ ПО ШКОЛЕ № 71 от 03.11.59 г.

42-ю годовщину Великой октябрьской социалистической революции советский народ встречает в обстановке огоромного подъема, вызванного историческими решениями 21-го съезда партии. Успешно выполняется план 1-го года пятилетки – гигантского плана нашей родины по пути к коммунизму. Много и успешно работали все члены нашего педагогического коллектива и работники школы за 2 месяца существования нашей школы. Перед нами теперь основная задача: создание крепкого, боевого ученического коллектива, успешное осуществление производственного обучения, борьба за высокую успеваемость и дисциплину.

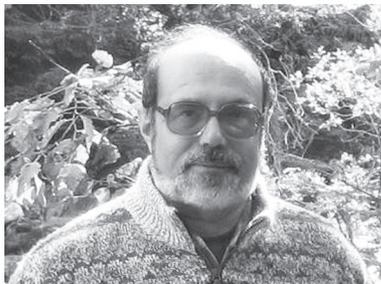
Партией и правительством поставлены большие задачи по осуществлению перестройки в свете политехнического обучения. Все наши силы, все наше умение должно быть направлено на решение этих задач.

Приветствую и поздравляю всех работников школы с праздником – 42-ой годовщины Великого октября. Желаю новых больших успехов в деле воспитания нашей молодежи, нашей надежды, нашего будущего.

Директор СШ №4, Коськов Д.П.

На подступах к 4-й школе

*Александр Брукман,
выпуск 1959 г.*

Александр Брукман

Неожиданно узнав от Димы Брука о праздновании 50-летия школы, я воспрянул духом и снова почувствовал прелесть жизни, потому что уже погибал под тяжестью комплекса неполноценности – все вокруг ветераны чего-то, а я вообще ничего и никак! Одним словом – простой немецкий бесперспективный безработный.

И вдруг выясняется: я ветеран школы № 4 Киевского района города Харькова и принадлежу к числу её первых учеников!

Конечно, не в смысле успеваемости, а по времени!

Воспоминания нахлынули на меня! В тот 1959 год, в нездоровой обстановке внеочередного XXI съезда КПСС и развернутого строительства коммунизма, к которому мы были близки как никогда, я закончил 7 классов 49-й средней школы, которая располагалась на улице Черноглазовской, и летом поехал в пионерский лагерь, не подозревая о том, что уже стал жертвой очередной реформы народного образования.

Закон от 24 декабря 1958 года реформировал среднюю школу и ввел двухступенчатую систему – обязательное восьмилетнее образование с последующей отработкой на производстве в течение 3-х лет. Десятилетки разделили на 8-летки и 11-летки, и мою любимую школу объявили 8-леткой.

Впоследствии Хрущев учёл успешный опыт разделения школ и пошел дальше: в сентябре 1962 года разделил одну ленинскую партию на две, правда, такие же ленинские – промышленную и сельскохозяйственную. Видимо, какие-то умники нашептывали ему: «Разделяй и властвуй!», уверяя, что так завещал ему великий Ленин.

Слабые умы не видят связи между школьной реформой и реформой партии, но мы-то знаем, что реформирование сродни алкоголизму, а запоями не бывают.

Для полноты картины невозможно хоть немного не остановиться на трагичности моей школьной судьбы. Я дважды становился жертвой реформирования школы – после второго класса и после седьмого. Наиболее трагично для меня было введение совместного обучения вместо отдельного: в 1952 году поступил в 49-ю мужскую школу, а в третьем классе оказался в смешанной.

В мужской школе учились мужчины, знакомые мне по яслям и детскому саду. Также в ней учились наши старшие братья, в том числе и мой. Два года игр в квача и козла на школьном дворе, хороших драк и соревнований по гандболу пролетели, как одно мгновение, и вот нелепая судьба: часть мужчин нашего класса заменили противоположным полом из соседней женской школы № 133.

Со многими девочками, пришедшими в наш класс, мы, в своё время, сидели на горшках в детском садике на улице Садовой (ныне улица Чубаря) и не считали их противоположным полом. Но два года, проведенные ими в казематах 133-й женской школы, сделали своё дело. В их поведении появились

неизвестные ранее странности и неадекватность реакций: шлепнешь, бывало, сугубо по-дружески, портфелем по спине, а она в слезы и жаловаться. Учителя-ветераны нашей школы тоже не понимали новых учениц: носы не разбиты, глаза не подбиты, зубы на месте. Чем же вызваны слезы?

Следует отметить, что педсостав школы хоть и не состоял полностью из мужчин, но был лоялен к нашим нравам. Моя любимая первая учительница, **Нелля Андреевна**, бывшая фронтовичка, пахла смесью табака и духов и по нашим единодушным оценкам была очень красивая и стройная. И тем не менее, одинока. Когда уж такие женщины одиноки, понимаешь, сколько мужчин выкосила война!

Она знала, что балуемся мы не потому, что плохие, а потому что внутри каждого из нас сидит минимум один черт. И этот черт становится тихим только тогда, когда дашь ему подзатыльник, схватишь за шкурку и поставишь в угол. Во мне сидело несколько чертей, но я чувствовал, что Нелля Андреевна воюет с ними, а не со мною. Я и сейчас вспоминаю её с благоговением и понимаю, как ей было легко с нами и как стало тяжело, когда в класс пришли девочки! Ведь им не дашь оплеуху, не швырнешь в угол и не выкинешь из класса!

В пятом классе начали изучать английский язык. Ему нас учила очаровательная молодая женщина, бывший офицер полковой разведки – она была на фронте переводчицей и умела спрашивать нас так, что хотелось сразу же во всём признаться, причем на английском языке. Я её обожал и даже сейчас, через бездну лет, зрительно помню её и восхищаюсь.

Физику преподавала бывшая подполковник, кажется, из артиллерии. Хоть она нас и не материла, но мы чувствовали, что своей тупостью уж очень

её доставали и вот-вот у неё прорвется. И тогда она выскажет нам всё, что у неё накипело на душе, или взорвет нас к чертям собачьим. А что же с нами, такими тупыми, еще делать?

Учитель математики тоже был не из простых смертных и нами мало интересовался. А когда он работал с кем-то из несчастных у доски, мы могли ходить хоть на голове.

Между тем, с изменением половой принадлежности учащихся нашей школы с гомогенной на гетерогенную, изменился и педсостав – к нам перевели нескольких чопорных классных дам, пропахших валерьянкой и таких же неадекватных, как их девочки. Во всяком случае, они излишне бурно реагировали на карбид в учительских чернильницах и другие безобидные знаки внимания. В отличие от них, наши прежние учителя реагировали на такие шутки совершенно спокойно.

– Пусть тот, кто это сделал, заменит чернильницу, – хладнокровно командовала, например, бывший офицер полковой разведки, и шутник-неудачник понуро выполнял приказ. Фронтовички умели нами командовать, а вот к девочкам приспособиться долго не могли: те не выдерживали даже их строгого взгляда и пытались заплакать.

И вот в такую нашу спокойную и размеренную жизнь ворвались истеричные классные дамы, переведенные из женской школы в помощь нашим фронтовикам и фронтовичкам. В этой связи вспоминаю, как в пятом классе один из наших товарищей на уроке пения влез в класс на втором этаже по приставной лестнице через окно. Влез задом, что являлось верхом неприличия и неуважения к находящимся в комнате. Однако учиненный учительницей по этому поводу скандал был непропорционален содеянному. Фронтровая переводчица распорядилась бы надавать виновнику по шее не прямо сейчас, а на перемене, чтобы не срывать урок. И на этом вопрос был бы исчерпан. Но изменились времена, изменились нравы, и при этом не в лучшую сторону.

– О времена, о нравы! (o tempora, o mores!), – как воскликнул в свое время Цицерон на суде над Катилиной, хотя ему было гораздо легче, чем нам: там вопрос шел всего лишь о заговоре с целью установления диктатуры. А у нас её уже установили слезливые классные дамы из бывшей женской 133-й школы.

Между тем интересен и несколько загадочен такой факт: старшеклассники, невзлюбив, как и мы, перешедших к нам классных дам, тем не менее к совместному обучению с девочками относились с энтузиазмом, предав мужские традиции нашей школы.

Старшеклассницы ходили в модных в то время юбках колоколом, но наша полковая разведчица расколола их так же легко, как раньше колола языков, захваченных за линией фронта:

– Увижу на контрольной написанные на коленях шпоры, ставлю двойки без разговоров, – предупредила она старшеклассниц, неверно истолковав их стремление носить юбки колоколом. Она наивно полагала, что мы ходили в школу только для того, чтобы писать контрольные, а старшеклассницы носили короткие юбки только для удобства списывания со шпаргалок.

Летом 1959 года я еще не подозревал о том, какую роль в моей жизни сыграет новая реформа школы и окончание строительства 4-й школы, поэтому спокойно поехал в пионерский лагерь в Померках.

В лагере было, как всегда, весело и интересно. Пекли картошку на кострах, участвовали в спортивных состязаниях и в военной игре «Зарница», разучивали новый танец рок-н-рол, травили антисоветские анекдоты и распевали веселые частушки об очередном дорогом друге нашей страны, Герое Советского Союза и президенте Египта Гамаль Абдель Насере:

Лежит на пляже кверху пузом,
Полуфашист-полуэсер,
Герой Советского Союза
Гамаль Абдель на всех насер.

К сожалению, все друзья Советского Союза были дорогими, причем покупали их за валюту. И только мы бесплатно строили коммунизм, потому что кроме нас он был никому не нужен.

Лагерные дни протекали солнечно и безмятежно, но однажды всё изменилось и наш первый отряд едва не записали в диссиденты. Лагерь принадлежал УВД Харьковской области, но в нём отдыхали и дети работников «конторы глубокого бурения» по Харьковской области. Они знали множество смешных анекдотов о Хрущеве, и однажды, после особенно веселого вечера, нас собрали в укромном месте и предупредили, что генералу Покусу, тогдашнему начальнику областного УВД, стало известно, какие анекдоты мы здесь травим. И если не хотим, чтобы наши родители вылетели с работы, как пробки из бутылки шампанского, то антисоветчину следует прекратить.

Кто и зачем нас сдал, так и осталось неизвестным. И было очень обидно: ведь нас, советских пионеров, на примере Павлика Морозова учили сдавать родителей, а не друг друга! Видимо, кто-то из членов нашего первого отряда неправильно понимал верность пионерскому долгу.

Больше мы не пекли картошку по вечерам, потому что как только начинаешь её печь, так сразу же на антисоветчину и тянет. Уверен, дело здесь не в картошке, так как продукты тщательно проверялись медсанчастью, а в чем-то другом. Однако этот интересный психологический феномен так и остался неизученным.

Тем не менее, боль за постыдное поведение нас мучила недолго, потому что смена подходила к концу. Закончилась зубная паста, которой мы пачкали друг друга по ночам, выучили, наконец-то, с большим трудом отрядную песню, и старшая пионервожатая, поссорившись с нашим отрядным пионервожатым, обнаружила у нас колоду игральных карт, на которые до этого не обращала внимания. В отряде колода была единственная и расставались мы с нею с сожалением, но ещё с большей неохотой расставались с лагерем.

И вот, по возвращению домой, я вдруг узнаю, что переведен в новую, только что построенную школу № 4, что рядом с китайской прачечной на улице Лермонтовская. Прачечную я знал – мы туда возили стирать белье, но не мог предположить, что рядом с нею выстроят школу, которая станет моею!

Для меня, выросшего в трущобах центра города на углу улиц Пушкинской и Гражданской, улица Лермонтовская казалась краем города, но делать было нечего, и 1 сентября с букетом цветов поплелся на «Голгофу». Я сильно нервничал – незнакомый класс, незнакомые люди, а я стеснительный и к тому же очень сильно заикаюсь! Это сейчас, потрепанный жизнью, я сделался старым, циничным, наглым и самоуверенным, а тогда был юн, до безобразия застенчив и не уверен в себе.

При таких комплексах важна свобода активной самообороны, но мама строго предупредила, что все школы Киевского района переполнены, и если меня оттуда выгонят, то идти будет некуда. И чтобы я забыл всё, чему нас учили в спортзале 49-й школы шефы – курсанты из училища пограничников – и начал жизнь с чистого листа.

В 4-й школе

Я попал в 8 «Г» класс, которым руководила **Светлана Ивановна Бабич**, жена Михаила Ивановича Берлова, бывшего директора 49-й школы. Это на первых порах меня немного успокоило – всё-таки классный руководитель имеет какую-то связь с моей старой школой.

Светлана Ивановна, всегда с хорошо уложенной прической, стройная, с красивой фигурой, хорошо пахла и всегда одевалась просто, но элегантно. Она обладала хорошим вкусом, красивой осанкой и походкой, при этом ставила ступни носками врозь, чем обращала внимание на свои красивые ноги. Модели так ходить сейчас не умеют.

В классе из 42 человек было 8 лиц мужского пола, поэтому, когда несколько мужских лиц покидали класс по своим делам, он все равно оставался полным. Между тем, учителя, вроде бы и не служившие ранее в полковой разведке, каким-то образом вычисляли отсутствующих, и Светлана Ивановна строго карала за это записью в дневнике. При этом имела неприятную

привычку делать записи красными чернилами, несмотря на то, что были у неё и синие, хотя бесцветные смотрелись бы лучше.

Недалеко от школы располагались прекрасные кладбища, где можно было хорошо проводить время. А в холодные и сырые дни мы шли на квартиру к нашему однокласснику Вове Тягнирядко и там играли в карты и пили дешёвое красное вино. Нам было хорошо, но Светлана Ивановна по неведомым причинам устраивала на нас буквально охоту, хотя мы всячески старались не мешать ей учить девочек нашего класса доброму, прекрасному, вечному.

Она считала чрезвычайно важным для нас познать Чехова с его «Толстым и тонким», Гончарова с его «Обломовым» и Гоголя с его «Мертвыми душами» и Акакием Акакиевичем. Промелькнула какая-то Катерина как «луч света в темном царстве», Рахметов все время вопрошал «Что делать?», и жутко раздражал пустой базар Хлестакова о его тусовках в Питере.

Зачем Рахметов спал на гвоздях и отказывался от хорошей пищи? Не желая вникать в подробности романа, я полагал, что таким образом он вырабатывал у себя силу воли. Понимая необходимость её наличия, тем не менее, следовать дурному примеру не хотел и решил вырабатывать волю чтением романа Гончарова «Обломов». Хоть это и было гораздо труднее, чем спать на гвоздях, но не требовало основательной переделки кровати. Легкий путь к цели не всегда правильный!

Светлана Ивановна рассказала нам о романе всё, что положено было знать простому человеку, поэтому необходимость в его прочтении отсутствовала. Да и прочесть роман, не используя пристяжные ремни безопасности, попросту невозможно. Бывало, начнешь его читать, сидя на стуле, и падаешь, заснув на пятой странице, включая титульный лист. Ляжешь читать на диван – толстая тяжелая книжка падает на нос, стоит только заснуть.

Перепробовал различные позы, но дело не шло, потому что в чтении учебной литературы главное не поза, а терпение. Тем не менее, задавшись целью прочесть не менее десяти страниц, я однажды все-таки достиг желаемого результата. Количество неудачных попыток не засекал, потому что только в любви нам интересен сам процесс, а в таком деле, как чтение классиков, важен результат. Уверен, нас заставляли изучать этот роман не случайно: был в этом тонкий расчет на воспитание силы воли у подростков.

Помню, как Светлана Ивановна доверительно рассказывала нам о том, что Обломов всё время лежал на диване и спал. Спал даже тогда, когда появилась некая Ольга и он в неё влюбился. Она делала неоднократные попытки пробудить его сексуальность, но так и не смогла ничего добиться. Не ясно, в чем состояли ее попытки, так как Светлана Ивановна старалась не акцентировать внимание на столь интересном вопросе. Но предполагаю, что Ольга не сумела добиться результата не в силу своей неопытности, а просто потому, что Обломов был постоянно сонный. В этом и заключена

вечная трагедия наших женщин – раньше мужики все время спали, а нынче безбожно пьют!

Стоит ли после этого удивляться тому, что в Харькове в шестидесятые годы начали рождаться негритята? Это сейчас украинские девушки свободно едут с арабскими друзьями в Палестину, а во времена «железного занавеса» приходилось ограничиваться африканскими студентами, учившимися в харьковских вузах. Вот на какие невеселые мысли наводит чтение классической литературы!

Скучная история вечно возлежащего на диване Обломова очень нервировала меня, увлеченно зачитывавшегося в ту пору романом-эпопеей Анны Антоновской «Великий Моурави» и бессмертными произведениями Ги де Мопассана. Не менее доставали меня и рассказы Чехова – в отличие от О'Генри, чеховский юмор заложен настолько глубоко, что выявить его без дополнительных разъяснений Светланы Ивановны не представлялось возможным. А попросишь, бывало, подчеркнуть смешные места, чтобы знать, где интеллигентные люди обязаны смеяться – начинает сердиться. Вот так и пропадает тяга к знаниям!

Военное дело нам преподавал отставник, которого я зрительно хорошо помню, но фамилию, имя и отчество забыл. Светлана Ивановна учила нас духовности, а он после её уроков выводил нас на школьный двор и заставлял маршировать. Затем вручал мелкокалиберную винтовку и требовал стрелять по мишеням.

Это сейчас мы точно знаем, что киллеры без оптических прицелов не работают. А тогда, не догадываясь об этом, учились стрелять из винтовки, такой же простой, как гвозди. Только теперь понимаешь, что всё же имели место некоторые недостатки в системе нашего обучения.

В 1956 году советские войска подавили мятеж в Венгрии и военрук рассказывал нам подробности спасения нашими танковыми дивизиями братского венгерского народа. Правда, некоторых спасти так и не удалось, потому что танк не велосипед – уж если наедет, так от человека мало что останется.

Наш класс был сборный, набранный из учеников различных школ, и большая часть класса учила немецкий язык, а очень немногие – английский. Немецкий язык читал мужчина крепкого телосложения, боксер, поэтому я не сомневаюсь, что изучавшие немецкий язык аккуратно выполняли домашние задания и добросовестно относились к изучаемому предмету.

Я тоже добросовестно учил английский в 49-й школе – когда его преподает бывший офицер полковой разведки, то сопротивление подавляется быстро и беспощадно. В нашей же небольшой группе, отколовшейся от основной массы, английский преподавала добрая женщина предпенсионного возраста, у которой для меня всегда была в запасе тройка как мера моего незнания языка. Нас с детства учили беречь своё время, поэтому я не тратил его на изучение мурлыкающего языка коварных империалистов. Это сейчас

они стали нашими старшими братьями по разуму и хотят переоборудовать украинские овощные базы в военные. А тогда их хитрые поползновения никого не могли ввести в заблуждение.

Великолепно читала историю **Вера Пантелеймоновна Бережная**. Стиль изложения ею школьного материала выдавал в ней настоящего профессионала-историка. Я не мог определить, насколько другие учителя владели своим предметом (кроме, разумеется, Светланы Ивановны, – она умела быстро ставить зарвавшихся учеников на место!). Но профессионала отличает умение владеть профессиональным языком. Мнимых блатных колят на их неумении грамотно ботать на фене. Точно так же и в науках.

В нашей семейной библиотеке стояли три тома истории дипломатии, сочинения академика Е. В. Тарле и много другой исторической литературы. Историей увлекался мой старший брат, и я тоже почитывал эту литературу. Поэтому, отличать профессиональных историков от примазавшихся к ним умел, хотя не так хорошо знал историю, как он. Она была отличным профессионалом и темы из школьного учебника умела изложить информативно и интересно, хотя это было невероятно трудно – учебники писали неучи.

А вот кто у нас преподавал математику вспомнить не могу, хотя умом понимаю, что не могли не преподавать. В подтверждение этой догадки вспоминается один факт, который косвенно подтверждает ее.

На углу Пушкинской и Лермонтовской в небольшом старом домике находился радиоклуб ДОСААФ, в котором нас учили азбуке Морзе и работе на ключе. Преподавал нам молодой, высокий и широкоплечий красавец-шатен в отличном темно-синем костюме и светло-коричневых туфлях из настоящей кожи. Говорили, что он чемпион чего-то по работе на ключе.

Нам надо было на слух воспринимать передачу и успевать записывать буквы, для чего требовали запомнить их мелодии. Например:

буквы – мелодия
Ж – Витя дурак!
У – ты куда?
Ф – тетя Катя
2 – я на горку шла
3 – идут солдаты
7 – дай, дай закурить!

Воспринимал я на слух мало знаков, хотя некоторые из нас записывали чуть ли не 30, а то и больше знаков в минуту.

– А тем, кто не планирует идти в шпионы, всё равно надо изучать? – поинтересовался я однажды у преподавателя, и он мне внушительно ответил:

– Конечно. Это такой же предмет, как и остальные. Например, математика, которую изучаете в школе.

Этот факт прямо указывает на то, что математику я всё-таки изучал, хотя подсознание отказывается в это верить.

Работу на ключе мы изучали в рамках радиодола, которое преподавали нашему классу. Велись разговоры о том, что другие классы изучают или будут изучать автодело, и не повезло только нам. Радиотехнику преподавал инженер с радиозавода. Он учил нас паять, и я тогда впервые увидел как плавится олово и научился отличать запах канифоли от запаха нафталина. Он пытался нам объяснить, как работают электронные лампы, в частности, диоды и триоды. Про диоды и триоды я частично понял, но как работает радиосхема так и осталось для меня загадкой.

Между тем, самое интересное было не в том, что он рассказывал, а в том, как он это делал. У него были ясные голубые глаза, непокорные каштановые волосы, которые рассыпались, когда он встряхивал головой, с вдохновением рассказывая нам о работе радиосхемы и роли ламп в этом, очевидно, далеко непростом деле.

Он мотался от доски к учительскому столу и снова к доске, неожиданно замирая в ожидании ответа: оказывается, он о чем-то нас спросил. Немного подождав, но так и не дождавшись ответа, снова подбегал к доске, что-то на ней рисовал, писал формулы и с торжественным видом оборачивался к нам, полагая, что теперь уж мы наверняка поняли, в чём дело. Кто-то, вероятно из тактичности, кивал головой. Кто-то невпопад задавал вопрос, пытаясь продемонстрировать свой интерес к радиодола. А я пытался угадать, куда в следующий момент он скакнет. И самое интересное, что много раз мне это удавалось, потому что алгоритм его движений был легко прогнозируем и строился на комбинаторике нескольких перемещений.

Его яркоголубые глаза с надеждой смотрели на нас – вероятно, он верил в то, что мы станем такими же фанатами радиодола, как и он. Именно тогда я осознал простую истину: инженером мне не бывать, ибо такие сложности осилить невозможно, несмотря даже на мои, как мне тогда казалось, семь пядей во лбу.

Моя бестолковость в технике угнетала не только учителей, но и меня самого. В 49-й школе у нас был слесарный труд и мы ходили в какие-то заводские мастерские, где напильниками выпиливали из заготовок молотки. Там я узнал, что пилят ножовками, а напильниками обрабатывают. И напильники различаются по типу насечки: драчовые – с крупной насечкой, личные – с более мелкой насечкой, и бархатные – для самой тонкой обработки. Зажав в тиски болванку, я «обрабатывал» её разными напильниками, но молоток получался такой же кривой, как пресловутая башня в городе Пиза. И понял я тогда, что ювелиром никогда не стану, и Фаберже с его яйцами никогда не смогу переплюнуть.

А здесь ещё один удар – никогда не стану радиоинженером! Комплекс неполноценности рос, как на дрожжах. Сейчас те, у кого ничего не получается, мечтают стать олигархами или криминальными авторитетами, не догадываясь о том, что это не одно и тоже – олигархов делают, а авторите-

тами становятся. В годы развитого социализма такие неудачники, как я, могли мечтать стать космонавтом. А в мое время в космос ещё не летали, и такого понятия, как космонавт, ещё не существовало.

Тем не менее, теплилась некоторая надежда, что **Нонна Антоновна Качура**, преподававшая нам физику, когда-нибудь оставит в покое Ньютона с его малопонятными теориями и перейдет к разделу электричество. Вот тогда она посвятит меня в тайны электронов, потому что с механикой мне было уже всё ясно – сия наука, так же, как и молоток, была мне не по зубам.

Нонна Антоновна, молодая красивая полная женщина, вела параллельный класс «В». Наши классы ожесточенно соперничали в рамках соцсоревнования, хотя до драк никогда не доходило. Всё ограничивалось разборками между Светланой Ивановной и Нонной Антоновной. Было бы неплохо, забивай они свою «стрелку» без нашего участия. Но так не получалось. Как говорится, господа дерутся, а у холопов чубы трещат!

Итоги соцсоревнования подводились каждую неделю в субботу после уроков. Классы брали обязательства заниматься без двоек, и это очень напоминало торжественное обещание партии: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

В основном класс учился хорошо, потому что девочки составляли подавляющее большинство. Они были хорошие, воспитанные, одним словом – домашние. Их узкие интересы ограничивались учебой, поэтому и заниматься им было легко. Нас же, мальчиков, в отличие от них, тянула к себе улица, и широта наших разнообразных уличных интересов не позволяла сосредоточиться на мелочах.

Если уроки не делать, то они делаются сами, и, приходя в школу, мы аккуратно их списывали, так как ответственно относились к обязательствам класса и старались не подводить коллектив.

Но в субботу утром Нонна Антоновна приходила в класс на урок и лихорадочно просматривала журнал. У нас в классе всегда сидело несколько надежных людей, которые не подведут, если их вызвать к доске. К таким людям относился и я, поэтому у Нонны Антоновны был выбор, если она не обнаруживала в журнале двойки, или их количество её не устраивало.

Не буду кичиться своим постоянством и утверждать, что всегда оправдывал её надежды. Бывало, что мне удавалось выкручиваться, и она, как человек честный и принципиальный, с сожалением отпускала меня обратно за парту без оценки. Я её понимаю – как же не жалеть, если выстрел пропал даром! Но снайперы тоже иногда ошибаются.

У Нонны Антоновны было страшное оружие – целых три закона движения Исаака Ньютона: закон инерции, закон пропорциональности силы ускорению и закон действия и противодействия. Но и Светлана Ивановна располагала не меньшими возможностями из своего боевого литературного арсенала.

Она залетала в наш класс после урока физики и сквозь зубы доносила до класса свои мысли о тех, кто подвел класс в последний момент. Меня неоднократно подмывало порекомендовать ей облечь свои мысли в формулировки одесских биндюжников, и от этого ей самой станет легче. Я бы мог ей подсказать нужные слова, но она была излишне интеллигентна и держала всё в себе. Удивительно ли, что с интеллигентами часто случаются инфаркты? Ведь с нами так нельзя было, потому что хорошего отношения к себе мы не понимали.

Звенел звонок, и она устремлялась в параллельный класс, который, будучи уже уведомленным о поставленных Нонной Антоновной двойках, трепетал в страхе. В параллельном классе тоже был свой надежный контингент, который толком ничего не мог сказать ни про Рахметова, ни про «луч света в темном царстве», ни в чем состоит юмор Гоголя насчет Акакия Акакиевича.

Угроза наказания в конце недели за моё не владение физикой в такой же степени, как сама Нонна Антоновна или хотя бы Ньютон, натолкнула меня на мысль использовать систему здравоохранения в личных интересах. В субботу, по дороге в школу, я стал заходить в детскую поликлинику и записываться на нужное время к врачу. Неважно, какой врач, главное состояло в том, чтобы время приема, указанное на номерке, совпадало со временем начала урока. Этот номерок я предъявлял перед уроками Светлане Ивановне и она облегченно вздыхала – с моим визитом к врачу шансы класса на первое место возрастали. Вот таким странным образом успеваемость класса оказалась в прямой зависимости от четкой работы регистратуры детской поликлиники Киевского района.

Правда, со временем Светлана Ивановна начала подозрительно относиться к моим регулярным посещениям поликлиники, хотя я неоднократно пытался убедить ее в том, что врачи разные, потому что речь идет о комплексном обследовании моего организма.

– Алик, дорогой, да тебя дубиной ведь не добьешь, а ты по врачам бегаешь! – рассердилась она в конце концов.

Со Светланой Ивановной у меня сложились сложные отношения, так как человек я был не простой, и не менее сложный, чем она сама. И когда в классе началась пандемия вступления в комсомол, Светлана Ивановна отказалась дать мне характеристику.

– Ты не занимаешься общественной работой, – отрезала она, и я вспомнил, что являюсь секретарем или даже председателем совета физкультуры школы, а также имею спортивные грамоты.

По стечению обстоятельств физруком в нашем пионерском лагере был Александр Дмитриевич Дмитриев, который затем стал преподавателем физкультуры в 4-й школе. Выступая за лагерь, я стал чемпионом по бегу на 60 метров среди пионерских лагерей Померки-Сокольники, поэтому увидев меня в школе, он тут же назначил меня в совет физкультуры. Однако Свет-

лана Ивановна не интересовалась спортивными достижениями школы, и ей было наплевать, что в закрытых помещениях я бегаю быстрее всех в школе. Уж если таких бегунов не принимали в комсомол, то стоит ли удивляться загниванию социализма!

Если не ошибаюсь, в 1960 году, когда я был в девятом классе, заработал школьный радиопузел. Он рассказывал нам о нашей школьной жизни и о нас, о чём мы даже не догадывались. Время от времени по радио читали стихи ученицы Слуцкой, если мне не изменяет память. Кто она и в каком классе учится, не имел понятия, но диктор читала любые тексты настолько чувственно, что я никогда не мог определить, где кончается сообщение и начинаются стихи.

Однажды, приняв сообщение за стихи, я задумался об их размерности. Вроде бы не ямба, не хорей, и, тем более, не мутакариб, и даже не белый стих.

– А какой размер этих стихов? – спросил я однажды у Светланы Ивановны, когда во время её урока шла очередная радиопередача.

– Это не остроумно, – резко ответила она, и я, прислушавшись к тексту, понял, что диктор просто что-то говорит с глубоким чувством о высоком. По своей наивности, я отличал стихи от сообщений по рифме, тогда как следовало различать по смыслу и теме затронутых вопросов.

Как ни удивительно, но в 8-м классе нам преподавали пение. У меня не было и до сих пор нет ни голоса, ни слуха. По вечерам у костра ребята пели только блатные песни, а в школе на уроках пения нас учили совсем другим песням, поэтому мой музыкальный кругозор был необычайно широк.

Я и предположить не мог, что даже в 8-м классе нас будут учить пению, и вдруг в класс заходит **Лидочка Шапиро** – удивительно красивая девочка, только что окончившая институт. Она была маленького роста, ходила на высочайших каблуках и заставляла каждого что-то спеть.

Олег Ольховский, ученик нашего класса, играл на кларнете и был знатоком не только музыки.

– А ножки ничего! – одобрительно произнес он, развалившись на парте и нагло рассматривая Лидочку. Она стала пунцовой, и это делало её ещё больше обворожительной.

– Вы хам! – заявила она ему, но он спокойно, не повышая голос, ответил:

– Сама хамка!

Ольховский всегда был находчивым и за словом в карман никогда не лез – коммунальные кухни воспитывали прекрасных полемистов. А Лидочка, очевидно, росла в интеллигентной семье и слишком много времени проводила в музыкальной школе и консерватории. Даже страшно себе представить, что было бы со страной, заседай в украинском парламенте одни интеллигенты!

Лидочка выскочила из класса и через некоторое время пришел Дмитрий Петрович Коськов, директор школы.

– Ольховский идёт ко мне в кабинет, а остальных я лишаю уроков пения, – хмуро и жестко сказал он.

Под остальными имелись ввиду мальчики. Мы молча побрели на ближайшее кладбище играть в карты. Но игра у меня тогда не клеилась, потому что было жаль Лидочку. Хоть мое пение и напоминало козлиное, но я готов был тихо сидеть на ее уроках, потому что она своим видом вызывала у меня положительные эмоции.

Кажется, в 9-м классе нам начали преподавать астрономию. Читал её высокий молодой человек в очках. Не помню ни фамилию, ни отчество, помню только имя Эмиль. Возможно, Эмиль Григорьевич. На первом же уроке мой приятель, Костя Крупский, задал ему вопрос:

– Почему наша Галактика находится в центре вселенной?

Ходили слухи, что Вселенная бесконечна, и Костин вопрос навел меня на интересную мысль: если у Вселенной есть центр, то есть и края. Следовательно, Вселенная конечна, а не бесконечна. Удивительно, как к этому очевидному выводу не пришли астрономы, и я понял, что могу внести весомый вклад в развитие этой науки.

Но Эмиль Григорьевич сразу же развеял мои надежды и начал повторять известные истины. Вот так и пропадает тяга делать открытия!

В 10-м классе вдруг выяснилось, что несколько ребят ушли из школы и устроились на работу. Стояли чудесные дни «бабьего лета», когда в раздевалке я узнал, что еще двое из класса устроились на работу и покинули школу.

– Через месяц меня тоже здесь не будет, – брякнул я тогда и вскоре об этом забыл. Чего только не скажешь в женском коллективе, когда на улице поют птицы, стоят солнечные теплые дни, а тебя вынуждают заниматься черт знает чем!

Но вырвавшуюся фразу запомнила Танечка Лисевич из параллельного класса и однажды утром в раздевалке, когда я, надев тапочки, делал себе, как обычно, белый воротничок в полоску из листка школьной тетради, она ехидно заметила:

– Месяц прошел, а ты ещё здесь?

– Проклятый склероз! – пояснил я и начал одеваться.

Так я и расстался с 4-й школой. А всё потому, что с детства мне коварно внушали: нельзя, мол, обманывать! Это был мой последний день в 4-й школе в качестве ученика. Аргумент для мамы нашелся быстро: поступление в вуз зависело не от успеваемости учеников, а от их трудовых характеристик.

– Сейчас необходим рабочий стаж для поступления в институт, – доказывал я с газетой в руках.

Характерно, что в то время, точно так же, как и сейчас, газеты можно было использовать не только для растопки костров и для различных бытовых нужд – в них легко отыскивались цитаты на все случаи жизни.

Между тем, Светлана Ивановна, будучи не только активным, но и сознательным членом партии, пыталась меня отговорить:

– Алик, не валяй дурака! Зачем ты бросаешь школу? – вопрошала она, явно не понимая, что для построения коммунизма от каждого из нас требовалась полная самоотдача. Но ей надо было во что бы то ни стало сохранить в классе грубую мужскую силу для сбора металлолома, посадки деревьев, передвижки парт и т.д. Ей это не удалось: в конце десятого класса грубая мужская сила осталась в единственном экземпляре, а именно в лице Кости Крупского. Он был один на 34 девочки, поэтому и возглавил коллектив.

Ностальгия по 4-й школе

Бросив школу, я довольно быстро устроился на работу в одно из специализированных управлений треста «Южэлектромонтаж» и начал работать учеником электромонтера в монтажной бригаде на стройке. Учеником числился условно и недолго, потому что очень скоро в бригаде поняли, что учить новенького нечему – мало кто из них мог меня перепить. Их организмы уже были насыщены спиртным в достаточной степени и не могли успешно соперничать с юными дарованиями. Именно тогда у меня появилось сомнение в рабочем классе как гегемоне.

Свое удивительное свойство я обнаружил в первую зарплату – после двух стаканов водки появляется зверский аппетит. Я стал почти героем бригады, и очень скоро меня перевели из учеников в монтажники. Но до бригадира не дорос, потому что он умел переворачивать стаканы не хуже меня. В бригаде мною гордились, потому что пить, не глядя носом в стакан, в других бригадах не умел никто. Это искусство я освоил на кладбище, прогуливая уроки, хотя Светлана Ивановна считала, что мы там бездельничаем.

Непереводимую игру слов ненормативной лексики, столь необходимую для производственного общения и трудовой деятельности, я освоил настолько быстро, что даже опытные монтажники просили меня пояснить свою мысль простыми словами. Это доказывает, что я быстро вошел в рабочую среду и был там свой, как плоть от плоти рабочего класса.

Обедали мы в нашей монтажке, и часто на столе были горилка за 2 рубля 87 копеек, ржавая селедка и завтраки в общий котел. Возможно, с тех пор я люблю селедку и предпочитаю водку винам и коньякам. Но каждый раз, обедая в монтажке, я вспоминал наш школьный буфет – кефир и вкусные свежие пончики с повидлом. Таких больше я нигде не ел и любовь к ним пронес через всю жизнь.

Приняв в 10-м классе решение бросить школу, я понимал правильность этого поступка, когда вся страна в едином порыве занята строительством коммунизма. Но тяжелая домашняя обстановка гнилой интеллигенции сказывалась на моей психологической устойчивости, и я дрогнул – посту-

пил в школу рабочей молодежи. Очень трудно после работы каждый вечер ходить на занятия, но там всегда было весело. Особенно на задней парте, где несколько классных активистов, в их числе и я, резались в карты, потягивая вино.

Вино проносили в школу девочки, потому что на входе нас обыскивали милиционеры – искали ножи и горячительные напитки. Есть такие люди, которым плохо, когда другим хорошо. К таким людям относилась директор школы, постоянно требовавшая от райотдела милиции, чтобы патруль не проходил мимо школы, не поинтересовавшись поведением внутри неё учеников.

Сумки девочек милиционеры не проверяли, и те проносили не только бутылки, но и стаканчики, потому что некрасиво на уроке пить прямо из горла.

Между тем, жизнь вносит свои коррективы, и я сейчас с грустью отмечаю, что после того, как стал интеллигентом, перестал пить стаканами. А много ли выпьешь рюмками? Может, поэтому у нас и не любят интеллигенцию? И не потому ли она такая гнилая, что слабо проспиртована? А ведь на трезвую голову невозможно адекватно воспринимать идеи развитого социализма и всепобеждающее марксистско-ленинское учение! И не случайно сразу же после того, как партия повела успешную борьбу за трезвость, народ отвернулся от идеалов социализма и выбрал идеалы олигархического капитализма.

Оглядываясь назад, в школьные времена, вспоминаю изречение одной из учительниц: «Есть такие ученики, у которых хоть кол на голове теши...». К ним относился и я. Но мы были нужны нашим учителям, потому что есть такое понятие – карма. Именно через нас и благодаря нам они отрабатывают её за совершенные в прошлые жизни ошибки. Именно благодаря нам, они очищаются, и их ясный взор наполняется мудростью и добротой, а вокруг голов начинает светиться нимб святости.

*Мы вас помним**Саша Вельман,
выпуск 1964 г.*

Накануне первого сентября 1959 г. нас собрали перед зданием новой школы. Крупная женщина старше моей мамы в черном сарафане и голубой блузе записывала в 7 «Б» класс. Оказалось, и меня. Рядом были не только знакомые ровесники. С нами расстались 17-я школа, 36-я и журавлевская 110-я. Мы оказались учениками 4-й средней школы. Женщина, которая нас записывала, оказалась учителем истории и моим классным руководителем **Верой Пантелеймоновной Бережной**. Мы были не только учениками, но и

Александр Дмитриевич
Дмитриев

воспитанниками. С Верой Пантелеймоновной мы каждую субботу отмывали классную комнату, мастерские, кусок коридора, мыли окна, двери, панели, плафоны. Свои черные парты выкрасили белой краской и скоблили их от чернил. Шариковых ручек еще не было. Были только перьевые, слава Богу, – не гусиные. По периметру школьного двора тогда был каменный забор, и мы высаживали дикий виноград, собирали остатки строительного мусора. Как ей удавалось поднимать наш энтузиазм? У всех классов были свои участки работы. Делали спортзал, беговую дорожку, прыжковую яму, выравнивали территорию. Этим командовал физрук **Александр Дмитриевич Дмитриев**. Одна из его фраз, которую он говорил неуклюжему ученику: «Разве это ласточка? Это – жареный воробей».

Кто видел кинофильм «Республика ШКИД», тот легко представит первого директора школы **Дмитрия Петровича Коськова**, в образе тамошнего физрука, которого великолепно сыграл Павел Луспекаев. Спокойный до флегматичности. Останавливал, прислонял к стене и тихо, на ушко, делал внушение: «Не шали».

Преподаватель морзянки (азбуки Морзе) **Зубарев Семен Викторович**, проверяя мою запись телеграфного текста, шутил, что я записал только то, что проходит через текст «красной чертой» (главная мысль бессвязного текста). Вам не понятна шутка? Ну и славно. Это останется не вашей тайной.

Учитель теории радио **Мерзликин Валентин Александрович** ругал словами: «Вы не радиолюбители. Вы любители радио».

Бабич Светлана Ивановна. Класс пишет сочинение по пьесе Горького «На дне». Общепринятые персонажи. Я засиделся.

– Ты не знаешь, кто тебе нравится?

Вопреки предложенным героям пьесы, я заявил:

– Бубнов.

– Пиши.

Я обомлел, но отступать некуда. Писал без должной подготовки.

Нонна Антоновна Качура – физик. Устраивала семинары, и я докладывал об открытии в Дубне новой элементарной частицы анти-сигма-минус-гиперон, о треках ею прочерченных в пузырьковой камере. Как не мечтать о карьере физика-ядерщика?

Иоффе Эммануил Григорьевич. В те годы в школах начали преподавать астрономию. Однажды я услышал дискуссию: «Профессор, как в вашем трехмерном портфеле могла поместиться модель четырехмерного пространства?» Вам шутка понятна? Ну и славно. Это останется вашей тайной. А я рассказывал этот анекдот своим ученикам на уроках математики.

И как не вспомнить поездку после 10-го класса в Ялту с классной дамой **Верой Пантелеймоновной** и учителем английского языка **Владимиром Львовичем Лойфом**. А я оттуда привез полный чемодан марочных крымских вин. Школьные годы чудесные!

Сейчас не только одноклассники разлетелись по всему свету, но и учителя на разных континентах живут.

Но мы вас помним. А вы нас?

*О Шарой
Валентине Сергеевне**Ряко Вячеслав,
выпуск 1964 г.*

Валентина Сергеевна
Шарая

В 1960-м году к нам, шестиклассникам, пришла учительница математики и стала нашим классным руководителем. Была она совсем молодая, но строгая и требовательная.

Она так хорошо объясняла нам трудную математику, так старалась, чтобы абсолютно все всё поняли, не жалея на это ни сил, ни времени, что наш класс принял ее сразу. Она научила нас любить свой предмет, мы с удовольствием участвовали в математических вечерах, в КВН. И неслучайно в ВУЗы поступили все, а многие из наших выпускников связали свою жизнь с математикой.

Кабинет № 35, математический, был создан на наших глазах, там были самые новейшие технические средства, мы ими пользовались на всех уроках математики.

Часто к нам в класс приходили гости – учителя из других школ. Валентина Сергеевна давала открытые уроки. С радостью мы узнали, что ей присвоено звание «Старший учитель». Сейчас в школе № 4 учится моя внучка, а Валентина Сергеевна по-прежнему работает, ее стаж – 55 лет.

*Эх, денечки
наши золотые...*

*Мария Седлярская (Кондратьева),
выпуск 1965 г.*

Мария Седлярская (Кондратьева)

Класс у нас был дружный, пол-класса входило в одну компанию, и отношения между школьными друзьями поддерживаются по сей день, хотя и разметало нас по свету – кто в России, кто в США, кто-то в Израиле и Германии.

КВН

Мы учились, когда КВН только начинался. Конечно же, и в школе устраивали состязания веселых и находчивых. Подробностей, ясное дело, сейчас не вспомнить, но тема у нас была (вроде бы) о школе в первобытном обществе. Наша команда разорила все семейные сундуки, нашли меховые жилетки, шапки, у меня медвежья шкура была, во всё это закутались участники сценки и, когда настал наш черед, толпа первобытных людей в шкурах с гиканьем понеслась через весь зал к сцене, расшвыривая стулья. Публика была сильно впечатлена, да и содержание выступления не подкачало – выиграли, конечно.

Мария Седлярская с одноклассницами

Лермонтов

Русский язык и литературу у нас вел **Дмитрий Петрович Коськов**, он же директор школы – человек не улыбочивый, и к тому же получивший контузию во время Великой Отечественной войны. Если его довести (а мы это умели, говорю же – хороший был класс, дружный), он мог и вышвырнуть «особо отличившихся» персонажей за дверь. В буквальном смысле вышвырнуть. Так вот, вызвал Дмитрий Петрович меня однажды прочитать стихотворение Лермонтова «И скучно, и грустно». Только я с чувством так завела: «И кучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...», как Мишка Лебедев (негодяй!), сидевший на задней парте, медленно достал из нагрудного карманчика пиджака десятку (большие деньги по тем временам для школьника) и медленно развернул ее в воздухе, как плакатик. Я тут же поперхнулась этой самой «грустью», а когда Дмитрий Петрович недоуменно обернулся ко мне, с трудом справилась с нервным смехом и скомканно закончила декламировать стихотворение.

Раззудись, плечо

В десятом – одиннадцатом классах на переменах любили наши хлопцы пошалить. Самый крупный наш здоровяк – Витя Корсунский – хватал самого тщедушного и маленького Толика Яреху и начинал им крушить всех остальных. Кстати, после школы уже Яреха начал быстро расти и вырос практически в «Дядю Степу».

А однажды наши оболтусы подхватили парту с сидящей за ней Ниной Майоровой – нашей первой красавицей, и взгромоздили ее на две соседние парты. Нина только визжала и боялась шелохнуться, чтобы не свалиться. Ее потом таскали в учительскую и к директору, чтобы выяснить зачинщиков, но она мужественно никого не сдала.

Довели

Наш физик **Ефим Моисеевич Квичко** был очень спокойным и выдержанным человеком. Только раз ему выдержка изменила. На уроке закрыли плотными темными шторами окна, и он стал показывать учебный фильм. Ну а нам же только дай – стали так резвиться в темноте, что Ефим Моисеевич раскричался и даже линейку о свой стол сломал.

Нашей учительницей математики была **Мария Моисеевна Брук**. Прекрасный учитель. Сейчас ей за 90, живет в США, ее не так давно навещал Борис Май.

Наши досуг

Ольга Канарская,
выпуск 1966 г.

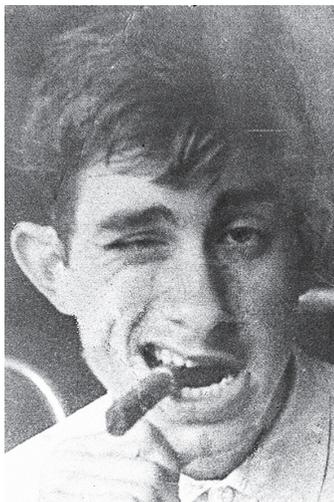
Ольга Канарская

Можно рассказать о литературных вечерах с участием Лесниковой, Новожиловой, которые готовили мы вместе с учителем литературы **Бабич Светланой Ивановной**. Я читала там Лермонтова и Цветаеву. На такие вечера приходили многие харьковские поэты, в том числе – Вадим Левин, Чичибабин. Это была неповторимая атмосфера! В конце обязательной программы выступали все желающие. В нашем классе были одни девочки, мы, как теперь принято говорить, считались профильным классом журналистики. Многие из нас увлекались поэзией, занимались у В. Левина во Дворце пионеров. Кроме того, в школе проводились замечательные вечера попсовой музыки. Именно в Харькове, в числе из первых в Союзе, у моих друзей появи-

лись электрогитары. Миша Брук, Леша Российский, Юра Иванов увлекались «битлами», а гитары им кто-то привез из Венгрии. Мы устроили потрясающий по тем временам новогодний вечер в школе. Я пела итальянскую песню раз пять на бис. Вся Лермонтовская была забита слушающими и желающими попасть на концерт. Несколько лет спустя мы пели и играли в «Электроне», выступали на «Голубом огоньке». Но это уже другая история.

Наш директор хорошо владел немецким языком. Говорили, что он был переводчиком на Нюрнбергском процессе. Я же в школьные годы училась немецкому на трехгодичных курсах в 5-й школе. Директор знал об этом, и когда мы встречались в коридорах, он разговаривал со мной только на немецком, и это было нормально.

Я не любила математику с детства. Просто она существовала от меня отдельно, потому и по сей день я с благодарностью вспоминаю свою учительницу математики **Шарую Валентину Сергеевну**, с которой у меня была договоренность: не вызывать меня к доске, чтобы я не позорилась. К экзаменам я что-то учила, подглядывала, и как-то получалось сдать. С теплотой вспоминаю преподавателей истории **Берлину Веру Александровну** и физики – **Гуслякову Татьяну Григорьевну**.

*Воспоминания
про ту жизнь**Юрий Диденко,
выпуск 1969 г.*

Юрий Диденко

У меня нет оснований роптать на прошлое. Судьба подарила мне красивую женщину, ставшую моей женой, сына и дочь, которые лучше и умнее нас, встречи со множеством хороших людей и, наконец, спокойную старость. Это вовсе не означает, что у меня все обстояло благополучно, и я прожил свои 57 лет, как крыловская стрекоза, это совсем не так. Мои воспоминания – это не учебник истории, где все изложено в хронологическом порядке, а жизнь, записанная в памяти в виде разноцветных пятен, ярких и не очень, которые складываются в некий узорчатый коврик. У каждого есть такой коврик. Я вовсе не претендую на достоверность изложенного... Слишком много воды утекло с тех пор. Может быть, это было не так, может, не совсем так, но мне почему-то кажется, что именно так все и было.

Тогда (в СССР) мы шли по жизни прямой дорогой, начертанной коммунистической партией и советским правительством: октябренок – пионер – комсомолец – институт или производство, где все мы становились винтиками в огромном механизме под названием «Союз советских социалистических республик». В детстве я думал, что за граница – это одна большая страна, где живут наши враги, что если долго морщить лоб, то будешь очень умным. Наручные часы были только у богатых. Авторучки тоже. Телевизоры – у очень богатых. А Юрий Гагарин и Герман Титов летали в космос и никакого Бога там не видели. И что надо хорошо учиться, чтобы повернуть реки вспять, растопить льды и сделать всех афро-американцев счастливыми.

Первое сентября 1959 года я помню плохо. Помню себя, стриженного наголо, в школьной фуражке, с белым воротничком на клетчатой рубашке, стоящим в первой шеренге с буйным букетом каких-то цветов. Помню напутственную речь первого директора нашей отстроенной заново новой школы, **Дмитрия Петровича Коськова**, из которой я понял только одно: школа – наш дом на десять лет. Это вызвало у меня ассоциацию с тюремным сроком, что было странным для такого культурного ребенка, как я. Помню

маленькую девочку с большим белым бантом (Ира Петрова) и колокольчиком (первый звонок). Помню, как директор разрезал красную ленточку у парадного входа в школу. Потом мы все десять лет попадали в школу с торцевого входа через подвал-бомбоубежище, где была раздевалка, и с обязательным предъявлением дежурным, стоящим на выходе из этого подземелья, сменной обуви. Парадный вход в школу был постоянно закрыт на огромный висячий замок, который снимали только в день проведения выборов.

Стеценко Елена Васильевна. 1966 г.

Помню чернильницу-непроливайку, промокашки, перьевые ручки, обязательное кипяченое молоко в столовой, продленку и множество других мелочей, из которых складывалась тогдашняя школьная атмосфера. Помню, как мама помогала мне по «Родной речи», а папа по поведению. Первый учитель, ставший нашим бессменным классным руководителем на все десять лет, **Стеценко Елена Васильевна** преподавала русский язык и литературу. Она жила исключительно нашей жизнью, отдавая нам все свое и рабочее, и свободное время. С ней мы были постоянными посетителями всех «очагов культуры», существовавших тогда в Харькове. А еще были поездки в лес, к местным водоемам, в Ленинград (ныне Питер), в Сочи к морю, участие в концертах, викторинах, КВНах. Во всех этих «заморочках» она была основным режиссером. Каждый год 25 мая мы всем классом приезжали к ней домой на ее День рождения. Сегодня Елены Васильевны уже нет среди нас, а встречи нашего класса в этот день продолжают до сих пор, правда с небольшой паузой, лет этак в двадцать.

Учитель математики, никогда не забуду ее дотошности, **Шарая Валентина Сергеевна**. После уроков в нашем классе на ее лице еще долго сохранялось выражение терпеливого бешенства, какое часто бывает у педагогов,

работающих в спецшколах для дебилов. При этом она никогда не повышала голос. А неожиданным, по крайней мере для меня, результатом ее педагогического мастерства, стало то, что даже я (с моими хлипкими «3» по всем школьным математическим предметам) без труда сдал вступительные экзамены в ВУЗ по письменной и устной математике, а также, по прошествии многих десятков лет, мог проконсультировать своих детей-школьников по всем возникающим у них математическим вопросам.

1959 г.

Мне было двенадцать лет, когда я во время урока взобрался на ящик возле огромного (во всю ширину класса) учительского стола «биологички», **Сердюковой Валентины Алексеевны**, и впервые в жизни заглянул в микроскоп. В поле моего зрения плавала инфузория туфелька. Я был заворожен! Прозвительный галдеж одноклассников отдалился, исчезли обычные школьные запахи. Меня ошеломил открывшийся мне мир – сильнее, чем смогли бы это сделать все нынешние фильмы с их компьютерными спецэффектами. Мой детский ум воспринял инфузорию как маленькую личность – разумное существо. Мне казалось, что это мелкое беспорядочно мечущееся создание движется осмысленно, с какой-то целью, я только не знал, с какой именно. Я не блистал в школе знаниями по ботанике и биологии, однако, к своему удивлению, в 1999 году, помогая дочери-школьнице делать уроки, я без труда – по памяти – воспроизвел на листе бумаги схему

кровообращения рыбы и дождевого червяка в разрезе. При этом я визуально вспомнил того человека, который в свое время «вдолбил» эту информацию в мою бестолковую, в те времена, голову.

Так мы жили, мечтая кем-то стать. Не понимая, что перестать быть собой, делать что скажут – это было главным в той стране. Вот и были мы не теми, кем были, и стали не тем, кем хотели. А потом разбрелись по всей стране – от Прибалтики до Дальнего Востока, а после перестройки – и по земному шару. И уже ничего нельзя было изменить. Такова была программа функционирования той страны. Главным в ней был генеральный секретарь ЦК КПСС.

Что запомнилось? Хрущев стучит ботинком по трибуне в ООН и везде сеет кукурузу. Брежнев любит награды, от подбородка до колен завешан орденами. При Андропове на дневном киносеансе в кинотеатре включали свет и у всех поголовно проверяли документы: «Почему в рабочее время не на работе?». Черненко удивил тем, что буквально ничем не удивил. Только и успели узнать, что служил на погранзаставе, а потом работал в Доме политпросвещения. А потом накатила перестройка, Горбачев, съезды Советов: первый, второй. И развал СССР на мелкие кусочки. И осознание шести главных противоречий социализма:

- безработицы нет, а никто не работает;
- никто не работает, а деньги есть у всех;
- деньги есть у всех, а купить нечего;
- купить нечего, а у всех все есть;
- у всех все есть, а никто ничем не доволен;
- никто ничем не доволен, а все голосуют «за».

Очень маленькая часть жизни уложилась в эти строки.

Но чем дольше живешь, тем более отчетливо понимаешь, что так и не разобрался, что к чему в этой жизни. То, что было однозначным и бесспорным, по прошествии времени (недель, месяцев, а иногда лет), кажется уже не таким бесспорным и однозначным, а иногда и совершенно противоположным. Понимаешь, что не бывает плохо-хорошо, правильно-неправильно, а есть только точка зрения. И доверять нужно больше чувствам и ощущениям, нежели голому разуму. А может, все это и не так. Я не настаиваю.

Хотелось бы закончить эту часть оптимистической нотой. Все мы ошибаемся, но, как известно, в своем глазу соринку не видеть... Зато выражения наших учителей мы иногда помним очень долго. Мы предлагаем подборку выражений Полины Ивановны Лузан, учительницы химии, как человека, чьи высказывания были очень яркими, а потому остались в памяти. Итак...

*Личное дело Полины
Ивановны Лузан*

Собраны благодарными
учениками 10-А класса СШ № 4
(выпуск 1968 г.)

*Цитаты, изречения, афоризмы,
выражения и мысли вслух.*

(начато 1 сентября 1966 г. и завершено 31 мая 1968 г.)

Полина Ивановна
Лузан

- ◆ «Я вам грызу, грызу растворы, а вы их проглотить не можете!».
- ◆ «Сера ведет себя как и всякая другая элемента».
- ◆ «Коган, если б не было серы, ты бы ходил, как змей, в чешуе».
- ◆ «Сера и цинк: остальное – ловкость химии» (о химической реакции).
- ◆ «Азот – что дать, что взять: все равно не хватает».
- ◆ «В кабинете – как в магазине: всегда все в изобилии» (о кабинете химии).
- ◆ «Ренёва, чем это Вы там заняты? Бантиками?! А потом двойками будете!».
- ◆ «Вам не нужен Зильберблат, ведь у Вас есть азот! Решайте!».
- ◆ «Брук, чего дурью мучаешься?».
- ◆ «Помолчим для неясности» (ставя завышенную оценку).

◆ «Где-то не все здесь. Не хватает. Часть на улице гуляет» (уравнивая реакцию).

◆ «А теперь – я ж вам могу наговорить что угодно – надо проверить по книге».

◆ «Вы думаете, что органика – это мед, а он с кислицей!».

◆ «Здравствуйте, товарищи! Стали хорошенько! Тетради – на столы!» (традиционное начало урока).

◆ – На первую половину доски пойдет... такой-то. Вторая половина доски у нас гуляет. На вторую половину доски пойдет... такой-то.

– А на третью половину доски кто пойдет?

– На третью половину доски... э-э-э... пока никто не пойдет.

◆ «Вы получила четверку не за знание, а за дутость!».

◆ «На контрольной песней не заменить знания».

◆ «Что ж будем помнить, если сидели-то половину на голове!» (На экзамене по химии).

◆ «Бумажки, товарищи, по мере сорения собирайте!».

◆ «Товарищи, товарищи, почему мы дураки?!».

◆ «Андреев, ты же оброс двойками! Что ты, как гость? И сидит, и сидит. Говорят: один день гость в доме – золото, другой день гость – серебро, третий день – мідь, домой їдь! Надоел гость хозяевам – тьфу на тебя!, – говорят они ему!».

◆ «Математика – хорошо, а химия – лучше!».

◆ «Книга – хорошо, а голова – лучше!».

◆ «Все не обязательно помнить: голова – не чемодан».

◆ «Вы думаете, Полина Ивановна – прямо автомат».

◆ «Что вы меня спрашиваете? Думаете, я вам ходячая «Наука и жизнь?»».

◆ «У вас же голова не думает, а рот нараспашку».

◆ «Головы нет – надстройку делай».

◆ – Полина Ивановна, а они бумажками бросают в меня».

– Это потому, что на дурака все шишки летят!».

◆ «У нас много в десятых классах, которые летают вне орбиты. Сдадут они экзамены или уйдут в пространство – неизвестно».

◆ «Вы втроем – с одной ноги сапог, да и то – с левой. Только один скатился, а двое еще держатся: трение мешает. Так вот, когда я буду вас спрашивать, посмотрю, какое кому трение куда ставить».

◆ «Кончайте ото на веточке сидеть. Так и знайте: ветер вас все равно сдует».

◆ – Полина Ивановна, а за окном химический скворец сидит.
– Коган, если ты еще раз рот откроешь не по теме, то вылетишь вместе со скворцом.

◆ «Все равно, что голос вопиющего. Да еще где?! В пустыне!!».

◆ «Надоело мне на вашу болтовню смотреть. А то все работают, а мы, видите ли, министры!».

◆ «А хвост и нос, профессура, извольте в норме держать!».

◆ «ПРЕДЕЛ, товарищи, – это когда чего-то в пределе».

◆ «Млечный сок – это вроде молока, но млечный называется».

◆ «Собранную жидкость, товарищи, можно доказать».

◆ «Хлору, товарищи, свойственны свойства!».

◆ «Товарищи, не тешьте себя какими-то маниями!».

◆ «Если вы ◆ «п» дуракам ставите, так вы в пять раз дурнее».

◆ «Нет, товарищи! Вы 10 «Б» переплюнули. Те уже сидят, работают. Хоть и дураки, но работают!».

◆ «Надо было дать вам контрольную работу и сбить с вас этот спесь хвастливый».

◆ «Я за шесть уроков выдохлась, а из вас энергия прет!».

◆ «Товарищи, чего бубните?».

◆ «Ото ж вы толдыкаете...».

◆ «Зильберблату я за языкоболтание двойку в журнал влуплю!».

◆ «Ентов, хватит воду варить».

◆ «А вот *n* идейной дури в руках не носили, чтобы свою не было видно».

◆ «Идя в лесу после дождя, вы говорите: какой пахнувший кислород! Нет, товарищи, надо говорить: какой пахнувший озон!».

◆ – Полина Иванна, а вдруг комиссия придет, шо ж мы будем делать?».

– Шо вам комиссия? У вас еще все впереди, а у них уже песенка спета.

◆ – Полина Иванна, а вдруг комиссия придет, шо ж делать будете?».

– А шо мне комиссия? Никогда ни на кого не работала, никого давным-давно не боюсь!

◆ «Доказать вам надо взрывчатость водорода. Поднесете к огню, пульнете, выпугаете комиссию» (на экзамене по химии).

◆ «Деточки, шпаргалки не надо делать, разве что на органику. Тут уже все шпаргалки по стенам раскрашены, только что не кричат».

◆ «Товарищи, надо делать приборы, стенды. Вот, например, готовый стенд, так хватай и демонстрируй его!».

- ◆ «В институт нырнуть и не вынырнуть» (пророчество).
- ◆ «Скажете в институте слово, а в ответ: иди себе, вот пришел набитый!» (пророчество).
- ◆ «Я это сто раз знаю, уже забыть успела (о себе)».
- ◆ «Я все это вдоль и поперек знаю. Я все это уже N+1 раз рассказывала» (о себе).
- ◆ «Я все это уже вкривь и вкось знаю. Так что закройся со своей кислотой».
- ◆ «Вы ж еще серятина сплошная!».
- ◆ «Пословица: слышал звон, да не знаю, где КАК».
- ◆ «Одни ни в тын, ни в ворота, а другие – в небо» (о неравномерности знаний по химии).
- ◆ «Товарищи, а вам не кажется, что вы сегодня мне не нравитесь?!».
- ◆ «Помолчи без слов!».
- ◆ «Запоминать это не обязательно, но помнить надо».
- ◆ «Почему стулья раком?».
- ◆ «А сейчас я сотру с доски, чтоб вам виднее было».
- ◆ «Нельзя так бросать стулья, нужно аккуратненько. Вы ж уже больши дяди».
- ◆ «Смотрю я и думаю: кто чего сюда пришел?».
- ◆ «А для 10 «Б» это белые ворота: баран туда не идет!».
- ◆ «Я своих детей с пяти лет стала музыке, культуре учить. А теперь раскаиваюсь. Надо, как стукнуло три года, говорить: начинай учиться. А то цацкаются до пяти лет, а потом дети в школу разъяренными приходят».
- ◆ «Зильберблат и Коган, не открывайте окна. Сидите спокойно, за один урок не успеете от жира растопиться».
- ◆ «Ото в Америке забегаловка творится, нету там хорошей русской руки, чтоб порядок навела (на злобу дня)».
- ◆ «Если не будет совпадать, у вас будет выпадать (о химической реакции)».
- ◆ «Все уже к финишу бегут, а ты все еще к старту подбегаешь» (отстающему ученику).
- ◆ «Не хочу я с десятými классами. Ну, что такое? Ну не с кем душу отвести. Сидят тут все такие дурные. Только и дергаешь: не сидите тут на голове».

◆ «Первый раз такие дурные десятые классы. Ото, сено-солома, станьте и не гавкайте».

◆ – Ентов, ну шо: сидим?

– Сидим, Полина Ивановна.

– Ну, досидишься ты до экзамена, там тебе покажут, где троечка зимует.

◆ «Сейчас, не глядя, скажите, что должно выйти» (о химической реакции).

◆ «Ты только рот откроешь, а я вижу, что ты уже проглотил».

◆ – Полина Иванна, что такое бутафория?

– Бутафория – это внешний вид и говорильня.

◆ «Я вызываю тебя, ты вызываешь меня, и мы работаем вместе» (творческий метод).

◆ «Так, Биргер, идите к доске, читайте сюда, решайте мне задачу».

◆ «Товарищи, не списывайте, я все вижу. У меня глаза сзади – для самоконтроля (стоя спиной к классу)».

◆ «Куда??? Зачем??? Нету такого!!!» (ученику, пишущему неправильно реакцию).

◆ – Полина Иванна, ладно уж, ставьте двойку!

– Зачем?? Двойка-то от того не изменится, что в журнале стоять будет!!.

◆ «О, явились в полном собрании сочинений!».

◆ «Товарищи, чего застопорились?».

◆ «Так, а теперь, не отрывая руки, уравняйте «SO₄» в двух местах».

◆ «Вы, товарищи, так: сначала сами сделайте, затем к соседу загляните, а потом – на доску. Если в трех местах совпадает, то наверняка правильно!».

Память о школе

В школе нашей, как всегда, уроки,
Но учат там совсем других ребят.
И, может, с ними нет такой мороки,
Как было с нами много лет назад.

Когда-то все мы были коллективом
Простых советских дружных октябрат,
Потом надежным пионерским тылом –
Ответственных тимуровцев отряд.

Кого-то посвятили в комсомольцы –
Великой бывшей партии резерв.
И мы на Ленина, как богомольцы,
Молились, божество в вожде узрев.

И вот мы у разбитого корыта,
И вспоминаем юные года,
Когда нам лгали: все для вас открыто...
Какими были мы наивными тогда!

Все, что прошло, обратно не вернуть.
Мы разбрелись по свету, кто куда,
Проделав многолетний трудный путь.
Но школу помнить будем мы всегда!

*Александр Брукман,
выпуск 1959 г.*

4
СРЕДНЯЯ
ШКОЛА

Костин С.

Щеголов А.

Кузнецов М.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

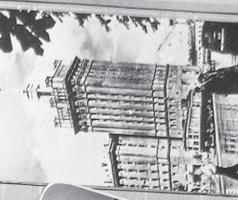
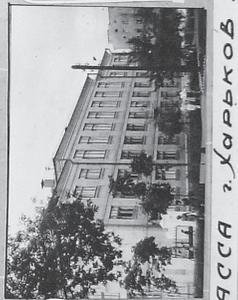
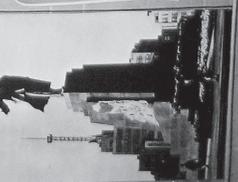
Герасимов В.

Герасимов В.

Герасимов В.

Выпуск 10-б класса г. Харьков 1965-66 уч. год.

4 СРЕДНЯЯ ШКОЛА

Михлин С. Е.
Средняя школа №4
Харьков

Михлин С. Е.
Средняя школа №4
Харьков

Пичурин Д. М.
Средняя школа №4
Харьков

Пичурин Д. М.
Средняя школа №4
Харьков

Захарченко А. Г.
Средняя школа №4
Харьков

Захарченко А. Г.
Средняя школа №4
Харьков

Журав С. М.
Средняя школа №4
Харьков

Журав С. М.
Средняя школа №4
Харьков

Журав Д. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав Д. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав М. И.
Средняя школа №4
Харьков

Журав М. И.
Средняя школа №4
Харьков

Журав С. С.
Средняя школа №4
Харьков

Журав С. С.
Средняя школа №4
Харьков

Журав А. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав А. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав А. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав А. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

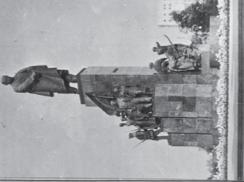
Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

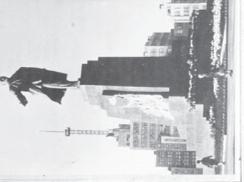

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

Журав В. В.
Средняя школа №4
Харьков

ВЫПУСК 115 КЛАССА г. Харьков 1965-66 уч. год.

Школьные годы
чудесные

*Второй
директор*

*«Мы всегда очень верили в наших учеников, а они верили нам.
И это очень важно. Мы все жили одной жизнью...»*

Соколова З.М.

СОКОЛОВА ЗОЯ МИХАЙЛОВНА

Вторым директором школы была
Соколова Зоя Михайловна (1920–1995).

Соколова Зоя Михайловна была назначена директором школы № 4 в 1966 г. и проработала в школе по 1980 г.

Это была не первая школа, в которой работала Зоя Михайловна. Имея богатый опыт работы в других школах, она перенесла его на новую, 4-ю школу. Но не только опыт. В 5-ой школе был создан коллектив, была создана, как сейчас говорят, команда. И за Зоей Михайловной многие из учителей перешли работать в новую, 4-ю школу. Например, перешел Михаил Давидович Ямпольский, Маина Яковлевна Левина. В 4-й школе команда учителей расширилась, в нее вошли замечательные преподаватели, которые уже работали в этой школе. Жизнь продолжалась, новые учителя приходили и уходили, но некоторые из них на многие годы вливались в созданный, сплоченный коллектив учителей.

О маме о 5-ой школе

*Марина Соколова (Владимирова),
выпуск 1977 г.*

Марина Соколова (Владимирова)

Когда я училась в школе, мне было не понятно, почему к нам домой приходят ученики, которые закончили школу 5, 10, 15, 20 и более лет назад. Что их тянет, что заставляет их, взрослых людей придти к своему учителю просто так поговорить или за советом? Я поняла это значительно позже. А приходили к нам, пока жива была мама, всегда. И самым большим праздником, после Нового года, был День учителя, потому что в этот день двери у нас не закрывались, потому что в этот день было море цветов, смеха, воспоминаний... И сейчас, когда мамы нет уже более десяти лет, встречаясь случайно с мамиными учениками, но незнакомыми мне людьми разного возраста, в разных странах, ко

мне относятся как к близкому человеку только потому, что я – дочь своей мамы, потому что меня ассоциируют со своим детством.

Очень большая часть жизни мамы связана с 5-ой школой. Там зародились традиции, которые потом частично были перенесены в 4-ю школу. Там сложился коллектив учителей, часть из которых перешла в 4-ю школу. Там было реализовано то, как мама понимала, что такое «школа», там воплотились в жизнь ее слова: «Самое важное – сделать так, чтобы и ребята, и учителя могли гордиться нашей школой».

Поэтому я бы хотела хотя бы немного рассказать о маме-учителе, маме-директоре именно 5-й школы. Невозможно на двух страницах описать жизнь человека, это будут только зарисовки, но именно примеры и могут отразить то главное, чем люди жили. Многие из того, что я напишу – слова мамы, которые я просто передаю.

Когда мама приняла руководство школой, школе было всего три года. Педагогический коллектив не сложился, дети были разные и, в основном, не самые благополучные. Была поставлена цель: чтобы добиться успеха, нужно чтобы каждый ребенок, «легкий» или «тяжелый», полюбил школу, гордился ею. А учеников было много – 1800 человек, работали полные две смены. Конечно, это тоже вызывало свои трудности. Нужно было добиться очень четкой организации работы детского коллектива. И для этого продумывались разные мероприятия. Перед каждым детским коллективом нужно было что-то придумать, что-то, чем бы они заинтересовались, что бы сплотило их. Например, пригласили из оперного театра артиста-балетмейстера Плавника и попросили организовать танцевальную группу. Но не из одаренных детей, а из разных. И в первую очередь, решили заинтересовать один из самых «трудных» классов. Придумали разные способы, как увлечь ребят, и в результате костяк танцевального коллектива сложился именно из этого класса. Репетиции проходили в воскресные дни. Учителя и ребята встретили это очень хорошо. И это, конечно, дало свои плоды. Со временем, художественный коллектив вырос и, вместе с хором, составлял более 100 человек, только танцевальный коллектив насчитывал около 60 человек. Арендовали театр им. Т.Г. Шевченко, выступления вызывали аншлаг.

В родительском комитете появились деньги, и одной из статей дохода были выступления этого художественного коллектива. На эти деньги бесплатно кормили детей, помогали одеваться, кто в этом нуждался, покупали выпускные костюмы, устраивали туристические походы и т.д. Например такой случай, довольно показательный и типичный. Был мальчик из очень неблагополучной семьи. Отец жил в другом городе, но высылал алименты, которые мать благополучно пропивала. Ребенок несколько раз пытался сбежать из дома. Мама вызвала и отца, и мать. Поговорили. Отца попросили высылать деньги на школу. Ребенка одевали и кормили бесплатно, а деньги откладывали на сберегательную книжку. На выпускной ему купили за счет школы костюм, обувь, сделали подарок и вручили сберегательную книжку

с довольно-таки приличной суммой. Мальчик был участником почти всех туристических походов, фактически «жил» школьной жизнью. Конечно, это не могло не зародить зерна добра.

Из малого старались сделать что-то такое, что могло придать больший вес ученикам, поднять их в собственных глазах. Например, в то время еще не было уроков труда, но в школьном дворе были сделаны из полуразвалившегося сарайчика руками детей мастерские, которые именовались громким словом «завод», со всеми структурами, присущими заводу. Из детей были выбраны директор завода, начальники цехов, технологи и т.д. Каждый учитель, который хотел иметь какое-то учебное пособие, писал заявку, и пособие изготовлялось с полной имитацией организационного и технологического процесса.

Все это захватывало детей, вызывало интерес и очень помогало. Ребята так и говорили «наша пятая». Появлялись новые идеи, находили новые способы заинтересовать и сплотить детей. Например, один «трудно управляемый» класс удалось зажечь туристическими походами. Были и байдарочные и велосипедные походы в Крым. Одна их шефских организаций подарила списанный автобус, который привели в порядок, назвали «Антилопой Гну» и использовали как базу для походов. Но во всем была цель. Например, не имели право пойти в поход, если в классе были отстающие, были ребята с плохим поведением. Это, а не деньги родителей, было главным. Это был подарок, но подарок, который нужно было заработать своей учебой самим школьникам. Конечно, помогали шефы, тем более, что школа к тому моменту стала образцово-показательной школой района.

Постепенно сложился и учительский коллектив. Школа была базовой школой педагогического института, института усовершенствования учителей. Поэтому приходилось давать много открытых уроков. Мастерство и профессионализм учителей росли, и такие уроки стали как бы «нормой». Да и официальные показатели говорят об этом, сколько человек поступило в ВУЗы, сколько защитилось, сколько нашли свое место в жизни. Мама всегда очень уставала, но говорила, что сама она и большинство учителей ходят на работу, как на праздник.

Мама принимала участие и в формировании 27 физико-математической школы. Один из классов 5-ой школы почти полностью перешел в 27-ю. Приглашались проводить уроки такие «столпы», как Н.Я. Ахизер.

Из 5-ой школы маму пригласили работать в районо. Приходили учителя, родители и даже учащиеся. Прием начинался в срок и заканчивался с уходом последнего посетителя. Приходилось решать массу проблем: у кого-то проблемы с жильем, кому-то нужно помочь с детским садиком, устроить в ясли – просьбы и претензии без конца. Но ностальгия по школе взяла свое, и мама решила опять уйти в школу. Так начался еще один виток ее жизни.

В 1966 году мама приняла руководство 4-ой школой. В этой школе она проработала 20 лет. Я проучилась в 4-ой школе 10 лет. И мне повезло, что я знаю, что такое Учитель, что у меня были настоящие учителя. И они научили нас ценить жизнь, научили верить, гореть самому, потому что только так можно зажечь других. И, если уж что-то делать, – то вкладывая себя до конца, потому что просто жалко тратить время своей жизни впустую, тем более, что ее так мало нам дано.

До последних дней у мамы были ученики. До последних дней она была нужной и востребованной. До последних дней она оставалась профессионалом.

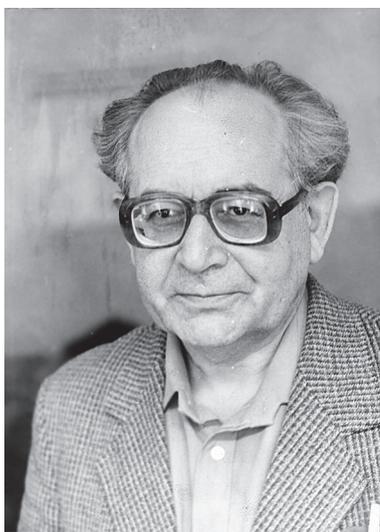
И до последней минуты мама любила Жизнь.

И если об учителях говорят их ученики, то о директоре, прежде всего, говорят учителя.

О школе и о ее директоре

*Квичко Ефим Моисеевич,
учитель физики*

Ефим Моисеевич
Квичко

Для меня эта книга – это очередной мостик, дающий возможность мысленно перебраться в моё далёкое прошлое, попытаться вспомнить кого-то из многочисленных ребят, которых я пытался в своё время кое-чему научить, у которых мне довелось быть классным руководителем; товарищей-учителей, рядом с которыми столько лет проработал; директоров, руководивших нами, родную школу, с которой я прожил с первых дней её существования, – август 1953 г. (ещё мебель, парты затаскивали в классы. «Как молоды мы были...») и до последнего месяца пребывания на родине (больше 40 лет!); школу, которой отдано было столько сил, энергии, труда, заботы, вдохновения, с которой пережито было столько ярких, счастливых минут, часов, дней... да и горестных тоже.

К сожалению, это, в основном, эмоциональный всплеск, а вот когда дело касается конкретных фактов, – всё оказывается значительно хуже. Во всяком случае, могу чётко сказать одно: когда речь идёт о дорогой, любимой Зое Михайловне, мои воспоминания окутываются дымкой доброй, грустной ностальгии, потому что ни с кем из директоров мне так хорошо не работалось, ни с кем не было такого полного трудового, по-человечески доброго, душевного контакта, как с Зоей Михайловной.

Зоя Михайловна была не просто умелым, а, я не побоюсь кажущегося преувеличения, талантливым руководителем. Её энергия, напористость, умение поставить перед коллективом ясные, чётко очерченные задачи удивительно органично сочетались с разумной продуманностью, логичной последовательностью действий Михаила Давидовича Ямпольского, нашего завуча, правой руки Зои Михайловны. И им удалось подобрать, создать, сплотить отличной работоспособности учительский коллектив. Такие прекрасные учителя, как Светлана Ивановна Бабич, Светлана Ивановна Заливадная, Раиса Фёдоровна Пальчик, Александра Семеновна Хейфиц, завуч по воспитательной работе Рита Григорьевна Амстиславская, руководитель по военной подготовке Павел Андреевич Приз и многие-многие другие, всех не перечислишь, достойно представляли нашу 4-ю школу. Неизменные победы наших учеников на олимпиадах подтверждали высокое качество работы учителей. И что ещё немаловажно, – это был дружный, сплочённый коллектив. Не могу припомнить в эти годы каких-нибудь склок, раздоров, сплетен, – ничего подобного в памяти не осталось. Нет, конечно, не стоит идеализировать, наверняка были, особенно во время проведения педсоветов, разногласия, стычки, споры, каждый выражал своё мнение, свою точку зрения по тем или иным вопросам учебной и воспитательной работы, но на личных отношениях это никак не сказывалось. Бывало, и Зоя Михайловна могла, как говорится, проявить характер, и вспылить, и довольно резко отчитать кого-то (по делу!), но довольно быстро самостоятельно или с помощью Михаил Давидовича «утихомиривалась». А зла на неё, насколько я помню, никто никогда «не держал».

В школе были созданы все условия для внеклассной работы, организованы и успешно функционировали учебные, технические и творческие кружки, хор, драматическая студия. Большим успехом у школьников и педагогов пользовались литературные вечера, всегда находилось очень много желающих принять активное участие в подготовке и проведении праздничных и разнообразных творческих вечеров. Немалую положительную роль в сплочении педагогического коллектива сыграли и наши, так называемые, корпоративные встречи, праздничные «посиделки» во внеучебное время. Взаимные юбилейные поздравления, самодеятельные капустники, любительское кино, шутки, песни, танцы, – весело и дружно умели мы иногда проводить свободное от работы время..., «когда мы были

молодыми...». И конечно же всё это при помощи, при участии и с «благословения» Зои Михайловны.

Не могу с абсолютной достоверностью ручаться за хронологическую последовательность событий, конечно же, педагогический коллектив творчески трудился, и школа была на хорошем счету и при Дмитрие Петровиче Коськове, но для меня, пусть субъективно, всё равно остаются в единой связке понятие «Школа № 4 и Зоя Михайловна Соколова».

Что касается моей лично общей совместной работы с Зоей Михайловной и под её руководством. Несколько фактов.

В мою бытность работы завучем производственного обучения (была и такая должность) создавались школьные мастерские. Начало было заложено при Дмитрие Петровиче Коськове и развивалось это направление школьного образования ещё много лет, в том числе и при активнейшем участии Зои Михайловны. Вначале были оборудованы столярная и слесарно-механическая мастерские, затем год за годом – радиомонтажный класс, класс радиотелеграфистов, класс машинописи. Давалось всё это с большим трудом и совершенно невозможно было бы без постоянного активнейшего участия директора школы. Кто бы это мог позволить мне ходить по цехам Авиозавода и «выбивать» оборудование, станки, инструменты, материалы, пусть списанные в большинстве случаев, но вполне еще пригодные для наших целей. А Зое Михайловне с помощью общественных организаций, райкома партии, родителей учеников, в конце концов, а главное – благодаря своей всёпробивающей энергии – удавалось. И, как один из результатов, – ежегодные традиционные внутришкольные выставки самостоятельных творческих работ кружковцев всех классов от мала до велика привлекали внимание не только учителей, учеников и родителей наших детей, но и многих гостей со стороны. Кстати, один из наших экспонатов (электронное счётное устройство) было даже удостоено медали ВДНХ. У нас была даже собственная зарегистрированная коротковолновая радиостанция. Ребята связывались со многими коротковолновиками.

В школе был создан радиоузел, в коридорах и классах установлены динамики. Регулярно члены радиокomiteта выступали на переменах со школьными новостями, музыкальными антрактами.

Однажды, помнится, я нарушил школьный распорядок, ворвался во время уроков в радиорубку (ключи у меня), включил аппаратуру и заорал что-то вроде: «Внимание, говорит школьный радиоузел. Товарищи, ребята, ура! Гагарин в космосе!». Администрация меня не наказала.

В школе нашими учителями, конечно же с помощью Зои Михайловны, были созданы и оборудованы кабинеты языка и литературы, истории, художественно оформлен кабинет биологии, рабочее место кабинета химии (как образец) экспонировалось на выставке в Киеве.

Говоря о работах по созданию материальной базы нашей школы, не могу, конечно, обойти вниманием кабинет физики, в какой-то степени моё детище. Как много коллективных сил, энергии, труда, изобретательности, вдохновения, в конце концов, было вложено в создание методической и материальной базы, технических средств, используемых в процессе преподавания школьного курса физики. Регулированное постоянное и переменное напряжение электрического тока, подведенное к каждому рабочему месту, всевозможные световые табло, включаемые по мере необходимости, автоматическое зашторивание окон, два регулируемых экрана, дистанционное управление кинопроектором, ЛЭТИ (показ диафильмов) «Кругозором» (показ диапозитивов), пульт управления и различные дополнительные устройства в демонстрационном столе и в стене, отделяющей кабинет от лаборантской и т.п.

Как вы понимаете, создать всё это только внутришкольными силами было бы невозможно. И сколько сил, энергии, организаторского таланта понадобилось приложить Зое Михайловне, чтобы с помощью общественных организаций, райкома ВКПб, родителей учеников подключить к этой работе конструкторов, механиков, электриков шефствующего завода. Да, родители помогали. Когда однажды, например, я пожаловался на нехватку приборов для проведения лабораторных работ (денег на закупку в учебном спецмагазине выделялось очень мало), Зоя Михайловна как-то вызвала меня и предложила расписаться в получении «250 кг измерительной аппаратуры», привезенной из УФТИ. Смех и грех!

В школе бывали иностранные делегации. Институт усовершенствования учителей проводил у нас в частности, в кабинете физики, открытые уроки для учителей города. И очень грустно, что кабинет физики, в своё время один из лучших (объективно) в городе, не удалось сохранить.

Отношения наши с Зоей Михайловной и Михаилом Давидовичем всегда были очень хорошими, не рискую использовать термин «дружеские». Во всяком случае, взаимопонимание, как правило, было полным. В памяти сохранилась только одна конфликтная, если можно её так определить, ситуация. Дело в том, что в классы, где мне доводилось бывать классным руководителем, часто попадали (с лёгкой руки Зои Михайловны) переведенные в нашу школу самые «неблагополучные» детишки. Хорошие, в сущности, ребята, они нередко доставляли, мягко выражаясь, излишние хлопоты и мне, и моим коллегам. На педсоветах мне частенько доставалось за излишнюю «вредную доброту и излишний либерализм».

Однажды «разведка» донесла, что в кабинете Зои Михайловны находится мама одого из моих разбишак и уже соглашается с решением исключить её сына из школы. Возмущённый, я без стука влетел в кабинет и начал буквально орать на бедную женщину (что на меня, поверьте, в общем-то не похоже) и резко высказываться Зое Михайловне на тему о том, что я по этому

поводу думаю. В общем, уладилось. Правда, Зоя Михайловна ещё некоторое время хмуро на меня поглядывала, но долго сердиться она не умела и уж, конечно, никогда не держала «камня за пазухой».

Зоя Михайловна всегда была внимательна к сотрудникам и старалась делать по возможности доброе и полезное для них. Насколько мне помнится, ей удавалось даже решать для кое-кого квартирные вопросы, а это и в те времена было фантастически трудно.

Много хорошего было сделано Зоей Михайловной и по отношению ко мне лично. Расскажу об одном случае, результатом которого я долго втайне гордился.

Не помню, в каком году был опубликован указ о возможности присвоения звания «Старший учитель». Поначалу процесс присвоения звания был обставлен очень торжественно, на расширенном заседании совета Института усовершенствования учителей, с обязательной защитой методических разработок и т.п. Так вот, первыми в городе двумя учителями физики, удостоенными этого звания, были учителя 27 физмат-школы и СШ № 4.

Как вы думаете, могло это событие обойтись без активнейшего участия Зои Михайловны? Улыбки ради вспомню ещё два эпизода, которые с современной точки зрения выглядят достаточно комично, но опять-таки характеризуют отношение Зои Михайловны к сотрудникам. Помните, в кинофильме «Офицеры» один из героев был награждён красными командирскими штанами? Мне по аналогии вспомнилось: однажды наш РОНО получил для распределения-продажи какое-то ограниченное число ковров. Один из них был предназначен нашей школе. И достался он не Зое Михайловне, и не Михаилу Давидовичу, и не секретарю парторганизации или предместкома, а рядовому учителю. Вот! Друзья потом долго издевались.

И ещё. По разрешению КПСС изредка для VIP-персон устраивались закрытые просмотры запрещенных в широком кинопоказе фильмы. На одно из таких мероприятий Зоя Михайловна взяла с собой Михаила Давидовича и меня. Таким образом нелегально мне удалось посмотреть фильм Рязанова «Гараж».

И ещё, и ещё раз повторяю: моя благодарная память о незабвенно дорогой Зое Михайловне, руководителе, коллеге, человеке, – не тускнеет со временем.

*Мой любимый
директор школы*

*Заливадная Светлана Михайловна,
преподаватель истории
и обществоведения*

Светлана Михайловна,
Заливадная

За почти полувековую педагогическую деятельность мне пришлось работать с несколькими директорами школ, лицей. Но такого замечательного директора, как Соколова Зоя Михайловна, на моем пути еще не пришлось встретить.

В августе 1966 года я была принята на работу в 4-ю среднюю школу г. Харькова, в этом же году директором была назначена Зоя Михайловна. Мне посчастливилось поработать под ее чутким, умным руководством до 1980 года. Год, когда мы проводили ее на заслуженный отдых.

Зоя Михайловна была и прекрасным преподавателем русского языка и литературы. Я довольно часто посещала ее уроки, училась у нее педагогическому мастерству. Она стремилась построить работу на уроке так, чтобы ученики сумели самостоятельно проникнуть в суть мировоззренческой позиции автора художественного произведения, сформировать собственное оценочное суждение об авторе, книге и ее героях, полюбить чтение книги как процесс постижения себя, своей позиции. А какие читательские конференции она проводила!

На ее уроках властвовали любовь, добро, уважение, а это очень важно, т.к. и дети понесут этот заряд дальше, согреют своих товарищей, учителей, всех вокруг. Часто нам, молодым учителям, Зоя Михайловна говорила: «Пусть спутниками в Вашем нелегком, но таком почетном труде будет уверенность, взаимопонимание, радость от общения. Пусть рядом с Вами будут уважение и любовь всех учеников».

Зоя Михайловна была строгим директором, но эта строгость сочеталась с добротой. Я очень многому у нее научилась, а особенно умению понимать ребенка. Ведь каждый ребенок – это уникальная личность, и без любви к нему невозможно достичь успеха в воспитании. Мы старались воспитывать у каждого ученика желание быть борцом, быть лучшим, быть творцом своей судьбы.

Наша 4-я средняя школа, когда ее директором была Зоя Михайловна Соколова, была одной из лучших школ района, города и даже области. Школа для нас, учителей и учащихся, была домом радости. До самых последних своих дней жизни буду помнить и любить своего необыкновенного и любимого директора школы – Соколову Зою Михайловну.

*«Поручительство
чести»*

*Касаткина Наталья,
Косец Елена,
выпуск 1972 г.*

Косец (Говорущенко) Елена

Зоя Михайловна Соколова запомнилась нам не просто как директор школы, а как личность. Мы, будучи детьми, воспринимали Зою Михайловну как строгого, но справедливого директора и поэтому не боялись её.

Было удивительно, как Зоя Михайловна чувствовала детей. Школа не была маленькой, но Зоя Михайловна знала каждого ученика не только по имени и фамилии, но его успеваемости, увлечениям, хобби, но и каким человеком был каждый из нас. Может быть, именно поэтому Зоя Михайловна через несколько лет своей работы в нашей школе предложила некоторым выпускникам 10-х классов вручать вместе с аттестатом о среднем образовании документ, который назывался «Поручительство чести». По виду он напоминал диплом в коленкоровой красной обложке с золотым тиснением. На развороте было написано: «Педагогический коллектив и комсомольская организация школы честию своей ручаются, что ты никогда и нигде не запятнаешь высокого звания Человека и комсомольца». А ниже – подпись директора и секретаря комсомольской организации.

Это было почетно и ответственно, т.к. мы осознавали, что за нас ручаются наши учителя, которых мы любили и уважали. Мы этим гордились еще и потому, что такой знак отличия вручали не всем и только в нашей школе. И теперь наши дети с удивлением и гордостью смотрят на «Поручительство чести». Этот документ в наших домах стал семейной реликвией и доброй памятью о школе, учителях и Зое Михайловне.

*О Соколовой
Зое Михайловне*

*Елена Барахтян,
выпуск 1980 г.*

Елена Барахтян

Недавно была в гостях у Елены Александровны Каган, она работала учителем младших классов. Спросила ее мнение о Зое Михайловне. Она ответила, что у Зои Михайловны была замечательная черта характера – она всегда становилась на сторону ученика в конфликте ученик-учитель, и если видела, что учитель не действовал профессионально, она с ним расставалась. Вторая черта – она не боялась начальства и могла отстаивать свое мнение. Недостатком характера Елена Александровна назвала легковёрность, т.е. иногда этим пользовались недобросовестные люди.

От себя добавлю, что все черты характера – редкость и по тем временам, а последняя, обозначенная Еленой Александровной как недостаток, на другой должности или в другой профессии была бы достоинством. Как известно, наши недостатки – продолжение наших достоинств.

* * *

Меня зовут Елена Барахтян, я училась в 1970–1980 годы в 4-ой школе. Насколько я помню, это был последний выпуск при Зое Михайловне.

В нашем классе Зоя Михайловна никаких предметов не преподавала, поэтому много рассказать не смогу. Дам лишь несколько общих сведений.

Когда училась, вообще не сталкивалась с руководством школы: директором, завучем. Мы встречались только на плановых линейках (в начале и конце учебного года) и посвященных каким-то чрезвычайным событиям. Как я понимаю сейчас, такое руководство и должно быть, все работает и никого не видно.

Однако есть несколько моментов, которые, как мне кажется, надо отметить. Во-первых, был собран чудесный коллектив, даже для тех времен, а сейчас это была бы элитная гимназия. И учителя младших классов, и предметники, и даже секретарь, и библиотекарь, все были доброжелательны и профессиональны. Не слышали мы слов «не знаю», «потом», «я

занята». Даже учительница, против которой ополчился весь класс, намного превосходила уровень любого из сегодняшних математиков. А мне есть с чем сравнивать, у меня выросло два сына, и работаю я в педагогическом университете.

Во-вторых, в нашем классе случались происшествия, выходящие за рамки школы, но никаких особых мер давления не было. Правда, после забастовки (когда полгода не учились, желая отстранить нелюбимого учителя) несколько учеников попросили покинуть школу, вот их мнение было бы интересно узнать. Были и другие случаи, серьезность которых только сейчас начинаю понимать. Я думаю, что за рамки школы это все не выходило.

К сожалению, помню мало, может другие помнят лучше, но те, кто закончил 10 классов, почти все за рубежом, а те, кто остались здесь, ушли после 8-го класса. Тогда это было очень неприятно, но сейчас я думаю, что дело было не в личных желаниях директора (иначе бы Зоя Михайловна не оставила бы 40! человек в классе), а в том, что кому-то наверху захотелось расформировать 17-ю школу. Чтобы избежать перетекания в 4-ую, решили ограничить нас одним классом.

Мне лично Зоя Михайловна помогла остаться в этом самом классе, а ведь я не подходила по месту проживания, в 8-ом классе получила годовую тройку, а по поведению – «неудовлетворительно»! Она не то что не потребовала, но и не намекнула на получение вознаграждения!

Не знаю как в других школах в те времена, но у нас НИКОГДА не было никаких благодарностей, подарков, помощи школе в любом виде, не было и намеков на подобное. Были только цветы в начале и конце учебного года, которые тоже НИКТО не заставлял приносить.

Еще раз повторюсь, атмосфера была светлая, доброжелательная, не было запретительства, попустительства, наущничества, подсиживания. Насколько я знаю, и по атмосфере, и по оценкам мы были одной из лучших школ. Из личных бесед с другими выпускниками я знаю только две школы не хуже – это 17-я и 91-я.

Была бы такая школа сейчас, я бы с радостью отправила бы туда внуков. Это база на всю жизнь. Почти все выпускники нашей школы поступили в институты. Жизнь не сложилась у единиц. В моем классе, насколько я знаю, только у двух.

Говоря о Зое Михайловне Соколовой, нельзя не вспомнить Михаила Давидовича Ямпольского, завуча, который в 4-й школе был правой рукой Зои Михайловны. Он был преподавателем математики, очень грамотным методистом. И очень чутким, умным, интеллигентнейшим человеком. Они работали вместе, очень дополняя друг друга. У них была общая страсть – школа. Они и отдали школе самих себя, без остатка.

*О Ямпольском
Михаиле Давидовиче*

Михаил Давидович
Ямпольский

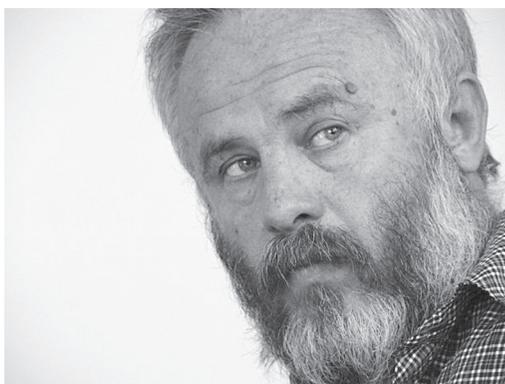
Вместе с Зоей Михайловной Соколовой пришел в школу завуч Михаил Давидович Ямпольский. Очень тонкий, очень чуткий человек, Михаил Давидович очень близко к сердцу воспринимал все, что его окружало, но никогда не позволял себе бурных внешних проявлений. Даже когда все бурлило внутри, внешне он оставался корректным и вежливым человеком. В Михаиле Давидовиче сочетался строгий администратор с учителем-профессионалом. Отличный методист, он умел найти при анализе урока самые точные и весомые слова. Его в школе боялись, но это была удивительная боязнь: боязнь огорчить, сделать что-то не так. Михаил Давидович был очень открытым человеком. С ним можно было поговорить на любые темы, попросить совета, поделиться своими тревогами. Вместе с Соколовой Зоей

Михайловной он старался, чтобы школа стала и для учителей, и для учеников родным домом, местом, куда приходят как на праздник, как приходили в школу и они сами.

*Статья из книги «Майстерня гуманності»,
Інформаційний вестник № 10, Харків, 2004 г.*

*Бывших учителей
не бывает*

Сергей Курганов,
выпуск 1971 г.

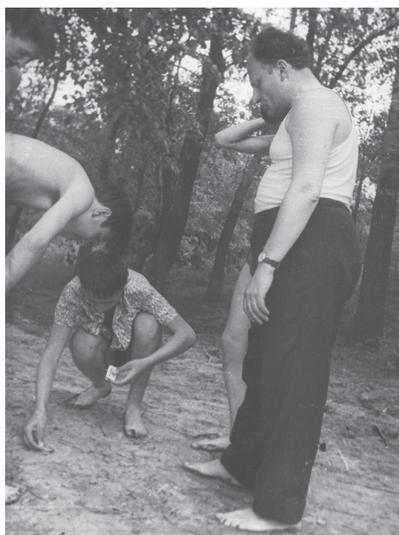
Сергей Курганов

*Воспоминания
о Владимире
Львовиче Лойфу*

В 4-ой школе английский язык начинался с 4-го класса. У меня была своя любимая учительница русского языка **Александра Павловна Лебедева**, дочь знаменитого командарма Лебедева, лучшего друга Сергея Сергеевича Каменева, одного из самых ярких полковод-

цев гражданской войны. Она жила в доме-корабле между Лермонтовской и Пушкинской улицами. Мы с ней ездили в Смоленск и Ленинград, говорили только по-английски. Она – главная героиня моего первого рассказа о Смоленске, который в 1964 году напечатал Владимир Александрович Левин, замечательный детский поэт, преподаватель внеклассного чтения в 4-й школе. Так вот, на урок к **Владимиру Львовичу Лойфу** я попал, свободно говоря по-английски и очень этим гордясь. Владимир Львович был человеком очень веселого нрава, он все время смеялся и шутил. Стандартной шуткой была, поразившее всех нас акцентуированное выражение «Who is speeking?». Он делал ударение на первый слог. Удивительно то, что мы мгновенно реагировали громким хохотом и в 1-м и в 10-м классе, но, наверное, по-разному. Владимир Львович считал, что те фразы, которые четырехклассник, впервые начав изучать английский язык, произнесет по-русски, а затем переведет на английский язык, должен запомнить на всю жизнь. Эти первые фразы были парадоксальны. Над ними хохотала вся моя семья. Смотрите! С 1965 года прошло ведь столько лет, а я запомнил: «Котенок в шляпе, а шляпа на Анне». Классикой жанра было, конечно, яблоко в лампе. Чем смешнее и необычнее, тем лучше запоминается. Вот и запомнилось. На всю жизнь. Я считал себя знатоком английского языка. Поэтому время от времени спорил с Владимиром Львовичем по существу вопроса. Ответ был неизменным. Воспроизвожу его в абсолютной точности с теми словами, которые были тогда

произнесены: «Если Владимир Львович сказал «reign», а не «district» это значит «reign», а не «district». Он любил задавать английские стишки, а мы с удовольствием переводили их на русский язык тоже стихами. При этом мы соревновались с Сашей Спиваковым и Вовой Носовицким, сыном известного хирурга, кто лучше напишет стишок-перевод. Владимир Львович любил подшучивать над другими учителями и добродушно придумывать им различные прозвища. Он размахивал руками, предлагал ученикам Вениамина Федоровича Литовского хором проскандировать «Веня-Пух, Веня-Пух». Это было не хуже, чем его коронное: «Who is speaking?».

Владимир Львович Лойф

О Лидии Борисовне Шапиро

Лидия Борисовна
Шапиро

Когда я был первоклассником (это было в 1961-м году), судьба меня столкнула с самой выдающейся преподавательницей музыки и пения, которую можно было себе представить. Это была Лидия Борисовна Шапиро. Она пришла в наш класс еще совсем молоденькой девушкой и вела у нас музыку четыре года. Потом она забеременела, и я помню, что это была первая беременная женщина, которую я любил в своей жизни. Она ходила на уроки до последнего. Это оставалось каким-то немножко странным воспоминанием моего детства. Она была необыкновенной красоты женщиной. Тоненькая, с маленюм остреньким носиком, небольшого роста, с огромными темными глазами. Она вела во Дворце пионеров знаменитый детский хор «Скворушка» и сама была ужасно похожа на скворца. Песенка про печального скворушку была ее люби-

мой, это было первое, что мы выучили вместе с ней. Лидия Борисовна сразу показала нам ноты, мы и пели по нотам и даже сразу начали сочинять музыку. Я попросил маму купить мне пианино, и мне его купили. Я помню, что инструмент везли на тележке, в которую была запряжена лошадь. А потом грузчики, ругаясь, поднимали пианино на третий этаж. Конечно, я сразу записался в хор «Скворушка» во Дворец пионеров к Лидии Борисовне. И шесть лет в нем пел. Интересно было и то, что Лидия Борисовна на уроках и в хоре предлагала нам петь очень сложные музыкальные произведения. Мы пели Моцарта и Шуберта, Чайковского и Кабалевского. Но пели мы и пионерские песни. На всю жизнь запомнилось:

«Льоня, Льоня Го́лков з озера Ільмень
бився за дитинство він,
бився за дитинство він
і за вільний день».

Или была вот такая песенка:

«Кто из нас в грозный час за Отчизну не пролил бы кровь,
Как отважный Володя Дубинин,
Как разведчик-герой Коробков».

Лидии Борисовне Шапиро из «Скворушки» я обязан своим неустрашимым стремлением петь, которое воплотилось, например, в том, что я несколько лет пел баритоном в церковном хоре города Красноярска. Моя дочь Анастасия тоже училась у Лидии Борисовны, пела в «Скворушке» и теперь играет первую скрипку симфонического оркестра Большого театра и часто вспоминает свою учительницу музыки. Я думаю, что образ дирижера, столь важный для становления молодого оркестранта, впервые был создан в сознании моей дочери именно Лидией Борисовной. Дирижером она была непревзойденным. Я до сих пор помню движения ее рук.

О Марии Моисеевне Каленковицкой (Брук)

Все дело в том, что как сказал мой одноклассник по 4-й школе Саша Спивак, который сейчас честно трудится в Чикаго, я учился в 4-й школе со 2-го по 10-й класс с небольшим перерывом на обед. Ну да, я ушел после 6-го класса и с 7-го по 9-й класс был учеником физико-математической школы № 27. И такие имена, как Столин, Донской, Бормашенко, Захарова, Раевская, Бульба, Зайченко, Сулейменко звучат в моем сердце как музыка. И кто бы мог подумать – на уроках Марии Моисеевны Каленковицкой я никогда не был первым. Эта маленькая, похожая на воробушка, с острыми чертами лица и громким властным голосом женщина, необыкновенно напоминающая Эдит Пиаф, считала меня в математике совершенно неспособным человеком. Оценки выше «4» я никогда у нее не получал. Все дело было в так называемом

арифметическом способе решения задач. Это сейчас детей быстро приучают решать с помощью уравнений, а Мария Моисеевна полагала, что настоящий математик – это тот, который способен решить в 6-м классе любую задачу в 5–6 действий, не прибегая ни к каким общим способам и алгоритмам, а действуя «здесь и теперь», полагаясь только на свою математическую интуицию и здравый смысл. Это было ужасно. Каждую задачу, задаваемую

Мария Моисеевна Каленковицкая
с выпускником

на дом, я решал 2–3 часа. Я был склонен к упрощению, идеализациям и ненавидел экспромтов в математике. Каждую задачу приходилось решать как новую. Это меня бесило. Похоже, я не был математиком. Так или иначе, но однажды я вышел на балкон с небольшой температурой. Подул холодный ветер, и я схватил воспаление легких. Это было в конце 6-го класса. Вместо того, чтобы решать головоломные задачи Марии Моисеевны, я увидел больницу на углу Пушкинской и Иванова № 23, где моим соседом по палате оказался блистательный ученик 7-го

класса физико-математической школы № 27, в последствии один из лучших физиков РСФСР, родной племянник Ильи Ильфа – Петя Фальзинберг. Он научил меня писать научно-фантастические рассказы и доказал мне, что любой приличный и себя уважающий человек, достигший 7-го класса, должен учиться только в физико-математической школе 27. Выйдя из больницы, получив табель с оценкой «4» по математике, поставленной мне Марией Моисеевной (тогда ее предмет назывался «арифметика»), и с оценкой «3» по физкультуре, поставленной мне Ларисой Михайловной (мне не давались кувырок назад, лазанье по канату вверх, брусья, «козел» и даже «конь»), я, не поставив в известность своих родителей и родную 4-ю школу, отправился прямо в кабинет Ивана Федотовича Бульбы, тогдашнего директора школы 27. Я хотел в 7-м классе учиться в той школе, в которой должен был учиться, по моему мнению, любой интеллигентный человек г. Харькова. Годы моего учения математике и другим наукам в 27-й школе я опускаю. В 10-м выпускном классе я вернулся в родную 4-ю школу, и математику у меня вновь преподавала М.М. Каленковицкая. Я помню ее «золотые слова», сказанные моей маме: «Он пришел сюда за медалью? Едва ли он получит

здесь медаль». Но я пришел в 4-ю школу не за медалью. Все было гораздо проще. Я по уши влюбился в одноклассницу, а ей понравился мой лучший друг. Моя одноклассница пересела и стала сидеть за одной партой с моим лучшим другом. Мой любимый учитель математики Аркадий Владимирович Столин пару раз прошелся по этому поводу, а после этого вызвал меня к доске и попросил устно разделить 1 на i . Я учился до этого на одни «5», я должен был сказать, что это будет число $-i$, но я не смог, потому что я увидел, что мой лучший друг держит девушку, которую я любил, за руку, и все это видели. Я сказал, что не знаю ответ. Аркадий Владимирович ужасно любил ставить двойки отличникам, и он сделал это. Я получил первую и последнюю двойку по математике в своей жизни. Конечно, я ушел из 27-й школы и очутился на уроке у Марии Моисеевны Каленковицкой. Меня ждали сверхтрудные задачи по стереометрии, многогранные углы, пирамиды и призмы, площади, сечения и прочие многоходовые комбинации, логически очень напоминающие те самые задачи по арифметике на 5–6 действий, которые я так и не научился решать в 6-м классе. Но на этот раз я был в форме и у Марии Моисеевны Каленковицкой и по алгебре, и по ее сверхсложной стереометрии получал только оценки «5».

О Юрии Лаврентьевиче Швагере

Вначале 80-х годов в 4-ой школе учителем труда был **Юрий Лаврентьевич Швагер**. Надо сказать, что уроки труда – это довольно скучная вещь в любой школе. Обычно они сводились к работе на довольно примитивных столярных и токарных станках, которые не доставляли удовольствие ни учителю, ни ученикам. Юрий Лаврентьевич придумал совсем другую форму и содержание работы. Он раздобыл где-то и убедил администрацию купить 20 маленьких, очень аккуратных станков по дереву. Эти станки позволяли каждому школьнику за два урока (труды были спаренными уроками) создавать маленькие шедевры. Ну, например, шахматные фигуры или бильярдные шары, или еще что-нибудь. Ученики обожали эти уроки. Они заранее знали, что именно будут изготавливать, и с удовольствием делали то, что сами придумали. Юрий Лаврентьевич очень незначительно вмешивался в их работу. По сути дела, обучение шло по программе самих учащихся. Юрий Лаврентьевич абсолютно игнорировал обычную школьную программу по труду, и поэтому создавалась возможность для того, чтобы ребята могли реализовывать любые свои фантазии. Потом вместе с учителем мальчики доводили свои шедевры до «товарного вида», красили, лакировали и т.д. Юрий Лаврентьевич был замечательным знатоком военной и послевоенной истории СССР. Он очень любил долго рассказывать о тайнах Второй мировой войны, о Гитлере и Сталине, о их противостояниях. Я очень много узнавал из этих рассказов. Теперь все это можно прочитать в книжках. Тогда эти книжки только писались.

Хор «Скворушка»

*Директор Дворца пионеров
детского и юношеского
творчества имени
Постышева Макеев М.В*

Лидия Борисовна Шапиро родилась 18 октября 1936 года. По окончании Московского института народного хозяйства им. Плеханова с мужем приехала в Харьков. По специальности работу найти не смогла. Личное знакомство с директором школы № 4 на ул. Лермонтовской позволило ей устроиться учителем пения, имея за плечами лишь свидетельство об окончании вечерней музыкальной школы.

Музыкальный и педагогический талант плюс человеческие достоинства Лидии Борисовны позволили ей стать одним из авторитетных людей школы.

С 1959 по 1974 год она проработала обычным учителем пения, закончив Харьковский институт искусств им. Котляревского.

Из отзывов учеников: «Уроки пения – истинное наслаждение», «Авторитет Шапиро был выше авторитета учителей физики, математики, русского языка», «На ее уроки бежали как на праздник», «Запела вся школа».

Из отзывов коллег: «Скоро наша образовательная школа превратится в школу пения», «Директор на педсовете советовала всем молодым специалистам учиться методике преподавания, умению держать дисциплину и интерес к предмету у Шапиро».

С декабря 1965 года во Дворце пионеров Лидия Борисовна организовала хор «Скворушка», параллельно работая в ДМШ № 9.

Впервые в Харькове в работе с хором Лидия Борисовна внедрила методику преподавания вокальной системы Емельянова – преподавателя Ленинградской консерватории. Шапиро неоднократно приглашала его в свой коллектив давать мастер-классы и проводить семинары.

Буквально за пару лет из самостоятельного детского хора Лидия Борисовна сделала профессионально звучащий коллектив, который объездил крупные города Советского Союза, в том числе – г. Москва, где певцы «Скворушки» были желанными гостями на телестудии «Останкино».

В начале 90-х годов Лидия Борисовна уехала в Израиль. Сейчас в Хайфе она организовала по собственной инициативе хор пожилых любителей пения. Лидия Борисовна сетует, что подход к творчеству за границей иной. Если бы у нее был такой коллектив, как «Скворушка», он бы гремел на весь мир.

О Квичко и Волынской

Елена Власова,
выпуск 1972 г.

О Ефиме Моисеевиче Квичко. Он в моей жизни сыграл заметную роль. Сейчас я преподаватель, и его любимое выражение «Хоть горшком назови, только в печь не сажай!» – руководство на всю жизнь: главное не заставить вызубрить, а научить думать и понимать.

Софья Феликсовна
Волынская

О Софье Феликсовне Волынской. Ее я знала с детства. Еще в 17-й школе, где я тогда училась, она работала с моей мамой, они были подругами. Меня всегда привлекала ее яркость и эффектность, искрометный юмор, переходящий в сарказм. При этом ей всегда удавалось быть над толпой. По-моему, все просто трепетали при ее появлении. И учителем она была прекрасным. Возможно, желание быть не хуже нее и привело к тому, что сейчас я веду курсы английского языка.

И когда я у нее училась, мне всегда хотелось поразить ее невероятными знаниями, к чему Софья Феликсовна относилась с открытой иронией, и за что я была ругана мамой, с которой они общались ежедневно. Но это было круто! С благодарностью вспоминаю ее блестящий ум.

*Мои школьные
годы**Косец Михаил,
выпуск 1977 г.*

Косец Михаил

В школу в первый раз

На самом деле я не помню, когда я попал в школу в первый раз. Вполне вероятно, что я бывал в школе и раньше своего первого класса или со старшей сестрой, или даже с мамой, которая могла взять меня за компанию на родительское собрание. Сильно ругать сестру Лену вроде не должны были, и в этом плане падения авторитета старшей сестры не предвиделось, а вот можно было раньше уйти с этого мероприятия, да и маленький ребенок, т.е. я, на глазах.

Зато хорошо помню, как меня отец во-дил записывать в школу. За руку с папой мы гордо, как мне казалось, прошли через двор и по пустому коридору первого этажа

вошли в кабинет директора. В кабинете были директор Зоя Михайловна и завуч Михаил Давидович. Конечно, как их зовут, я узнал, а тем более запомнил намного позднее, но визуальнo я их запомнил. Первые слова, услышанные мною от директора школы были: «Здравствуй, Миша. Привел младшего в школу?». Надо заметить, что мой отец был тоже директором школы, и, вероятно, они встречались с Зоей Михайловной на совещаниях, семинарах и т.д., все просто и понятно, но в тот момент меня немного расперло от гордости: директор школы, в которой я буду учиться, знает моего отца. В то время папа работал в 38-й школе на ул. Харьковских Дивизий, он же ее и построил. Понятно, что мне хотелось учиться у него в школе, и со мной проводили отдельную разъяснительную работу, что Новые Дома – это край географии, а в 67-м году так и было, что трамваи туда ходят даже не каждый день, а такое случалось, что все мои друзья по садику идут в 4-ю школу. Сильно я не сопротивлялся, и меня уже записывают в 1-й класс. Михаил Давидович раскрыл Букварь и предложил мне продемонстрировать мое умение находить знакомые буквы. Для человека, который к тому моменту не только бегло читал все подряд, что находил дома, но и с 5-ти лет

исправно обыгрывал старших в карты, это было просто обидно. Я прочитал, меня похвалили, и я узнал, что дочка Зои Михайловны тоже идет в школу. Естественно, фамилию директора я уточнять не стал, но сознание того, что со мной в классе будет учиться дочь директора школы, окончательно примирило меня с этой школой.

Первая учительница

Наша первая Учительница (это не опечатка) Наталья Степановна Строяновская уже должна была уйти на пенсию, но насколько знали наши родители, а соответственно и мы, Зоя Михайловна попросила ее остаться и выпустить наш класс. Теперь я ее понимаю, почему она для класса своей дочери тщательно подбирала первого Учителя. Доброта и любовь Натальи Степановны и заложили в нас ту любовь к ближним, ту дружбу между нами, ту тягу к знаниям, с которыми мы и идем по всей жизни.

Наталья Степановна Строяновская, 1961 г.

В нашем 1 «В» было 30 детей, в основном с двух улиц – Чайковского и Лермонтовской. Многие знали друг друга по садикам, хотя были и дети, которых возили издалека. Тогда ездить в школу с Госпрома или Кооперативной в моих глазах было серьезной задачей, хотя недавно я (на словах) был готов ездить на Новые Дома. Класс был спокойный и дружный. Благодаря Наталье Степановне у нас не было принято «закладывать», жаловаться не по делу, врать, драться, прогуливать школу, что-то ломать и хулиганить. Я не могу вспомнить ни одного раза, когда Наталья Степановна повышала

на нас голос. Хотя поводов мы, наверное, давали и немало. Чего стоит только процесс питья молока после второго урока. Оно было кипяченое с пенкой и половину класса нужно было уговаривать каждый день его пить. Нам было интересно учиться, нам хотелось быть первыми, но первыми среди равных. Мне даже сейчас трудно объяснить такой коллективизм, в котором мы стремились не только быть лучшими, но и чтоб не было худших. Уже потом, спустя много лет после школы, я услышал от одного нашего одноклассника слова благодарности за такое отношение, за то, что у нас в классе дружили не по оценкам в таблице, а по отношениям, что не было детей 1-го и 3-го сорта по тому, кто как учился. Никогда. И мы дружим не по нашему достатку в жизни, а по отношениям между собой. И за это я очень благодарен именно Наталье Степановне. Конечно, без конфликтов и проблем быть не могло. Вот и меня Наталья Степановна пыталась научить читать по слогам, а я этого делать не мог, т.к. сразу начал читать слова, да и не хотел. Были у меня и проблемы с чистописанием. Мы начинали писать перьевыми ручками с использованием чернилниц. Сейчас дети и не представляют, как это выглядит, а тогда мы выводили буквы в прописях с нажимом, наклоном, и мне в числе последних, если не последнему, в середине второго класса Наталья Степановна разрешила писать наливной ручкой с открытым пером. Но в этом вопросе надо констатировать поражение советской педагогической школы, писать разборчиво я так и не научился до сих пор. Могу написать несколько слов красивым чертежным шрифтом, а потом надоедает, и я пишу, как умею. После третьего класса мы были примерно равны – отличники, и троечники. Были дружные, сплоченные и стремились учиться, нам было интересно.

1 «В» класс, 1968 г.

Кима

После Натальи Степановны нашим классным руководителем стала Кима Ильинична Ашавская. Как и многие наши учителя, она воевала и так сложилось, что была одинока. Всю любовь к людям, детям она перенесла ее на нас. В начале ей было не просто. Я думаю, что она не ожидала прийти в такой дружный и сплоченный класс, как наш. Ее представления о взаимоотношениях в классе и с учителями были для нас не совсем понятны, и принять их мы не захотели. Не конфликт, а скорее непонимание разных позиций, хотя и близких. Сейчас, через сорок лет, легко философствовать, а тогда были и скандалы, и накручивание родителей, и слезы, детские и взрослые. Да, в своей бессмысленной детской жестокости мы радовались нашим победам и добивались их любой ценой. Понятно, что со временем мы почти научились не только жить мирно, но и понимать, сколько Кима для нас делала. Мы так называли ее между собой, и не от неуважения, а от того, что мы были ее семьей, ее детьми, хотя и не всегда хорошими по отношению к ней.

Кима Ильинична Ашавская

Наши уроки математики со временем стали больше походить на оргчасы, с разбором полетов и попытками воспитать нас. Насколько фатально это отразилось на наших знаниях, не мне судить, хотя один из нас работает доцентом на мехмате университета и вроде не на последнем счету, а вот то, что никто из нас не стал негодяем, я знаю. И сейчас, прожив большую часть жизни, я знаю, что человека воспитать намного сложнее, чем научить математике. И спасибо Киме Ильиничне, что она старалась делать и то и другое.

Наш класс много ездил. Ездили и по области, и в Ленинград, и в Минск. Для многих это не только незабываемые воспоминания, но и единственные посещения этих городов. Театры, лесопарк, вылазки – для нас это было все привычным, хотя и тогда, глядя на другие классы даже нашей школы, мы понимали, что это не совсем обычная организация классной жизни. Наш кабинет математики был одним из первых не только в школе, но и в районе. Когда мы пришли в 5-й класс, то было аж

страшновато заходить. Вместо привычного класса нас ожидал класс с автоматическими шторами, проекторами, кадоскопом, раздвижной доской, модными партами со стеклолаком. Конечно, чувство гордости и несколько покровительственное отношение ко всем ученикам, кто приходил в класс на уроки, нас не покидало уже никогда, даже когда появились другие подобные классы, и даже лучшие. Тогда в оборудовании класса участвовала чуть ли не половина района: авиазавод, проектный институт на Лермонтовской и кто-то еще. Можно только догадываться, чего стоило нашему директору убедить районо, что такие классы нужнее нам, чем, например, 1-й школе им. Ленина или 5-й школе в минуте ходьбы от обкома партии. Тогда это было событие не только для нас, но и для всей области. Я помню, как меня или Панькова снимали с уроков, чтобы показать, как работает вся техника. Конечно, кинопроектор запускался неплохо и с пульта на учительском столе, но его нужно было вовремя выключить. Дело в том, что пленка была только одна – о каких-то превращениях геометрических фигур – и сильно порванная. На ней же мы и учились искусству крутить кино и, как следствие обучения, пленка была несколько пострадавшей. Так вот, наша задача состояла не только в том, чтобы показать, как дети лихо управляют кинопроектором, но и вовремя его выключить, дабы не ослабить впечатление от нашего кабинета у директоров школ со всей области. Мы относились к делу со всей серьезностью, и думаю, что до сих пор никто не догадывается, что наши перемигивания с Кимой Ильиничной и резкий уход к себе на урок означали только то, что целый кусок пленки закончился, и для его перемотки и повторного запуска нужно немало времени.

Только потом я стал понимать сколько времени уходило у Кимы для подготовки слайдов на отмытой рентгеновской пленке для кадоскопа, сколько времени она отдавала нашим внешкольным проблемам, сколько она сделала учебных пособий сама и научила нас делать буквально из ничего модели довольно сложных объемных фигур.

Характером Бог Киму не обошел. Эмоциональная, взрывная, настойчивая. Ее крик на нас был частым сопровождением учебно-воспитательного процесса, пару раз в качестве аргумента она кулаком разбивала стекла на столе. Кто не знает, что это – может попробовать. После такого события у нас внепланово организовывался еще один урок, на котором завершался воспитательный процесс и проходил учебный. Все приходили и тогда уже мирились. Все равно находили общий язык, по-прежнему делились с нашим классным руководителем своими проблемами, радостями, надеждами.

Я верю, что мы оправдали ее ожидания, что она осталась довольна своей работой. Хотя наши с ней отношения назвать просто работой нельзя.

Зоя Михайловна

Трудно после Кимы Ильиничны писать о ком-то другом, кроме Зои Михайловны. Это мой директор школы, которая выучила меня и которая учила меня и после школы.

Еще в начале войны Зоя Михайловна (она сама это мне рассказывала), стала заведующей отделом в Тамбовском облисполкоме. И всю жизнь она была руководителем, руководила людьми и учила детей. В школе она была над всеми и мы, ученики, понимали, что она директор, она отвечает за все, она последняя инстанция. Ее мы видели не каждый день, она у нас ничего не вела, всегда серьезная, всегда чем-то занята. Даже тогда мне, не очень взрослому и умному, было понятно, что школа – это не только дети и учителя, но и краска, замерзшие батареи, каток на стадионе, домик во дворе, в котором жила и тихо пила техничка баба Паша, потекшая крыша и много других проблем, которые не нужно знать ни ученикам, ни их родителям, ни учителям. Все эти вопросы решал директор. И решал хорошо. Даже летние катаклизмы в виде отработок для нас были больше приключениями перед отдыхом, а к началу учебного года все было покрашено и приведено в порядок.

Зоя Михайловна Соколова, Михаил Давидович Ямпольский

Я, может, как никто другой, отдаю должное Зое Михайловне потому, что я из семьи учителей. Мой дед был учителем, мой отец был учителем, директором школы, у меня даже сестра учитель. Я знаю, что это за труд воспитывать детей, учить их, обеспечить хорошие условия для этого. А нас в школе было 850 детей.

К нам в класс Зоя Михайловна приходила на уроки не часто. То ли ко всем так, то ли была спокойна за нас и наших учителей и приходила на открытые уроки только с периодичностью приказов по наробразу. Садилась со своими бумагами сзади и мы ее не выдели и не слышали. Претензий, во всяком случае, ученики не слышали, а как проходил процесс воспитания учителей, мы знать и не могли, учитывая внутреннюю культуру Зои Михайловны. Она не могла позволить устроить подобные разборки при учениках. Конечно, она, будучи живым и не безразличным человеком, могла и сорваться на ученика, накричать, но не оскорбить или унижить. Даже со стороны было видно, насколько ей неприятно в таком виде проводить воспитание ученика, что ей неприятно опускаться до этого уровня, а другого пути быть услышанным малолетним упрямым у нее уже нет. И это касается не только Зои Михайловны, все учителя повышали на нас голос уже от бессилия, от невозможности пробить глухую стену нежелания услышать и понять. Искусство руководителя состоит не в том, чтобы все время быть на виду, а в такой организации работы, что есть, нет директора, а процесс идет своим чередом.

Как я уже говорил, в одном классе со мной училась дочь директора школы. С одной стороны это было хорошо – ну, кто будет сильно ругать такой класс, а с другой – все как под микроскопом, и надо быть все время на высоте. К чести Зои Михайловны и, безусловно, Марины, мы не чувствовали разницу между ребенком директора и нами. Обычная девочка, только вот свободы поступков у нее было намного меньше. Ни жаловаться, ни прятаться у мамы в кабинете, ни даже ходить к ней поесть на перемене заведено не было. А вот учителя иногда напоминали Марине, что как можно так поступать – она же должна понимать, соответствовать и т.д. Я бы не хотел оказаться на ее месте, и моя идея учиться у отца в школе мне уже казалась бредовой.

Единственное, в чем, возможно, наш класс выделялся среди других, так это в подборе учителей. Упаси Бог, я не хочу сказать, что были учителя в школе сильнее и слабее, просто у нас работала команда. И подбором учителей занималась именно Зоя Михайловна. С ней к нам в школу перешли несколько человек из 5-й школы, а вообще из школы никто не уходил. У нас не менялись учителя все годы. А когда тебя учит один человек, это просто здорово. Причин ухода из школы учителей я помню только две: пенсия или декрет. Потом вторая группа возвращалась обратно. Из школы не уходили учителя, не уходили ученики, а если уходили, то возвращались. Это был дух школы, ее аура.

С Зоей Михайловной я много общался и после школы, уже как с мамой моей подруги. Было интересно, было важно ее мнение, но уважение к директору все равно оставалось. И не только у меня – у всех. Можно было посоветоваться, просто пожаловаться, мы навсегда остались ее учениками, ее детьми, ее гордостью.

Учителя

Трудно написать коротко об учителях. Обо всех и о каждом. Каждый был личностью, со своими сильными сторонами, своими требованиями, любимчиками и слабостями. Если все вспомнить интересное, то роман будет приличного размера. Главное, что они делали одно дело – они нас воспитывали и учили. Учили и предмету, и жизни.

Наш завуч **Михаил Давидович Ямпольский** полностью руководил текущим учебным процессом. Всегда подтянут, в отглаженном костюме, со слегка уставшими пронизательными глазами. У нас он математику не вел, но, по отзывам, свой предмет не только знал, но и любил. Именно он являлся последней инстанцией в наших разногласиях с **Кимой Ильиничной**, и он всегда разбирался, становился на сторону правого и улаживал все проблемы бескровно.

Зоя Михайловна Соколова, Михаил Давидович Ямпольский

Светлана Ивановна Бабич, заслуженный учитель Украины, учитель русской словесности. Строгая, глубоко любящая русскую литературу. После нее мы не только разговариваем грамотно, но и пишем правильно, не задумываясь о буквах и запятых. Не раз я потом слышал от других учителей комплименты моему знанию русского языка, а это ее заслуга. Мы немного ее побаивались, хотя и не ждали неприятностей. Все безропотно переобувались в коридоре под ее кабинетом, а кто пытался проскочить – сидел босяком. Никогда не повышая голоса, она умела заморозить класс и полностью подчинить его русскому языку и литературе.

Олійник Лідія Петрівна. Ее называли только так – в школе и за глаза. Добрейшей души человек, который учил нас украинскому языку и литературе. Она прощала нам почти все, мы хулиганили, прогуливали, бесились на уроках, но только до того момента, когда она не начинала рассказывать нам классику украинской литературы. Мы не читали, мы слушали ее пересказ. Это было настолько интересно, таким прекрасным языком Полтавской губернии, что ни у кого не было мысли ей мешать. Но если ее «доводили» и Лидия Петрівна переходила на русский язык, то ховайся, этого боялись не только ученики, но и родители, и учителя. Хотя мы почти все разговариваем на русском языке, школьного знания уже государственного языка нам вполне хватает.

Ефим Моисеевич Квичко читал нам физику, по образу мыслей и методике он должен был бы быть учителем языка, но пришлось переквалифицироваться на преподавание физики. На его уроках было интересно, прекрасный рассказчик и очень мягкий человек. Поэтому физику у нас знал только тот, кто хотел, при общих неплохих оценках.

Химия у нас прошла без особых следов в знаниях. **Полина Ивановна Лузан** химию знала, но привить любовь к ней у нас не смогла. 9-й 10-й классы нас учила **Елена Васильевна Стеценко**, инспектор района. Она приходила к нам только на уроки. Статная, спокойная, с умением направить наши мысли в химическую сторону. В объеме школьной программы мы таки получили элементарные знания.

Павел Андреевич Приз, наш военрук, не был профессиональным учителем, он был военным в запасе. Не в отставке, а именно в запасе. Зеленые рубашки, автоматы, стрельба из винтовок, уставы, гражданская оборона, понятие об армии – основные воспоминания о его уроках. И, конечно, его рассказы о войне, когда он был не намного старше нас, но уже воевал. Оставшаяся в нем армия была нам и непонятна, и местами смешна, но вызывала уважение.

Светлана Михайловна Заливадная, учитель истории и обществоведения. Невозможно жить, не зная свою историю, и она старалась нам ее преподнести. Древний мир, средние века – все было хорошо и понятно. А вот современная история в те времена сводилась только к классовой борьбе. И мы исправно ругали империализм, верили в светлое будущее, и в этой игре с нами был наш учитель.

Хочется сказать много доброго обо всех учителях, не хочется вспоминать проблемы, незаслуженные двойки, обиды за непонимание. Но тогда читать будет совсем не интересно, одни похвалы. А было всякое. Мы росли, нас воспитывали, мы выросли каждый по отдельности и весь класс вместе.

Наш класс

Класс у нас был хороший. И не только ученики, взятые по отдельности, но и все вместе мы были командой. В других классах, и даже в нашей школе,

пусть меня простят, я такого не видел. Мы общались на уроках, общались, когда окончили школу, общаемся через 30 лет и вряд ли научимся обходиться друг без друга.

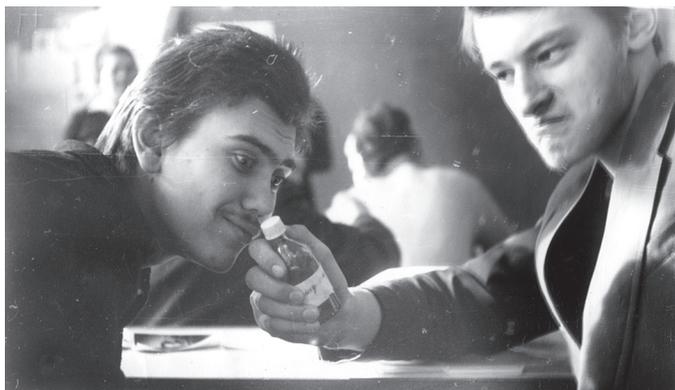
Нет, мы далеко не ангелы. Мы прогуливали, срывали уроки, дерзили учителям и родителям, дергали девочек за косы и царапали мальчиков, курили за школой и считали себя взрослыми, словом, росли, как все дети. Мы дети советской системы. В октябрята нас принимали на 50-летие Октября, в пионеры на 100-летие Ленина и, естественно, мы верили, хотели соответствовать, стремились и т.д. Мы ждали этого. За неделю до принятия в пионеры мы с папой ходили в оперный театр на какое-то праздничное мероприятие, и он уговорил меня повязать галстук до приема в пионеры только авторитетом старого коммуниста и директора школы. Мы радовались каждому полету в космос и новостям с полей и с заводов. Мы росли обычными детьми. Но у нас было чувство коллектива, в котором мы учились, и чувство дружбы с людьми, с которыми мы учились.

В первом классе нас было 28 человек, если я правильно помню. Закончило школу 30 человек. Из них человек 20 проучились с первого до последнего звонка. Те, кто пришел к нам позже, или полностью вливались в нашу систему взаимоотношений, или просто учились, но никто не смог изменить атмосферу класса. Мы были сложившейся командой. Несколько человек уходили, а потом возвращались. В том числе и я. В 8-м классе была попытка перейти в 27-ю школу, физико-математическую. Перешел, проучился четверть, но не пошло. Не сложились отношения с учителями – их требования были для меня непривычны, с классом отношения не то, чтобы не сложились, там не было класса, в моем понимании. Каждый был сам по себе, даже не за себя, а сам по себе. Собирались только, чтобы учиться, но не вместе, а просто в одной комнате в одно время. И все. Да и в школу ездить 4 остановки на трамвае мне не понравилось. На осенних каникулах пришел к Зое Михайловне и спрашиваю: «Возьмете обратно?». «Да», – отвечает, а рука уже тянется за справкой на перевод. Если кто сам переходил, то помнит о таких справках. «А с двойкой в четверти по черчению?» – решил уточнить я. Взгляда Зои Михайловны поверх очков я не забуду никогда, в нем было и легкое недоверие моим словам, и удивление, и обида за столь низкую оценку моих знаний, а в итоге и ее, директора, работы. По мнению Зои Михайловны, нас учили достаточно хорошо, чтобы кто-то ставил нам неуд буквально на следующий день после перехода в другую школу. Я вернулся, как будто никуда и не уходил, и не у кого в мыслях не было попрекать меня попыткой уйти или двойкой в четверти.

Первые восемь лет наш класс был «В». А в девятом из двух параллельных остался один класс, и наш сделали «А». Это был как раз первый год, когда отменили план по приему в 9-й класс и, наконец-то, учителя могли решать кого брать, а кого нет. Но, по-моему, отказа из нашего класса никто не получил. Кто хотел учиться, того и взяли.

На разных уроках мы сидели по-разному. Мои места располагались от первой парты – на математике и русском, до последних – на истории и географии. Нам было так удобно. Мы могли спокойно общаться во время урока с разными людьми и делать домашние задания на уроках. На математике нас с Леной Вороновой отсадили на первую парту, чтобы ограничить в возможностях решать другие варианты самостоятельных и контрольных. Конечно, нам это нисколько не мешало, но все равно мы старательно поддерживали уровень успеваемости в классе: каждый решал по два варианта и умудрялся передавать их назад. Если я сидел с Валерой Паньковым, то уроки проходили в сражениях в морской бой. А обычно просто шепотом обсуждали свои проблемы.

Вот о двоих вспомнил, и стало немного стыдно перед другими. Я дружил со всеми, и со всеми дружу до сих пор. Помню всех пофамильно, и поименно. Была у нас традиция (спасибо Киме Ильиничне) каждый месяц отмечать дни рождения тех, кто в этом месяце родился. Со стенгазетами, стихами, тортами (об этом беспокоились сами именинники). С тех пор дни рождений иногда всплывают в памяти. Мы сбивались с ног перед 8-м Марта в поисках подарков для девочек. Обычно подарки были разные и со скрытым смыслом. Причем, настолько скрытым, что иногда даже мы к моменту вручения забывали о сложном ходе своих мыслей. Подарки наших девочек выбирались примерно также, о чем красноречиво говорили их хитрые лица 23-го февраля. Главное, что непонимание смысла подарка не переходило в обиду. Ну, и цветы, конечно. Это было обязательно: девочкам, учителям. Если цветов не хватало, то на помощь приходила Кима Ильинична. Без помпы, напоминаний потом, просто потому, что у нас сложности, а она может помочь. И мы с той поры нормально воспринимаем помощь, если она искренняя, от души. Мы не стесняемся помогать друг другу и не стесняемся, если помогают нам. Это просто дружба.

Борисенко Владимир и Василевский Алексей

Я не могу сказать, что мы были любимчиками у учителей. Получали по заслугам и на пряники и на орехи. Что я помню, так это то, что у нас было много детей учителей и преподавателей ВУЗов, и учителя нам говорили, что нехорошо себя так вести, должны, мол, понимать и вести себя прилично. Мы старались, и не столько потому, что было стыдно, а потому, что любили своих учителей и старались их не расстраивать.

Класс не был хулиганистым. Мы не поджигали дымовухи в туалетах, мало били окна на первом этаже, даже толком не знали, где детская комната милиции. Хотя на уроках, если на них попадали, тоже не сидели как мумии на партсобрании. Учились весело. Марину Соколову, дочь директора школы, встречали загодя, на Петровского и часто, несмотря на ее протесты, в школу просто не пускали. Более того, для облегчения нашего общения с администрацией в последнем классе ее избрали старостой. Ну у кого поднимется рука ругать дочь директора за наши проделки. Но ругали, и она старалась отстаивать наши интересы. Даже у меня, спокойного и тихого ребенка, в дневнике за 9-й класс не было ни дня без замечания. Читаю, и на душе теплеет: «Разговаривал на уроке с Решетниковой», «Нет домашнего задания», «Прогулял урок», «Не заполнен дневник», ну а опоздания – просто постоянно. Я так и остался в святом убеждении, что выходить из дому раньше, чем за две минуты до начала первого урока – значит проснуться еще до рассвета. А зачем? Я не помню, чтобы в 9-м, 10-м классах я дома раскрывал учебник или делал домашние задания. Для этого были перемены и подоконники в коридорах. И, конечно, другие уроки.

10 «А» класс. 1977 г.

Вообще учились мы легко, кто хотел. А тем немногим, кто хотел, но давалось с трудом, – помогали. Учителя не закрывали глаза на тех, кому было тяжело учиться, а, скорее, ориентировались на них. И поэтому тем, кто понимал и запоминал быстрее, иногда было скучно, ну сколько можно повторять одно и то же. Но это нас не разделило. Был у нас мальчик, которому учение давалось нелегко. После 8-го класса он ушел работать на завод ФЭД сверловщиком. По тем временам зарплата 160 рублей была немаленькой. Работая, он окончил вечернюю школу, техникум, институт. Лет через 10 после нашего окончания школы я услышал от него слова признательности за то, что он не чувствовал разницы в отношениях с нами, а желание стать на уровень с остальными толкало его учиться. Из 30-ти человек, окончивших 10-й класс, 10 человек было «золотых» медалистов. Из 22-х человек, поступавших в ВУЗы сразу после школы, поступило 20. Есть чем гордиться и нам, и учителям.

Конечно, пути наши разошлись довольно сильно. Треть или половина класса живет за границей, мы повзрослели, выросли дети, растут внуки. Мы стали учителями, военными, поварами, инженерами, были учеными. Словом, как у всех. Осталась дружба. Мы можем не видеться годами, живя в 10-ти минутах неспешной езды, но при встрече как будто продолжаем вчера прерванный разговор. Для наших в порядке вещей передать лекарства для моей мамы через 8 тысяч километров или заниматься с сыном погибшего одноклассника, чтобы он смог поступить в университет. Что-то в нас осталось навсегда.

*Я очень благодарна
своим учителям*

Радченко Лариса,
выпуск 1979 г.

Зачем мы пишем о том, что было много лет назад? Что не дает нам забыть людей, события? Почему даже по прошествии многих лет одно лишь воспоминание о ком-то наполняет сердце теплом и радостью?

Лариса Радченко

Людмила Ивановна Клюева

Однажды, вместо нашего любимого химика, Заблудовского Ильи Аркадьевича, в класс зашла какая-то студентка. Оказалось – наша новая учительница химии. Мне она не понравилась.

Во-первых, ей очень хотелось научить нас химии, – и это был ее самый большой недостаток в моих глазах. Лично мне эта «ее» химия была совершенно не нужна, а молодая учительница сразу ввела новую систему – мы должны были на уроке писать конспект! Это вместо того, чтобы поболтать с соседкой или книжку почитать!

Во-вторых, не хватало ей солидности Лідії Петрівни (Олійник) или уверенности Светланы Ивановны (Бабич). Не дотягивала она до учительницы – почти наша ровесница – не учитель, а практикантка какая-то.

Что я только не вытворяла, чтобы вывести ее из себя! Мне казалось, что у нее в какой-то момент лопнет терпение и она оставит нас в покое, уйдет из школы, – зачем мы ей такие нужны? Сейчас я совершенно не понимаю, почему я хлопала крышкой парты, дверями, грубила, писала на доске «Долой ЛИК!»...

Она заходила в класс, видела «традиционную» надпись на доске, мужественно обводила нас взглядом, натыкалась на мое наглое, ухмыляющееся лицо и вопрошала:

– Кто дежурный? Почему доска не подготовлена к уроку?

Людмила Ивановна
Клюева

Дежурный, косясь на меня, вытирал с доски, и Людмила Ивановна начинала урок...

Удивительно, что она ни разу не сорвалась на меня, не пожаловалась директору (директором у нас тогда была Зоя Михайловна Соколова), ни классному руководителю Шарой Валентине Сергеевне. Молча и доброжелательно она сносила все мои выходки. В какой-то момент уже одноклассники не выдержали и попросили меня проявить снисходительность, но в меня как черт вселился.

Только через несколько месяцев, после моего очередного «выступления», она вызвала мою маму и сказала ей:

– Сделайте что-нибудь, а то она другим детям мешает учиться. Она весь класс отвлекает от урока. Только сильно ее не ругайте.

Мама, вернувшись домой, спросила:

– У тебя вообще совесть есть? Зачем ты над девочкой издеваешься?!

Как ни странно, оказалось, что совесть у меня есть: я объявила перемирие. И выяснилось, что химия – очень увлекательный предмет, а Людмила Ивановна – не только грамотный химик, но и отличный педагог, и замечательный человек.

Я знала, что можно прийти к Людмиле Ивановне (к Людочке) с любой проблемой – она поддержит и поможет, – столько тепла и добросердечия у этой молоденькой учительницы. А в старших классах ее лаборантская была моим (и не только моим) прибежищем в трудные моменты. Она удивительно умела держать дистанцию с учениками при небольшой разнице в возрасте и при этом быть искренней и понимающей подругой.

Я закончила мехмат, но химию школьного курса помню до сих пор...

В нашей школе был очень сильный педагогический состав, многим учителям я безмерно благодарна и довольно часто вспоминаю о них, но именно ЛИК оказала самое сильное влияние на всю мою дальнейшую жизнь.

Людмила Ивановна проработала в школе недолго – вышла замуж, родила дочь и перешла на более спокойную работу, но для меня она всегда останется Учителем с большой буквы и одной из самых близких людей.

Спасибо, дорогая Людочка!!!

Валентина Сергеевна Уларя (Богарникова)

Все истории когда-то начинаются...

Эта история началась в обычном школьном дворе.

Радостно закончив начальную школу, мы, 4 «В» класс, уже почти взрослые, пришли на праздник Первого звонка. Перед этим нас пугали, как сложно будет учиться в четвертом классе: надо будет ходить по кабинетам к разным учителям, при этом постараться не терять портфели, ручки, тетради, учебники и, самое главное, голову. Каждый раз после урока надо будет собирать портфель, бежать в другой кабинет и при этом еще когда-то успевать поесть в столовой. Не знаю, как себя чувствовали остальные, но я была немного взволнована. В таком состоянии подхожу к своим, а рядом с ними стоит и всхлипывает какая-то чужая незнакомая женщина. Вокруг нее несколько человек (как выяснилось позже, бывшие выпускники). Оказалось, это наша будущая классная руководительница.

Конечно, я подумала, что нам не повезло. Стоит себе, со своими разговаривает, на нас не обращает никакого внимания – и это в первый день! А дальше что будет? А дальше оказалось, что нам повезло!

Валентина Сергеевна – математик от Бога! Свою любовь к математике она как-то передала и нам. Любую свободную минуту она использовала для того, чтобы вдолбить в наши головы хоть что-нибудь. Она выпрашивала у других учителей уроки, и приходила объяснять нам то, что мы (как ей казалось) недостаточно четко усвоили. Иногда (да простит ее Партия и Правительство) она во время классного часа или политинформации выкраивала минутки для решения с нами задач. В то время это было немалым подвигом! Конечно, многим это не нравилось, потому что она не оставляла нас в покое со «своей» математикой! Она хотела, чтобы мы знали – и мы знали. Просто некуда было деваться. Насколько я знаю, лишь у немногих потом были проблемы с математикой при поступлении в ВУЗ. Трое из нашего класса поступили на мехмат (я – в том числе) и хорошо его закончили, – в этом тоже часть ее заслуги. Что касается меня, моя любовь и мое знание математики только благодаря Валентине Сергеевне!

Можно еще цитировать ее любимые выражения, какие были у каждого учителя. Например: «Мальчишечки и девчоночки! Побежали к досточке!» Но когда я вспоминаю ВС, в первую очередь всплывает в памяти факультатив по математике, который был 1–2 раза в неделю.

Несколько лет назад я нашла свою старую тетрадь с конспектом этих занятий. Только сейчас я могу оценить уровень этих занятий и профессионализм Валентины Сергеевны. Просто удивительно! Методика изложения многих тем отличается простотой и ясностью, и местами совсем не совпадает с общепринятой. Для меня это было открытием! Оказалось, я некоторые темы объясняю так, как нам давала Валентина Сергеевна! И многие мои ученики удивляются: «Почему так понятно не объясняют в школе, почему учебники написаны по-другому?».

Мало кто знал о том, как Валентина Сергеевна вела себя на педсоветах. Нет, ничего особенного! Просто она защищала «своих мальчишечек и девчо-

ночек», выпрашивала для них оценки, переживала за успеваемость класса в целом и практически за каждого из нас. В конце каждой четверти она ходила по учителям, уговаривала спросить кого-то еще раз, дать задание, чтобы любым способом повысить оценку.

Однажды я на нее обиделась (через столько лет причину, конечно, уже не вспомнить), поэтому во время самостоятельной работы переписала условие задачи и оставила ее нерешенной, так и сдала. Валентина Сергеевна тогда очень разволновалась и огорчилась.

Редко встречается такое замечательное отношение к своему предмету и к ученикам. Наверное, таким и должен быть Настоящий Учитель!

Светлана Ивановна Бабич

Светлана Ивановна Бабич
с учениками

Светлана Ивановна была довольно строгой женщиной, можно даже сказать суровой. Ее требовательность, ее любовь к чистоте и порядку были известны всей школе. Мне она казалась жесткой и требовательной со всеми вытекающими отсюда нелестными оценками в ее адрес. В дневнике она обычно подписывалась двумя буквами СБ, за что иногда мы ее называли между собой СБ – сверхскоростной бомбардировщик.

Меня потрясли два эпизода, которые полностью поменяли мои представления о ней.

Однажды у нас с ней произошел небольшой конфликт – она поставила мне «3» за сочинение, мотивируя тем, что я его списала. Потом, когда недоразумение выяснилось, она не только исправила «3» на «5»,

но и извинилась передо мной, что в те времена казалось немыслимым! Это полностью примирило меня с ее требовательностью и принципиальностью, потому что такое отношение у нее было даже к себе. Умение признать свою ошибку – достаточно редкое качество, а еще извиниться перед ученицей, отнестись с уважением к тому, кто намного младше тебя – в те времена это было исключением из правил. Меня тогда очень потрясло это отношение равного к равному, отношение, исполненное уважения к моему измерению и к моему мнению.

Интересно было еще то, что в сочинении всегда можно было писать не то, что надо, не то, что рекомендовано думать, и не так, как написано

в учебнике. Можно было смело высказывать свое мнение о произведении, свои идеи, и не бояться при этом «схлопотать» «2» за непонимание.

Надо отметить, что она всегда устраивала разбор сочинений. Наша дорогая русачка могла читать особо понравившиеся ей фразы из всех сочинений – чтобы мы учились. Иногда СБ читала какую-то фразу и говорила, что вот тут лучше было бы сказать по-другому. При этом она никогда не унижала автора неудачной фразы, зачастую даже не говорила, чья это фраза, просто устраивала конкурс на тему: «Как сказать то же самое красивее».

Одна из запомнившихся мне фразочек из сочинения: «Мы сели в лодку. Дедушка сидел задом к переду лодки». Мы начали смеяться, но Светлана Ивановна отчитала нас и сказала, что ошибиться может каждый, что надо постараться всем вместе сказать это благозвучнее. И вместо «зада к переду» надо было, как минимум, сказать «спиной к носу лодки», но это тоже оказалось не очень приятным на слух, потому что в каждом предложении была «лодка» и «сели». Помнится, мы около половины урока посвятили перефразированию этой цитаты. И еще некоторое время после этого Светлана Ивановна рассказывала, как многие великие писатели много раз переписывали и правили свои произведения для того, чтобы какая-то одна фраза зазвучала.

А про лодку мы так и не пришли к консенсусу, но вполне приемлемым было «Мы сели в лодку. Дедушка расположился лицом к корме». Это был «информативный вариант», а не «увлекательный рассказ» по оценке Светланы Ивановны. Для научно-популярного издания по гребле сошел бы вариант: «Кто знает, как садится гребец в лодку? Конечно, лицом к корме!»

Иногда она заставляла одну и ту же тему раскрывать в разных жанрах – веселенькое такое занятие мне очень нравилось.

Еще раз она меня поразила до глубины души своей внимательностью. Это было в классе девятом. Шел дождь, было грустно, я стояла на перемене у окна и печально смотрела на тусклое небо, пожухлую траву и думала о том, что скоро придет зима. Короче, настроение было никакое, причем, без всякой внешней причины. Вдруг кто-то подошел сзади, обнял меня за плечи и спросил голосом, похожим на голос Бабич, только намного более теплым и ласковым:

– Ларочка! У тебя что-то случилось?

Я оглянулась в печали – это на самом деле была Светлана Ивановна! Она с тревогой заглядывала мне в глаза.

Так для меня развеялся миф о ее бессердечии.

После этого очень часто я наблюдала, как она старается напустить на себя строгость и твердость, и какие при этом веселые чертики бегают в ее глазах.

Надо отметить, что все учителя русского языка и литературы у нас в школе были изумительные. В 4-м классе у нас вела **Елена Васильевна Стеценко** (если не ошибаюсь). Она проучила нас немного – ее перевели на

работу в районо. Но я до сих пор помню ее некоторые уроки! В параллельном классе классным руководителем была Алла Владимировна Лагутина – тоже потрясающий человек!

И, если уже говорить про уроки русского языка, то нельзя не вспомнить Зою Михайловну Соколову, нашего директора. Однажды она заменяла Светлану Ивановну. Надо ли описывать, как мы все насторожились и испугались, когда она вошла в класс? Директор все-таки!

В наше время малышей пугали, что придет «Дед Бабай», когда они себя плохо вели. А когда малыши подрастали и шли в школу, их начинали пугать «директором»: «Вот сейчас отправлю тебя к директору!» Или: «Сейчас директора позову!». И одна из самых страшных угроз: «Завтра с родителями – к директору!». Естественно, в младших и средних классах мы испытывали некоторые опасения по поводу этого мифического лица по имени Директор.

И вдруг этот самый Директор заходит к нам на урок! Я немного расстроилась, потому что у меня были грандиозные планы дочитать какую-то очередную книжку, но не буду же я нагло читать на глазах у самого директора! Но Зоя Михайловна начала урок, и как-то забылось, что она – грозное административное лицо. Оказалось – очень хорошая женщина, добрая и очень умная. И скучную тему по грамматике русского языка она раскрывала так интересно, что я даже забыла о припрятанной книжке.

После этого страх перед директором у нас полностью исчез.

Лидия Петровна Олейник

Лідія Петрівна Олійник

Риторический вопрос: «Кто не помнит Лідію Петрівну?!» – у меня, как и у многих, не поворачивается язык называть ее по-русски. Ее изумительная украинская речь, мягкая и нежная, мелодичная и безупречная просто потрясала. С тех пор я не встречала никого, кто бы так говорил по-украински! Может, это была еще особенность ее голоса и ее характера – добросердечие и безграничная доброжелательность...

Что мы только не вытворяли на ее уроках! И все она сносила с воистину христианским терпением и любовью. Иногда только грустно

смотрела на нас и, как бы с удивлением, отмечала: «Ви не радянські діти! Хіба ж радянські діти так себе поводять?».

Она любила писать длинные «сочинения» на тему поведения в моем дневнике на безупречном украинском языке, которые занимали все свободное пространство дневника. Однажды она написала в трех или в четырех сложноподчиненных предложениях, что ей не хватает слов и места, чтобы написать о моем поведении. Но это продолжалось до 6-го класса, до тех пор, пока она не встретила на улице мою маму.

Мама спросила ее:

– Как моя дочь себя ведет?

Лідія Петрівна радостно начала описывать все мои подвиги: болтовню на уроках, поведение на продленке, беготню на перемене и т.п.

Мама возмущенно сказала:

– Ну, сейчас я приду домой и ей задам!

На что Лідія Петрівна испуганно всплеснула руками и сказала:

– Та ви що? Не треба! Як так можна! Ларонька така гарна дівчинка!

После этого случая она лишь тяжело вздыхала, глядя на меня, и надписей в моем дневнике поубавилось. Не знаю, что она себе подумала, но маме жаловаться перестала. Хотя мои отношения с мамой всегда отличались демократичностью. Однажды, придя с родительского собрания во втором классе, она грозно спросила меня:

– Ты что, бегаешь на переменах?

– Да, – испуганно ответила я.

– Так ты бегай, но только так, чтобы учительница не видела и чтобы не тебя не жаловалась!

Лідія Петрівна даже не вызвала родителей в школу, когда на уроке я подралась с одноклассником, он вскочил на парту и стал от меня убежать. Я – за ним, по партам. Как всегда, она только сделала замечание на тему, что «деякі тут, мабуть, втратили розум, краще йдіть на вулицю гасати» – и продолжала спокойно вести урок.

Отношение к украинскому языку у нас тогда было, как ко второстепенному предмету, может поэтому на ее уроках все расслаблялись. Как и все наши учителя, ей хотелось, чтобы мы что-то знали, поэтому она часто на уроках читала нам отрывки из произведений украинских авторов, иногда пересказывала, чтобы мы хоть что-то запомнили и усвоили. Она разрешала учить нам «нестандартные» стихотворения. Помню, когда мы проходили творчество Сосюры, в учебнике делали акцент на его патриотические произведения, которые казались мне несколько напыщенными и надуманными. Лідія Петрівна принесла в класс сборник его стихов и познакомила нас с его любовной лирикой и другими стихотворениями, после чего фамилия известного украинского поэта перестала вызывать у меня определенную

реакцию. Она расширяла наш кругозор, как могла, и по-настоящему учила нас любить «рідну мову та літературу».

Нет, наверное, ни одного человека, который бы не воспользовался ее добротой и сочувствием. Пусть долетит через годы наше запоздалое раскаяние и тепло, наша любовь и признательность к одной из самых восхитительных женщин!

У еще невозможно...

Хотела написать несколько слов о наших учителях, о времени, в котором мы жили, но, как всегда, больше получился рассказ о себе и о своих переживаниях. Но я очень надеюсь, что под каждым хорошим словом, которое мне хотелось сказать в адрес учителей, готовы подписаться почти все, кто их знал.

Лариса Радченко

Во время учебы проявлять доброжелательность к учителям в наше время было не принято – это называлось «подхалимаж» и не одобрялось большинством. После окончания тоже было как-то неудобно прийти к учителю с цветами или с подарком, – какие-то старые комплексы на тему «взяток» не позволяли мне этого сделать, да и время было такое, что найти денег на несколько букетов было сложно, а подарить кому-то одному – неправильно.

Мне очень хочется попросить прощения у всех своих учителей за те огорчения, которые мы им доставляли, за то, что ничем не можем отплатить им за их любовь и заботу.

Я уверена, что мне очень повезло с учителями, которые помимо знаний дарили нам свое тепло, любовь и доброту. И таких было большинство. Может, у кого-то с кем-то отношения не сложились, и люди, которым я многим обязана, вызывают у других учеников не очень приятные воспоминания, но я очень благодарна своим учителям за все. Если бы меня попросили составить список учителей в порядке значимости для меня, если бы попросили оценить их, я не смогла бы этого сделать.

Сейчас уже многих нет в живых, но их свет и тепло всегда с нами! Каждый вложил в нас часть своей души – и пусть эта линия никогда не прерывается!

Первый спектакль

Михаил Геккер,
выпуск 1980 г.

Мой рассказ конечно же будет связан со школой, но к учебному процессу он имеет весьма косвенное отношение. Итак, в 9-м или 10-м классе (учился я в 4-й школе только два года) к нам на практику пришла будущая преподавательница русского языка и литературы. Имея еще не расстранный энтузиазм она предложила сделать школьную постановку к новому

году. Мне стыдно, но кроме Саша Богданиса, игравшего главную роль (путешественника за чем-то жизненно необходимым именно под Новый год: Елка, Снегурочка или бутылка шампанского – нужно подчеркнуть) я никого не помню. Как и положено в такой истории, попадал он в разные страны. А мы – менее выдающиеся артисты – играли разножителей (слово мое, а не признаки утери Великого и Могучего). За отдаленное ли сходство или по вредности режиссера мне была поручена маленькая роль индийского йога. Слов и сюжета там было сами понимаете сколько, так что моя рассыпающаяся любовь к музе Мельпомене явно не была взаимной. Понятно, что я часто встревал в бурные споры с самой правильной, разумеется, точкой зрения. И вот в один из вечеров во время моего монолога Богданис сказал историческую фразу: «Геккер, не выйгивайся». Народ замер, а затем репетиция была прервана на продолжительное время, а термин «Выйгивание» крепко вошел в лексикон коллектива. Как всегда в таких мероприятиях, все делалось в последние дни, так что занятия перед зимними каникулами проходили в облегченном режиме. О самом спектакле сохранились очень отрывочные воспоминания, хотя успех был – я это помню. Меня одели в простыню и все время перед выходом на сцену я прижимался к батарее парового отопления. Отрывался только на выходы на сцену, где температура была градусов 15. Успеху спектакля сопутствовало и то, что иногда забывали или путали слова, добавляя смеха в постановку. Одним словом, только злоба завистников не позволила нашей группе стать вторыми «Таганкой» или «Современником». Но лично для меня этот спектакль остался одним из самых радостных событий в школьной жизни и привел меня в дальнейшем в театр «Политехник» ХПИ.

С 1980 по 1982 год директором школы был Николай Васильевич Андреев. Позже, он работал методистом в информационно-методическом центре Киевского района, был инспектором школ Киевского района, работал заместителем начальника управления образования Дзержинского районного совета.

А с 2002 года работает начальником управления образования Харьковского городского совета.

*Профессия –
любить детей*

«У каждого своя судьба и своя широкая дорога...»

Таки правду сказал классик – и про судьбу, и про дорогу. И кому же, как не ему, бывшему воспитаннику Харьковской школы-интерната № 7 Николаю Андрееву, знать, что это действительно так, что каждый создаёт собственную судьбу и идёт выбранной самим собой дорогой.

«Лучшие мои годы, – утверждает Николай Васильевич, – приходится на то время, когда я работал учителем, непосредственно общался с детьми. Я ощущал удовольствие, когда видел, что ученики понимают меня, любят тот предмет, который я преподаю, что я чем-то могу помочь им в этой жизни. Искренне радовался, когда у меня неплохо что-то получалось. Думаю, педагогам это чувство близко и понятно...»

Учитель и ученик. С тех пор, как существуют учебные заведения, именно от взаимоотношений этих двух действующих лиц зависит успех учебного процесса. Главное при этом – не забывать, что самым главным действующим лицом всё же является ученик, что школа создана для него. Таким образом, всё в школе должно быть подчинено созданию условий для обучения пытливого, неутомимого подрастающего поколения.

Даже имея энциклопедические знания по определённому предмету, владеец педагогического диплома не станет настоящим учителем, если не будет любить детей, если будет выполнять свои обязанности, как ремесленник, а не как творец, если, в конце концов, своё плохое настроение, вызванное бытовыми неприятностями, будет переносить на детей. А каждое действие, как известно, вызывает противодействие. А отсюда – негативное отношение ученика к учителю, а следовательно – к предмету, который он преподаёт. А это вредит воспитанию, обучению, тому важному делу, которому служит множество людей, которые по-настоящему любят свою профессию, которые

способны на протяжении многих лет думать прежде всего о своей работе, а уже потом о той скромной зарплате, какой, к сожалению, оценивается в нашем государстве их работа...

За время своей работы начальником управления образования Харьковского городского совета Николаю Васильевичу не раз приходилось слышать вопросы от людей, которые лишь изредка соприкасаются с воспитанием детей: «Нынешние дети лучше или хуже тех, которыми были дети несколько десятилетий тому назад?». Не лучше они, и не хуже! Как и вся наша жизнь. Нынешние дети осведомлённее, лучше информированы, более прагматичные, чем их ровесники шестидесятых–семидесятых годов прошлого века. Они быстрее приспосабливаются к условиям нынешней жизни, их труднее сбить с толку, во многих вопросах они более осведомлённые, чем взрослые.

«Наша профессия – любить детей», – говорит Николай Васильевич, – и уметь достойно преодолевать жизненно-профессиональные трудности. А их всегда хватало – и тогда, когда только начинал свою трудовую деятельность в школе № 62, и когда работал заместителем директора по учебно-воспитательной работе в школе № 4, а со временем возглавил эту школу; и во время работы методистом в информационно-методическом центре Киевского района, и когда инспектировал школы Киевского района, а со временем работал заместителем начальника управления образования Дзержинского районного совета. Хватает их и сейчас – на должности начальника управления образования Харьковского городского совета, которую Николай Васильевич занимает с августа 2002 года.

«Именно гуманизация образования, переход к педагогике толерантности дают нам, педагогам, возможность осуществления поворота к личности ребёнка, реальное, а не декларативное представление об ученике как субъекте самопознания и саморазвития, учёта актуальных и потенциальных возможностей развития личности, – сказал начальник управления образования Н.В. Андреев на августовской педагогической конференции. – В этом плане самоценной, самостоятельной профессиональной деятельностью для саморазвития ребёнка является педагогическая поддержка, главной функцией которой является стимулирование заинтересованного, активного отношения школьников к учебной работе, создания ситуации успешности, пробуждения веры в свои возможности.»

Исходя из этих жизненных позиций, Николай Васильевич много внимания уделяет созданию городской сети школ, благоприятствию здоровью, реализации программы «Одарённость» и усовершенствованию воспитательной системы на базе педагогической поддержки.

*Выдержки из статьи «Інформаційний вісник»
№ 10, Харків, 2004 рік*

*Первый раз
в первый класс**Леонид Коган,
выпуск 1982 г.*

Леонид Коган

Я очень хорошо помню этот день – 1-е сентября 1971 года. Родители надели мне белую рубашку, дали в руки букет цветов и повели в 17-ю школу, которая была видна из окон моей квартиры на 5-м этаже нашего старого, довоенного дома (впоследствии, 17-я школа, будучи расформированной, влилась в 4-ю школу).

Я волновался. Я чувствовал, что сегодня наступит новый и длинный этап в моей жизни. Радовался ли я? Думаю, нет. Волновался – да, а радости большой не испытывал. Когда подошли к школе, родители подвели меня к моему классу: дети уже начали потихоньку собираться. В какой-то момент мне показали высокую учительницу. Родители объяснили, что это моя классная руководительница.

Она как-то придерживала нас руками, пытаясь обхватить всех сразу, а мы, крохи, жались к её ногам, как жмутся слепые котята к матери, боясь оторваться, чтобы не потеряться в толпе. Это была **Людмила Васильевна Ямпольская**.

Прошло 38 лет, но эта картина, хоть и немного расплывчато, стоит перед глазами.

А потом был первый звонок, с позывными которого мы вошли в новую, школьную жизнь. Парадокс, но для Людмилы Васильевны этот первый звонок был тоже первым. Потому как она, молодая учительница, только что закончившая институт, принимала свой первый в жизни класс, и мы вместе с ней делали свои первые в школе шаги: мы – как ученики, Людмила Васильевна – как наша учительница.

Очень смутно, но я помню первый урок, первую переключку, первое знакомство, первую перемену. А потом были три года нашей общей жизни с 1-го по 3-й классы. Трудно в это поверить, это с трудом можно осознать, но сегодня многим нашим детям столько лет, сколько было тогда нашей первой учительнице. Мы потихоньку росли, и вместе с нами взрослела наша Людмила Васильевна.

Людмила Васильевна Ямпольская (Говардовская)

Должен отметить, что, мягко говоря, я никогда не был тихоней. Пожалуй даже, меня можно было назвать гиперактивным. Энергия, буквально, выплёскивалась из меня. Я с трудом дожидался перемены, чтобы, как вылетает птица из клетки, вылететь из класса и оторваться в коридорах школы по полной программе. Думаю, Людмиле Васильевне нелегко пришлось с нами. Таких гиперактивных, как я, или почти таких, как я, было несколько. Вместо того, чтобы отдыхать на перемене, Людмиле Васильевне постоянно приходилось разнимать и успокаивать нас, следить за нами, у неё не было ни одной свободной секунды спокойно вздохнуть и перевести дух. Это теперь я понимаю, что не давал ей ни минуты покоя, а тогда я носился по коридорам как ветер, ничего и никого не видя перед собой.

И только когда уже совсем от меня не было спасу, я слышал голос своей учительницы: «Коган, успокойся». Я оборачивался, и на меня смотрели умные, добрые и всё понимающие глаза. У меня, как и у любого ученика, в течении школьной жизни было много разных учителей, но никогда ни у одного из них не было таких умных, добрых и всё понимающих глаз.

А потом была поездка в Москву, где нас принимали в пионеры, и еженедельные экскурсии, и походы во Дворец пионеров, где мы посещали различные кружки.

А кто-нибудь помнит о том, что в Москве Людмиле Васильевне приходилось готовить нам еду, потому как кушать в столовых было очень дорого, неудобно и невкусно? Она была нам и учительницей, и другом, и мамой в одном лице.

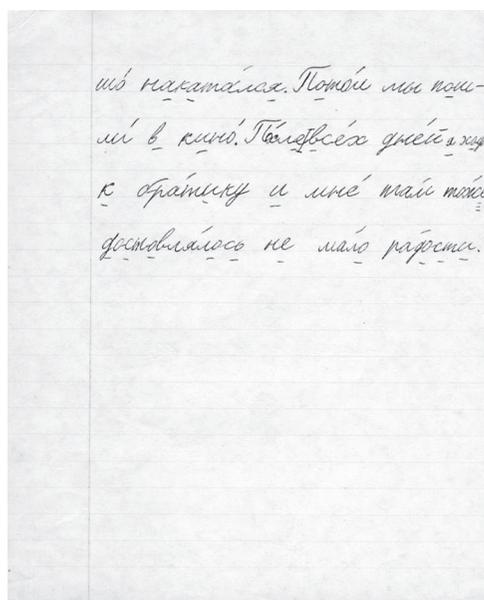
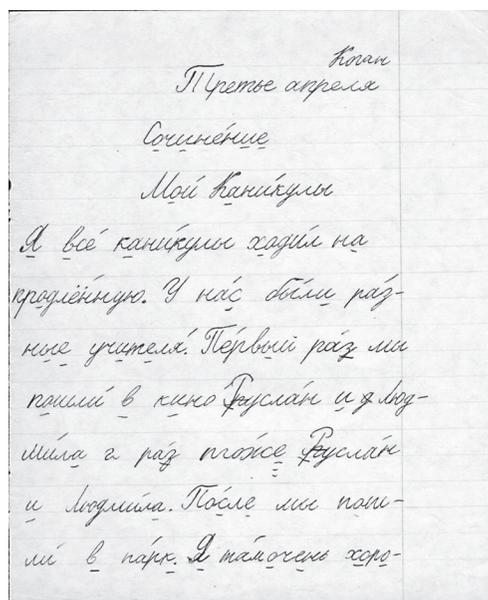
А ещё её полуулыбка.

Уже будучи у меня в гостях в Израиле, Людмила Васильевна улыбалась своей очаровательнейшей полуулыбкой. Я внимательно разглядывал её, наблюдал за ней, слушал её и балдел. Балдел от её голоса, от её слов, от её смеха, от её улыбки, от её манер.

Я не буду лукавить, если скажу, что все послешкольные годы в нашем доме с особенной теплотой звучало имя моей первой учительницы. Часто звучало. И тогда, когда уже мои дети пошли в школу, оно продолжало звучать. Родители мне часто рассказывали и напоминали о том, что могло стертиться из детской нецепкой памяти.

Внедавней переписке я спросил Людмилу Васильевну: «Как Вам удалось сохранить наши сочинения и контрольные, ведь прошло столько лет?».

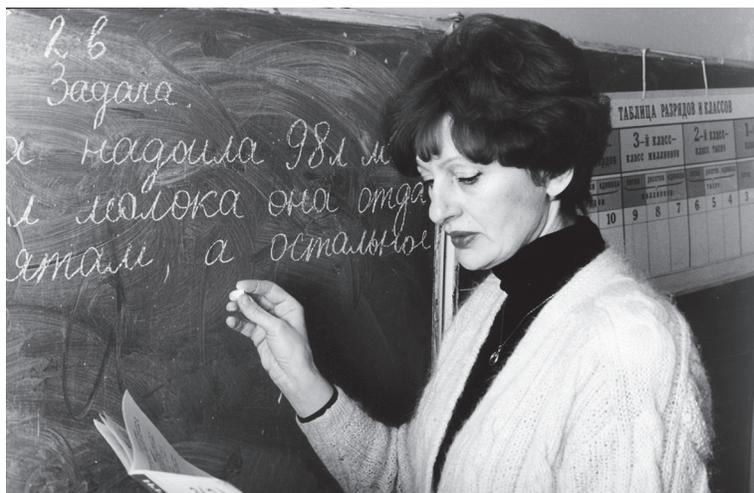
– Работы я хранила, т.к. это ваша жизнь и моя. А ваш класс я помню лучше, чем те, которые учила позже, потому что вы были самые первые! – ответила она.

Скажу честно, я не смог сдержать эмоций и мгновенно остро ощутил КОГО я любил с детства.

Безусловно, мы любили её, очень любили, несмотря на то, что детский ум тогда многого не понимал, несмотря на то, что мы тогда не были в состоянии оценить того, что наша Людмила Васильевна, наша первая учительница вкладывала в нас всю свою душу, отдавала нам всю свою любовь.

Это теперь, став взрослыми людьми, мы с благодарностью и с трепетом ощущаем в груди тепло, которое вложила в нас Людмила Васильевна, подарив каждому из нас кусочек своего огромного, горячего сердца!!!

Людмила Васильевна Ямпольская (Говардовская)

Незабываемый случай в Москве с классом Людмилы Васильевны

В 1973-м году два класса, в которых классными руководителями были **Ямпольская Людмила Васильевна** и **Ирина Вячеславовна**, повезли в Москву. Это была не просто экскурсионная поездка. В Москве нас должны были принимать в пионеры. Этой чести мы удостоились, как одни из лучших классов города. Мне трудно сказать, так ли это было на самом деле, но формулировка была такая. Но совершенно неважно, были ли в Харькове классы лучше наших или нет, а главное – это то, что нам тогда был сделан колоссальный подарок. Ведь в то время это было крайне почётно. Мы долго готовились к этому событию, старались соответствовать и своим поведением, и успеваемостью.

Мне, как одному из самых «достойных», был дан Людмилой Васильевной испытательный срок длиной в месяц для того, чтобы я подтянул учёбу и поведение, которое особенно хромало. Я старался изо всех сил. Вёл себя исключительно хорошо и прилежно учился, из кожи лез, чтобы стать достойным и заслужить право на поездку в Москву вместе со всеми.

Чего мне это стоило, конечно, знаю лишь я один. Организм сопротивлялся, энергию нечем было затушить, мучения были невыносимые, но я держался, как мог, превозмогал самого себя, свою бешеную физиологию, и... выдержал. Не могу забыть взгляда Людмилы Васильевны, внимательно следившей за мной своими умными глазами, когда я прилежно сидел за пар-

той, как ангелочек, сложив ручки, как я тихо стоял на переенках, боясь шевельнуться, чтобы случайно не соблазниться врезать кому-нибудь, пробегающему мимо меня. В конце концов, я был вознаграждён за терпение, за усилия над собой. Меня взяли в Москву!!! Я еду со своим классом!!! Ура!!!

Мне трудно сказать, пожалела ли Людмила Васильевна, что всё-таки решилась на такой рискованный шаг, но в Москве я, к своему стыду, её надежд не оправдал.

Я уже не помню всех подробностей нашего там пребывания, постепенно всё стёрлось из детской памяти, но два эпизода с моим участием запечатлелись в моей голове навечно.

Принятие в пионеры, Москва, 1973 г.

Назавтра нас должны были везти в музей Ленина, где и состоялось принятие в пионеры, а мой неуёмный темперамент толкает меня и ещё нескольких мальчиков, точно не помню имён, на безумный шаг. Ночью мы натягиваем на себя простыни, запасаемся тюбиками с зубной пастой и, как заправские разведчики, делаем вылазку и пробираемся в палату, где спали девочки.

Подробностей вылазки не помню. Помню только, что поднялся жуткий визг и крик, когда нас обнаружили. Я очень растерялся, не успел ретироваться с поля боя и был пойман преподавателями. Тут же ночью была создана комиссия из учителей и сопровождающих нас старшекласниц и учинён допрос с пристрастием.

Боже, как я плакал, ведь завтра утром мы должны ехать в музей Ленина. Что творилось у меня в душе. От стыда, страха и обиды на самого себя я готов был провалиться под землю. Естественно, никого из своих соучастников я не выдал. Я умолял простить меня, я прижимал руки к сердцу и, видимо, моё раскаяние было настолько жалким и искренним, что Людмила Васильевна, а она была старшей преподавательницей, просто сжалилась надо мной. Она, как умнейший и добрейший человек, не захотела наносить травму моему детскому сердцу, хотя я, безусловно, заслуживал самого сурового наказания. Я был прощён с условием, что понесу наказание по возвращению в Харьков.

Приём в пионеры прошёл торжественно, хотя каких-то особых подробностей я уже не помню.

А буквально на следующий день у нас был запланирован поход в Мавзолей вождя.

Зима тогда была очень суровой, холод был жуткий, не меньше 20-ти градусов мороза, а очереди из тысячной толпы желающих попасть в Мавзолей, растягивались на всю Красную площадь и даже выползали за её пределы. Не помню, сколько времени мы протоптались в очереди на морозе, но не менее 2–3-х часов. Терпение потихоньку покидало нас, да и холод вносил свой негатив. Вдруг, как-то спонтанно несколько мальчиков, в числе которых, естественно, был и я, понеслись вперёд, побежали, огибая всю толпу, к входу в Мавзолей. Остальные, включая девочек инстинктивно рванулись за нами, увлекая и наших учителей. Мы создали пробку у входа. Нас задержала охрана. Старший спросил, откуда мы взялись. А мы ответили: «Пропустите нас, пожалуйста, мы пионеры и очень замёрзли, нам очень холодно». И тогда в толпе пронеслось: «Пропустите детей, пропустите детей, пусть не мёрзнут».

И нас пропустили. Через несколько минут мы прошли сквозь Мавзолей и вышли на улицу.

*Записки
Дилетанта**

Илья Стариков,
выпуск 83 г.

Илья Стариков

*Курилка
на кулаках*

В пятом классе моего бытия в школе номер семнадцать имени А.П. Чехова произошло великое переселение народов. Видимо в районном подотделе комсомола посчитали, что число евреев и сочувствующих в оной школе имени печального классика, превышало все допустимые нормы на туловище населения... Готовить кадры

для враждебной Золотой Мейер никто не собирался, и школу решили расформировать со всеми потрохами. В этот ливер вошли ученики, даже приезжающие с Салтовки – за углублённой математикой, невесть зачем понадобившейся детям с далёких окраин Харькова-городка, потом шли учителя, и затем шёл наш завхоз – со всей материальной базой обширного школьного хозяйства... Школу положили на грузовики, ЗИЛа в основном, но была и парочка ГАЗ 66 с солдатами под брезентом, помогавшими грузить микроскопы и химические реагенты, горы учебников и матрасик завхоза из флигелька слева. Водрузив школу на самосвалы – тронулись в путь. Каштаны и акации решили не выкорчёвывать – пушай зеленеют, тем более к упомянутой национальности деревья не имели ни малейшего отношения – не упрекать же их, что они подло предоставляли тень в знойные вёсны носатым или веснушечным чадам, с умненькими глазёнками и дугами изогнутыми порослями бровей, гацающих и шныряющих на коротких переменках без устали, и ещё не подозревающих о своей трагической наследственности. Нет, деревья вовсе не причастны к этим судьбам, стрелами разлетевшимся далеко за пределы тогдашнего зыбкого и крепкого Союза...

Сорок лет решили по пустырям харьковской области не водить взбалмошенных обитателей предательской и очень подозрительной школы, а живенько раскидать по месту прописки родителей. Нет, русские или советские дети тоже учились в этой школе, и даже не выглядели бельмом на глазу

* Стилистика и фантазии автора сохранены.

сионизма, но это скорее было исключение из правил, нежели обыденность... Не знаю, куда причислить себя со своей еврейской бабушкой – изрядной картёжницей и тайной сердцеедкой, но упорной домохозяйкой – я помню этих фаршированных карпов в заливном бурячке, с кружками моркови и дольками дефицитного лимона, я знаю этот фаршмак. Я был где-то как фаршмак в советском общепите – такой свой среди чужих – с чёрной копной волос, но синими глазами (у братьев зелёные и коричневые) с ещё не оформившимся и породисто не изогнувшимся носом, с отморозенным темпераментом, вихрем носившем и, к слову, выносившем меня из всех историй и проказ...

Я перешёл в четвёртую школу – на Лермонтовке, доселе известной мне лишь клубом пионэров – в подвальчике по левой стороне в самом начале улицы, где мы порой досужничали, режась в пинг-понг или настольный хоккей, а также молочным и овощным магазинами, и ещё не раз выручавшим, во времена всеобщего равенства – приемным пунктом стеклотары с пьяненькими, наглогато-хамлеменькими, неопрятными и странно пахнущими приёмщицами – не всегда работающими в обозначенное на клочке замызанной бумаги время, но всегда одеты в засаленный свитерок неопознанного цвета и порванный ватничек – спецодежда на зиму и лето. Бывало, пацаном, дотянешь две авоськи молочных бутылок и майонезных баночек до дощатой стены стеклоприёмника, уставленной проволочными ящичками, запыхавшийся остановишься передохнуть и потеряешь сине-зелёные занемевшие от косичкой сплетенной авосечной ручки пальцы... Вытрешь со лба пот и заметишь на двери листик в клеточку с неуравновешенным заявлением «Переучёт!»... И тащить обратно обрыдлие бутылки, задевающие за дыры в заборах самого короткого пути и переливающиеся звоном на всю Дерибассовскую. Выгода была лишь одна – тощая выгода, и не девяносто восемь копеек, как вы подумали, – а ещё раз не увидеть эту толстую тётку с беломориной в зубах, с красненькими, насмешливыми глазами, увенчанными толстослойными и многонедельными синими кокетливыми «тенями» и нетвёрдыми чёрточками чёрных бэмби-оленёчных стрелок, с прядями седеющих всключенных волос, выбивающихся из под растянутого махерового беретика – небесно голубой самопальной раскраски, с вкраплениями соломинок и грязных стружек.

Молочный – с нехитрым и незатейливым набором: молоко, маргарин, майонез, иногда с очередью масло полуметровым кубом, некий неясного происхождения жир, очень смахивающий на солидол для смазки колёс локомотивов, может, творог в железном эмалированном корыте и что-то сухое, для детского питания – в застеклённых витринах и сиянии возвышающегося белого колпака продавщицы...

Работницы овощного, где запах гниловатой жиденькой картошки перебивался запахом кислых бочковых огурцов, были словно сёстрами-

двойняшками приёмщиц стеклотары, копошились на задних дворах магазина, что-то принимая или отпуская, в полумраке, и это несмотря на гигантские немые окна. Тусклый свет дневных ламп, с характерным жужжанием лился сквозь фотографии изобилия.

Имея заветные тридцать семь копеек, можно было заметно прикупиться, зайдя после школы в обозначенные магазины...

Итак, большая четвёртая школа, перед ней курилка – о здоровье детей уже тогда усердно заботились... После неё спортплощадка... Ещё дальше, вниз по Лермонтовке – увы, не в честь Михаила Юрьевича*, а во имя купца-однофамильца, владевшего улицей в прошлом (теперь уже позапрошлом) веке, впрочем, и родная Чайковская – не к чести композитора... (Так вот, как всегда складывается – материальная культура бьёт по всем статьям культуру искусственную...) Не забыл, ещё дальше стояла незаметная пятиэтажная постройка жилого типа, некрашеного тяжёлого цемента снаружи, послекультового возведения. Внутри, к удивлению, жили люди – граждане свободного государства, и к одной такой гражданке преклонного возраста мы даже были как-то прикреплены по линии тимуровской помощи – в пропахшей карболкой и каплями для сердца гостиной с россыпями валидола и пустых валокординовых пузырьков по углам и запахом долгой и тяжёлой жизни, мы, зажмурив носы пытались навести порядок, чего-то помыть, расставить старые кресла в уютном приближении к столу, отскрести огромное чернильное пятно на полу и смести в кучу помёт четырнадцати кошек, проживающих вместе с бабушкой с её тёмными грустными глазами, не раз называемыми пол века назад «Очи чёрные!»... Пару раз я с какой-либо девчонкой из класса выполнял это общественное задание, было тяжело и больно, о старости тогда вообще задумываться не хотелось, и казалось, что это данность: то есть одни люди рождаются молодыми, другие старыми... Причём позднее к этому же самому выводу я пришёл, но уже другими путями... («Блажен – кто с молодю был молод» А.С. Пушкин).

Потом вдруг пионерская энергия была направлена на сбор металлолома, и темная квартира, с её обитательницами забылась, как быстро забывается всё в детстве... Но эти Тимуровские посещения были намного позже – мы же остановились на шумном подселении педсостава и молодой школьной шпаны – в лоно гостеприимной четвёрочки...

Как-то не очень на первых порах мне понравилось это слияние – параллельные классы были более злобные, более задиристые, менее жалостливые и, к тому же, они чувствовали себя не чужаками в «своей» тарелке, в своей школе... Как и стоило ожидать, начались задиры и разборки, типа «пойдём в туалет разберёмся?». Наши учителя тоже были пришлыми, и пока осваива-

---

* В тексте – неподтвержденное мнение автора.

лись, разбирались с ситуацией, и кто как мог защищали своих подопечных, но на птичьих правах и исключительно по личной инициативе.

Так, пару недель звонок прерывал дела, едва не доходившие до драки – всё как у зверушек – ареал проживания – и ретивые заводилы и лидеры группировок расходились по разным классным залам, с выпяченными петушиными грудями, поплёвываниями в угол, по-обезьяньи расслабленными руками и обещаниями на большой перемене «урить» обидчиков... Ну, треснешь, случалось, противника по голове портфелем с учебниками географии и русского, плюс небольшой мешок со сменкой – так, детские шалости...

Через пару недель угрозы достигли своего совершенства и неумалимого зловства – уже в открытую рубили матом – кучковались по пять человек и пытались идти стенка на стенку...

И действительно, раз прорвало: и человек десять из класса «Б» понесли меня, как самого наглого, в курилку, из наших в этот дворик за школьным забором рискнули пойти лишь пару человек... Самым подлым саявкой из «Б» был некий Вовец, он уже тогда носил уркогановскую кепку и курил в открытку. Но он, как вожак, не спешил лезть в драку, хватало лбов и повыше, и рук помасластее – выбор пал на Фатеева – Фотика – крепкого паренька, но без бесстрашия смерти...

Мы, как Кочубей и Пересвет, должны были сразиться в кулачном поединке на Куликовом поле в курилке...

Ожидание драки – страшнее самой драки: я весь кипел, сжимая двенадцатилетние кулаки, слегка шатало, ноги не слушались, и вообще всё воспринималось как-то отстранённо, как будто происходило не со мною... Какие-то крики, какие-то маты, подзуживания, издёвки – всё ненастоящее, как в кошмарном сне вот-вот на грани пробуждения... И пробуждение не заставило себя долго ждать – невидимый гонг возвестил о начале боя. Во мне как нажали выключатель оцепенения – всё стало ясным, чётким, понятным и до предела простым – нет никакой школы и приклатнённого скопища за спиной, нет страха смерти – потому что вот она – жизнь. Один на один, до отвращения честно – ты и твоя сила, твоя упругость неразвитых мышц, твоя реакция и злоба, нет больше тяжести сдавленных обид и сглатывания оскорблений... Мотивов жить у меня было побольше, чем у моего визави, и я ринулся в нападение, странное и неожиданное для него, ведь Фотик чувствовал поддержку своей компании... Запросто уйдя от двух тяжеловато-ленивых ударов в челюсть, справа и слева – наверное, коронный трюк пацана, я повесил ему зримый фонарь под левым глазом. Принял чирканувший удар в живот, слегка обожгло, но тренированный забором пресс сработал мгновенно – и валяться без воздуха в груди не пришлось... Разбежались, похороводили кругами... Фотик неуклюже задрал ногу – а-ля каратэ – работал на публику... Пока он приставлял ногу обратно, выходя из воздушного пистолетика – я умудрился подскокить и хряснуть

ещё с двух рук в скуластое лицо. Зазеленели ещё две отметины около глаз, недоумение с некоторым раздражением отразились на бравом лице, он всей тушей двинулся на меня, попав кулаками в предплечье и несильно в нос. Кровь не хлынула, испортив синюю форму, и это был знак. Меня как разорвало – руки стали работать не опускаясь для отдыха, ноги поддерживали кривую ударов, плечи скручивались тугой тетивой. Посыпались яростные и точные удары, на которые, опустивший уже руки Фотик не отвечал, он стал грушей, висевшей в полумраке спортивного зала и лишь отступал под натиском ударов. Я работал, как молотилка – вкладывая душу и злобу в каждый размах, остановить меня не удалось бы и троим, такой силы кураж я схватил. Не знаю точно, сколько длилось это избиение, но когда добрая дюжина рук навалилась на разгорячённого меня и всё же оттащила от Фатеева – его лицо было бугристым и не симметричным, с косыми потёками крови на уголках губ и ничего уже не выражающими глазами... Его уволокли в медпункт. Я стоял со сбитыми костяшками пальцев, бешено тархтевшим сердцем и пониманием, что это победа – такого в жизни кристального понимания победы доводится испытывать не часто. Сявки зырили с уважением, Вовец пожал руку и пообещал схлестнуться намеренно, но не хамски, а как со своим.

Класс по инерции трогали для остротки ещё несколько дней, но не сильно и без лютости. Фотика мама хотела подать на меня в суд, но дело замяли – у сына были сомнительные характеристики... Он расхаживал, как герой, синее лицом и производя на девочек неизгладимое впечатление несколькими швами у глаза, где зелёночные, суровые нитки в конце раны были завязаны двумя узлами. Поговаривали, что у меня был с собой каскет, трудновато было вообразить, что всё это месиво было сделано голыми руками.

Строгость и нежность взгляда из-под сложенных очков

Софья Феликсовна – учительница Ангельского языка, увы не литературы – Шекспиров мы не проходили, что больше отразилось на нас, нежели на английском классике. Хотя нет, на русском я его пробовал читать, классе в четвёртом. Взял в библиотеке то ли «Генриха шестого», то ли «Короля Лир» – выбор был сделан неловко, не вняв ни одному многотишью, что очевидно для такого возраста – не вундеркинды всё же – я вернул свой выбор обратно заспанной тётке, в пыльную районную библиотечку – да и соседских парней, звавших играть в квача, такие занудные расклады не воодушевляли... Может случайность подкинула сложное чтиво, может тётка спросонья не посоветовала Ромэо с Джульеттой полистать, только с Шекспиром было покончено раз и навсегда.

Софья Феликсовна Волынская,
Лагутина

Шекспир стал мёртвым чёрным столбиком слов на пожелтевшей бумаге в карманной книжонке со стрёпаным марлевым корешком, в коленкоровой с разводами под гранит, третий раз сменной обложке...

Так вот, восхитительная Софья Феликсовна вела у нас уроки класса этак с третьего небезызвестной семнадцатой школы, затем с педсоставом эмигрировала в четвёрочку. Незабвенная Софья Феликсовна – со скромной кофточкой алого цвета, с причёской, которую я не встречал ни разу после – ну что-то грациозное от Кабарэшной Лайзы в смешении с Пикассовской «Любительницей абсента» – на-

питочка изумрудного цвета, развивавшего быстрое привыкание и богемно цедимого через раскалённый сахар. Необыкновенная Софья Феликсовна вызвала такое же завораживающее привыкание, как и зелёный абсент, растворённый в цвете её необычайных глаз...

Незнакомые слова, сказанные грудным, мягким и слегка томным голосом этой лэди ложились на детские сердца с материнской нежностью и запоминались сами по себе – как хранит память пуговички её ярких бордовых серёжек, в виде клубочков или же инь-яней, но нам, дворовым ребятам, напоминавшим кожаные футбольные мячи, старые мячи – не с чёрно-белыми пятиугольниками за безумные двадцать один рубль, а скроенные из чередующихся по три полосы кожаных кусков и резиновым ниппелем под шнуровкой, где-то за двенадцать сорок...

Благославенная Софья Феликсовна, чопорная и аккуратная в проверке домашних заданий – чувственно прекрасная в своей притязательной требовательности и неравномерной пристрастности к своим «любимчикам»... Я чувствовал, что меня занесли в эти невидимые списки, и что снисхождение божественной Софьи Феликсовны не позволит притащить домой в дневнике двойку, тем самым заставить отца к принятию серьёзных, ременных мер по усвоению иного и странного...

– Какой же ты БИЗДЕЛЬНИК!!! – восклицала удивительная учительница, старательно рисуя трёшник в графе успеваемости...

– Стариков! Ведь у тебя такое произношение, а ты форменный РАЗГИЛЬ-ДЯЙ!!! – и ещё одна тройка украшала мой потрепанный дневничок...

Пристрастия к другим членам нашей небольшой семьи, сидевшей за дырчатými перегородками класса могли выражаться и в особой требовательности, и в излишнем попустительстве – как бы сказали в научных кругах – тонкий дефференцированный подход. Но мы это просто обожали...

Она была уже не молода, но этого не было заметно. Это не бросалось в глаза, это не приходило в голову... Софья Феликсовна органично чувствовала высоту своего возраста... И хотя прошло восемь лет от робких «тэйбл» до выдержек из коммунистической «морнинг стар», и мы из большеголовых (головастиков) третьеклашек стали своенравными молодыми людьми – неповторимая Софья Феликсовна ничуть не изменилась – всё та же коричнево-чёрная ощутимая линия с загнутым по уголкам «хвостиком» поверх век, оранжево-красные очертания губ, всё та же вязанная, но подчёркивающая женственность пурпурная блуза, всё тот же материнский, едва строгий взгляд – сквозь сложенные дужками вперёд очками – на журнал – и поверх них же на тебя... Не помнится, чтобы она хоть раз одела очки так, как они были задуманы, как это принято... По-видимому – она думала, что это её тяжелит и старит – это правда, в то время делали паршивые очки – но надеюсь, наша пронзительная любовь к языку и его проводнику – к нам, сглаживала нелюбимые дамами линии, под невероятной черной чёлкой до бровей...

Зацепиться за мысль в жизни мне было всегда не по душе – ведь жизнь интереснее любой мысли – даже выстраданной в голове немолодого скептика... Такой гулякой по жизни – тогда ещё по школьной, я шлялся – весело и бестолково, не подозревая, что у жизни могут быть цели, не совместимые с гуляньями и вполне совместимые с усердием в изучении тайн конструкции наречий англо-саксов. Паст индэфинит тенс, паст пёрфект – загадочными, увесистыми заклинаниями проплывали мимо ушей и смогом с берегов Темзы туманили сознание в своей беспомощности перед мощью и величием лидера мирового общения. Мы ещё не знали, как его коверкают американские фермеры и восточногерманские служащие, итальянские туристы и японские томмогочи – что два десятка слов до Киева не доведёт, а до Ливерпуля – пожалыста... Практически достаточно: «Вэр из зэ Биттлз хом?», – то есть краткость – сестра туриста...

В своих тетрадах на изнанке знаний я рисовал многих педагогов. Ручкою на клетки листа. Кое-кто получался, некоторые не очень. Софья Феликсовна не вышла ни разу... Ухватить тонкую гармонию её стиля было неподвластно ручке и тетрадочному листу... Она была живописна, по своей природе. Холст должен был принимать пятна её одежды и холод волос, бархатистость щёк

и зелень глаз, блики на дужках очков и искреннюю прозрачность зеленоватого от глаз стекла... Кружочки серёжек и алость губ, цвет помады которых в точности ложился на тона блузки и пятаки серег, разбрызгивая свет от оных окрашивал скулы и подбородок румяными тенями...

Мне не хватало чуточку усидчивости, слишком абстрактно и расплывчато виделась польза от изучения инглиша в те времена. Сейчас кажется, вывези группу на месяцок до берегов Британи – все бы зачирикали, ну просто соловьями запели бы. А так, ради самоощущения образовенькими – да чепухой была вся эта химера... То ли дело – плаванье: вода – она шутить не любит. Внезапно языковые познания перескочили меня и приютились в сыне – воплотились через поколение... Я и заглавий тех книг, что он постигает – не прочту без словаря... Правда глубина его русского меня откровенно пугает, или неужто чтоб слышать Владимира Семёновича нужно заново родиться в шестидесятых? Ну, это, думаю, дань моей безликости и лени...

Илья Стариков с другом

Вспоминаю трюк, придуманный мною в конце шестого класса. У нас было внеклассное чтение, и три тысячи латинских символов мы должны были пропустить сквозь себя – и что-то получить на выходе. В этом чём-то, подразумевалось, мы свободно плавали и ныряли и отвечали на всяческие наводящие и каверзные вопросы. Прикинув, что эта пытка продлится ещё несколько лет, я купил книжонку за десятый, тогда это был выпускной класс и решил схитрить – ну в крайнем случае я приземлюсь на ласковую милость Софьи Феликсовны, и наказание не будет жёстким и окончательным... Потратив два дня, я штудировал текст про Энн в Лондоне – это одиночество молодой особы в пустых и холодных мебелированных квартирах, эти поиски ра-

боты в закусных и офисах, эти друзья с южными мусульманскими акцентами, это скомканные на ладони последние купюры с жалкой россыпью пенни и пфенингов – это мечта, это приподнятый занавес изнанки Жизни – Большой Город, дающий грандиозные возможности в создании и разрушении Судьбы... Обыкновенная хрень про звериный оскал капитализма. Впрочем, дальнейшего развития пресной Энниной жизни я не знаю, ведь по истечению заветного количества символов моё рвение иссякло. Бедная Энн, до сих пор мается в этих жестоких рамках моего школьного невежес-

тва. Может от этого и не сложилась её истинная – книжная судьба? Фишка моего злодейства была в чём – несколько лет подряд до окончания трёхэтажной школы, я сдавал несчастную Энн в Лондоне... Каждый год одно и тоже... Я страшно волновался, что буду раскушен, но лень и хитрость брали верх. Волшебная Софья Феликсовна, заглядывала на последнюю страничку, видела рекомендацию для чтения в десятых классах и спокойно предлагала – «Начинайте, Стариков...». Глыба тяжкого преступления давила на мою совесть и я запыхавшимся языком, мямля и заикаясь, начинал долгую песнь про девушку Энн, и её хрупкую, чувствительную натуру, попавшую в цепкие лапы столичного чистогана и наживы, спартански превосмогающей, ценой молодости и здоровья невзгоды и ошибки, и в общем-то не стремящейся вверх по чугунной пожарной лестнице к социальному раю по одной простой причине – рай остался в её захалустьи, с её мамой и братьями, с этим видом на костёл, с синей облупленной краской, выкрашенной дверью, и почему-то синим же массивным колоколом над этой дверью, с этими темного кирпича унылыми стенами и кирпичными же щёками рыжих соседей – и только добрый Биг Бэн отбивал свой малиновый звон, истово отсчитывая, словно слюнявя, робкие худые минуты, увесистые но быстрые часы, тяжеловесные пасмурные дни и длинные нетерпеливые зимние месяцы, лениво перетекающие в неторопливые бокастые года...

Все наводящие на грусть вопросы расчувствовавшейся Софьи Феликсовны сводились к уточнению деталей и живости городского и пригородного ландшафтов, обозначенных автором. Заученный текст срабатывал и единственная пятёрка в троешном полугодии, недостойно украшала журнал.

– Ведь можешь, если постараться, – подбадривала упоительная учительница. И горькая радость вскипала в груди с надеждой оправдывать и впредь доверие, незаслуженно мне оказываемое. Но тут же находилась целая масса дел, в первоочерёдности которых нельзя было усомниться – и углубление английского языка откладывалось невспаханной целиной на дальнюю запылённую, захламленную полку.

Наверно, добрейшая учительница со второго раза раскусила мою лукавую подмену, но доброе сердце и трогательная жизненная история не давали ей достаточно смелости в острастке и уничтожении нерадивого школяра, и тем самым в искажении ещё не начавшейся, не выдуманной истории. Спасибо, дорогая, спасибо, волшебная...

Искусство жизни не ставило перед собою бытовых таргетов, потому что в искусстве вообще нет направленностей, в нём есть кровь, есть прозрение – в нём толпятся чувства – и на какой мове перекликаются эти чувства, не всё ли равно? Какие порывы сдувают ветры времени с костров воспитания, и встревоженный пепел оседает на туманности ещё теплящейся личности... О, это еле заметное тление, драгоценная искорка, – оно может погаснуть и в ясную погоду... От нехватки воздуха... А может разгореться и в ураган,

сметающий всё на своём разудалом, разгульном празднике... Случается и бурям приносить пользу...

Всё, что давалось легко, – давалось весело, – остальное першило костью в горле... Забылись скользкие скитания по неведомому синтаксису – сам синтаксис превратился во что-то греческое: «Стикс, сфинкс, синтетика, такси» – а священная, обворожительная Софья Феликсовна, в чёрном ореоле своих волос, с внимательно и проникновенно поднятыми над скрещением очков глазами, изучающими класс – так и смотрит на нас из восьмидесятых. И от этого взгляда уже никуда не деться...

Мы и по сей день ослеплены Величием и любовью благославенной Лэди... Итс Рилли Тру!

Милейший Ефим Моисеевич

Ефим Моисеевич Квичко

Не помню, с какого класса у нас была физика – думаю, с шестого-седьмого. Серьезный, обставленный современной техникой, включая сложный проектор с киноштурковинами, кабинет физики, лоснящиеся поверхности ламинатовых столов и шкафов, кафедра преподавателя, подсобка – атрибутика технологичных наукоёмких дисциплин. И добрейший **Ефим Моисеевич**, хозяин этого добра, мягчайший и достойнейший человек, педагог высокого класса,

обитал рядом со столовкой на третьем этаже. Было очень удобно: кончился урок – и ты бежишь занимать очередь за слойкой и молоком, при условии наличия двадцати копеек, конечно же. Алик Замалин, в мешковатой синей форме с затёртыми краями рукавов, мастерски гримасничал, изображая близорукость учителя, ловко качал головой, в недоумении пожимал плечами, щурил щёлки глаз, разводил руки, сгибая в локтях, и открытыми ладонями резал воздух. Очень похоже – чересчур точно. Как бы говоря: «Ну что же, милые детишки, вы от меня хотите? Кроме физики, разумеется, – их есть у меня...». Не многие хотели физики, мне лично было интересно, ну хотя бы за счёт министерства образования утешить своё любопытство и любознательность. Что же происходит внутри призмы, разбивающей свет на

радугу? Об чём сообщают эти сообщающиеся сосуды? И об чём они непременно умалчивают? С какой частотой гудит-пищит комар?

Потом шла тема «электричество», доносимая до наших запоздалых мозгов изысканейшим из серьёзных Ефимом Моисеевичем, а он мог стать внезапно требовательным и серьёзным, если мы, неучи, подымали руку на Физику. Где-то что-то искрилось, диоды бросались навстречу электронам, хотя, может, наоборот – катоды бросались. Радио разговаривало, и несло чушь, но это уже не входило в прерогативу науки. Фима излагал, мы усваивали, еврейские учёные, отсидевшие при Хозяине, издавали всё новые пособия и разжёвывали строение Лазера (не короткое ли от Лазарь Львович?) будущим работникам комсомола и организаторам ваучерной приватизации. Мой дед, кстати, тоже был физиком – по очень низеньким температурам, видимо занимался рефрижераторами – но это было далеко в Донецке, там действительно климат теплее и гаже, и, наверное, проблемы нехватки холода актуальнее, чем в Красноярске. Когда я лезу в холодильник за йогуртом или гранатовым соусом Наршарабом, я с гордостью всегда думаю о деде. Да и мне самому случилось в жизни пойти по стопам предка и провести два года (или два с половиной) в мифических институтских стенах, недалеко от ядерного реактора, родившегося со мной в один день, о чём свидетельствовала табличка на входе в мрачное здание, служившее ему и домом и роддомом. Несмотря на отсутствие московской прописки я ушёл из армии в заведение, содержащееся аж двумя министерствами: очень средненького машиностроения (это ядрёные бомбочки где делали) и оборонка в то времечко ещё живенького СССР. Но тягу к механике сохранил: теперь я без труда могу поменять колпачок ниппеля на своём вездеходе на жвачку, например. Только не говорите об этом Ефим Моисеевичу.

Скорость обучения физике у талантливого педагога была удивительной – даже посчитать её можно: берём интервал от шестого до десятого класса и делим его на количество лет, просиженных в каждом классе, – выходит очень быстрое усвоение, и заметьте – без заворота мозгов.

Надо отметить отсутствие злобы и злопамятности у Нежнейшего учителя, иначе как бы я позволил себе эти наглые и хамские строки изваять? Не знаю, любили ли мы больше Ефим Моисеевича, с роскошной эйнштейновской шевелюрой, или его уроки, полные красоты и мудрости.

Наверное, это неразделимо. Как и нашу любовь к учителям сложно разложить на частицы – хотя бы элементарные.

Да, ещё не весёлое, но характерное воспоминание этого времени: смерть Леонида Ильича, точнее его похороны, мы наблюдали в прямом эфире из кабинета физики – одного из немногих мест в школе, где находился телевизор.

Простите, Дражайший педагог, что не пришлось оправдать ваши надежды, может, протяни Союз ещё десяток лет, и я бы сейчас учил деток в родном Харькове...

Лідія Петрівна

Очень хорошая учительница української мови та й літератури – **Лідія Петрівна**. Первое познание чего-то не городского, чего-то настоящего. Роскошная украинская женщина – во всей своей гоголевской красе: необъятный стан, плавно переходящий в величественный бюст...

Лідія Петрівна Олійник, 1975 г.

Глаза Лідії Петрівни излучали волю и силу. Иногда лукавая смешинка стремглав пробегала в лучиках молодых и свежих морщин, заигрывая со стёклами роговых очков и возвращалась в твёрдую сталь серьёзного и непоколебимого достоинства... Сами руки отличались простотой и чувствовались прежние, не связанные со школой трудовые годы. Порой казалось, что отвечая на дерзкие проказы, переполнявшие наши разгорячённые словесностью головы, Лідія Петрівна способна по-деревенски развернуться и отвесить такую затрепину, на которую сил хватило бы отнюдь не каждому, делающему зарядку по утрам папе... И хулиганистые бездельники, зная это, присыпали своё хамство – слащавой уважительностью... Казалось, она могла расхохотаться или запеть вголос – по-бабы – практически в любой момент – она была, как стихия, – непредсказуема. Её голос был зычен и зрим... Она была, как целина – исполненная спокойствия и великолепия. Чего нельзя сказать об классиках украинской литературы – в которой, кроме Тараса Григоровыча Шевченко – нет и не было, до последнего времени, пока Пятница не спела «Немає куль, комбат» и «я ж тобі зиграю,

на волторни, або може на труби», ни одного пристойного произведения... Кстати, Тарасу Шевченко – русский, заметьте, царь запрещал писать и рисовать, сослав его на Каспий в солончаки, так тот мастерил кисточки из ресничек птиц и тёр акварель из каракатиц, ракушек и другой фауны степей... И помимо Тарасбульбовского размаха Личности обладал невероятными талантами – вылитый Леонардо – только сгубили Глыбу в сорок с небольшим...

Притчей во языцах была удивительная коса Лідії Петрівни – и мы не будем вдаваться в природу этого чуда света – я нисколько бы не удивился распусти она волосы до пола – хотелось бы отметить лишь, что нынешняя политическая дива – должна платить проценты за патент или за явный плагиат нашей любимой учительнице... О, эти коричневые домотканые платья, зимними вечерами тканые под Полтавой. О, эти черевички, не носимые ни одной царицей, кроме царицы української мови та й літератури... В солнечные весенние дни в её классе пахло молоком и румяно поджаристым хлебом, в пасмурную осень – тянуло сыростью и вкусным дымком из дровяной печи, зимами – скрипели салазки, а летом – не знаю, у нас были каникулы, думаю, мешками и россыпью валялись яблоки, красные с кислинкой и белый налив с рыжими от прикосновения земли боками... И завхоз передвигал эти мешки с места на место, подкрашивая парты или меняя занавески на окнах, он, безусловно, насвистывал, чавкал и хрустел сочными плодами...

Я очень любил украинскую литературу – «Ніченька місячна...», «Як умру, то поховайте мене на могилі, серед степу широкого – на Україні милій...», или из последнего, особо одобряемого нашими продвинутыми активистами: «Трактар в полі дир-дир-дир – ми за Мир!», любил её, Лідії Петрівни, невзыскательный взгляд, хождение с книгой по классу, искоса проверяя, не творится ли что неладное под партами, и предчувствие никогда не подводило её, там таки действительно творилось черт те что.

Но больше всего я любил украинский язык, с его прямою и лаконичностью правил, мне нравилась эта «ї» с двумя крапками наверху, эта латинистая «І» прям кричала – мы западэнщина, мы почти Польша! Жаль что я был освобождён от этого урока, и с Винником, тоже не пожелавшим учить Мову, на зависть всему классу мы шли валять дурака в лесопарк... Вот так рідна мова цементует узы подростковой дружбы. Да, золотое время – с коричневостью доски в разводах не стёртого мела, с этими футбольными криками сквозь отверстие окно и внезапная непосидчивость весною и вытянутая трясаемая рука Сашки Ямницького, уже в седьмой раз, приостановленная каменным звучным голосом Лідії Петрівни: «Ні, Ямницький, більше у туалет ти не пійдеш...», и это радостное предвкушение большой жизни, далеко не у всех ставшее привычкой и повседневностью по окончании...

Милая Лідія Петрівна – мы грешны, эти самолётики и бумажные в линейку скомканные листы бумаги, летящие через ряды – наших рук дело, эти мои шаржи и комиксы Алика Замалина – не со зла, эти непристойности, накаляканные на доске перед уроком, и эти снежки со смешками – это всё наши невинные проказы. Не сердитесь на нас, пожалуйста, мы очень надеемся на любовь и взаимность Вашего Большого и Доброго Сердца...

Ремарка по Ремарку

Спасибо дорогой Светлане Ивановне Бабич – за мою спокойную юность...

Плотного телосложения женщина, со строгим лицом и знанием темы, стала нашей Классной Руководительницей классе в восьмом. До этого, я подозреваю, она вела у нас русский язык и русскую литературу... Предметы, сакральная суть которых для меня остаётся недоступной и до сих пор. Зачем нужны стеклянный оловянному и причём здесь, ко всему, ещё и деревянный – скрыто от меня в веках... Просто какой-то парад реальных училищ (слесарно-столярное-стеклодувное). Что такое причастие – это что-то старославянское, поповское, и к чему детям нужно было о нём что-либо знать – загадка... Оно ещё и делало что-то – становясь деепричастием, страсть какая... Глаголить – говорить – почему глаголам так не понравилась эта частичка НЕ??? НЕ говорить – молчать! Я сказал: «Загадочный язык!». В десять лет надобно обладать достаточной памятью и неукротимыми родителями, чтобы выучить все эти радости. Я сказал выучить? Я ошибался – зубрить, на зубок! Правила, исключения из правил, не на всё распространяющиеся правила... Мы знаем это. Это – неправильно! Это двойственно действует на неокрепшие детские мозги.. Где нет логики – там нужны крепкие учителя. Светлана Ивановна была одной из крепчайших. Я старательно зубрил, не понимая ни бельмеса и потеряв надежду понять в будущем. Язык не должен учить врать и извиваться – не должен!

Но жизнь была сильнее языка, светило солнце летом – на пригорке паслись и резвились барашки – на глазуровом склоне неба – кудлатые барашковые облака... Или поздней зимой: сквозь голубую толщу льда уже просвечивала, как плоть через тонкую кожу, – пунцовая, соскучившаяся по свежему ветерку вода...

Что делать, барашкам хочется резвиться – даже если они придуманные...

Потом одна особа (не станем особо распространяться об этой особе), решила подучить меня особым способом праволевонаписанию... Но эта особа, особо занятая ныне – и не особенно нам случается заниматься – что ж – особенно не переживаю я по этому особому поводу...

Другое дело литература – прочитал хорошую книжку – праздник! Если книжечка действительно хороша. А ежели погана? Ну тогда зря выбросил

время... Теперь мне кажется, что за всю школьную жизнь, на потуги литературы – дать себя понять, что это безнадежное варево из сумбурных голов девятнадцатого века, не смогших достойно организовать свою жизнь и умерших, если их, конечно, не убили на дуэли или не заморили врачи – от вечных стрессов, картёжных кредиторов или любовных болезней, бестолковой, мучительной смертью (я уже помалкиваю о суицидах, ставших излюбленными уходами литераторов), проклиная всё что написали, либо спалив часть содеянного в печи – образуется лишь одно понятие – время на чтение потрачено зря!!! Все эти умозрительные пророки и кокаиново пошлые поэтические депрессанты натворили столько печальных схем, настолько далеко ушли от Бога, либо заменили его удобной идейкой, горделиво расцветшей на поэтической почве, что давать юным чадам эту муть – страшное и опаснейшее злодейство – просто как семилетнему ребёнку зайти в публичный дом, ой, неспроста и библиотечки у нас тоже публичные...

Светлана Ивановна
Бабич

В крайнем случае, подсадить молодость на компьютерную игру закваски 18–19–20 веков, именуемую Русской Литературой. С логиновским паролём: «Поэт в России – больше чем поэт», и переходом на другой лэвэл: «аршином общим не измерить...».

Чувства не переносят фиксации словом, это не относится к Слову животворящему, данному нам Свыше. Даже сейчас некоторые продвинутые физики считают, что эксперимент со вмешательством приборов, да и вообще людского разума, даёт другой результат, нежели было бы в природе... Нельзя совать свои грязные лапы в человеческие чувства, умертвлять их: описывая и сочиняя характеры, а затем этим пойлом поить детей... Ясно, что дети проносятся, в лучшем случае, в идеале – мы создаём очередное неврастеническое поколение с виртуально беллетристической правдой и нервами, не способными к жизненной адаптации... Дурки полны такими школярами, только выросшими. Не давайте детям стихов! Пусть лицезреют закаты на небе, а не в строках стихотворных, хоть будет в дальнейшем с чем сравнивать свои эмоции... Не морочьте молодым головы – пусть живут, как умеют, шишки, набитые жизнью идут на пользу. Раны, нанесённые литературщиной – не вовремя поднесенной детям, кровоточат всю жизнь!*

* Приведенные размышления автора разделяются далеко не всеми.

Где юмор, ну где человеческий юмор в школьной программе? Пара книг Ильфа и Петрова, прочитанных с любовью? Где несколько классных не занудных стихов? К примеру, Бориса Заходера или Леонида Семакова? Сейчас добавить бы Жванецкого два тома – и учить только один год, не больше – не надо молодым, на пороге жизни, головы забивать всякой ерундой – в четырнадцать-то лет. Ужо очень прельщающее-обольстительно сладка, возвышенная кем-то поэзия в период полового созревания экзальтированных юнцов... В институтах, «кто» пожелает, можно изучить глубже и здоровее, подучить побольше да получше. Но преподавать – сформировавшимся личностям, по большей части... Способным на уровне возиться с материалом... Где Юмор, я вас «спрашую», где самоирония, где сарказмус? Где весёлый и озорной смех, в конце-концов? Нету – этого дела нам не надо, разводим покупателей и юзеров на деньги и грусть. Где золото – там нет места смеху...

Поэтому, Светлана Ивановна, милая, Огромное спасибо, что вы скушными и деловитыми уроками отгородили нас от ужаса и мыльных страстей Русской Литературы! Я в пояс кланяюсь Вам, незаслуженно нелюбимая Учительница!

Ну а про советскую прозу вовсе говорить не приходится – страшнее её только стоматологи шестидесятых...

Ещё одна благодарность – за Бондарева «горячий снег» что ли... О теме я узнал, впрочем, как и о таком писателе – по пути к доске, слава Создателю не все комсоргами были, как Антоша Книгавко, подсказали об чём речь. Я замямлил про маленькое отступление – ремарочку – и начал вести речь о Ремарке, что то про Западный фронт... Рассказывая про узы дружбы и ужасы войны, я протянул минут тринадцать – потом Вы, Светлана Ивановна, переспросили – о чём же я повествую(?), и узнав что не о Бондареве, а о Ремарке – нисколько не удивились, не прогнали с треском и гневом меня за родителями – а развили и обобщили тему войны. Короче, я отделался четвёркой, что в то время значило для меня – гораздо больше, чем ныне выборы в муниципалитет... Хотя синяя школьная форма была мокрой от пота и опасений за мою младую жизнь в преддверии вашего гнева...

Каждый Божий урок начинался словами: «Жизнь продолжается!». Впрочем, может вы имели в виду: Литература умерла – а жизнь то – продолжается?! И с этим нельзя не согласиться! Рок-н-рол мёртв, Светлана Ивановна, а мы – ещё НЕТ!

Хрен с ними, со светлыми лучами в тёмном царстве и их Кабанихами, с Фамусовыми и Сонями, о Дубровском Гребень спел лучше Александра Сергеевича, хотя он, Наше Всё, хорош в своей поздней прозе – ну тут все об этом трубят в один голос...

Так держать Зверя, Светлана Ивановна, Мы ваши ученики!
Да здравствует Бабиц Форэвэр!

Делитховский Юлий Рейнгольдович

Трудно писать о любимом человеке, тем более о любимом Учителе... Восхищение давит, слова просятся елейные и приторные... Всё хочется миф какой придумать позалихватистие, поярче... Как можно отделить гения от живого человека, да ещё классного руководителя и к тому же математика? Никак невозможно! Всё в одном твёрдом, скажем так – слишком мускулистом теле – прекрасно уживается. И эта гора мышц, с трудом втиснутая в приличный и элегантный костюм, где стрелки брюк словно евклидовы прямые, не намераясь пересечься, лишь подчёркивали мощную трапецию торса, увенчанного скуластой головой с маленьким треугольником раздвоенного подбородка, немного узкими губами и пронизательными, слегка ироничными глазами – возникла у третьего или четвёртого «А» класса тогда ещё семнадцатой школы... Судьба прислала нам строгого учителя математики с негибачаемым характером и негибачаемыми в локтях (бицепсы, трицепсы, дельтовидная – понимаете ли) руками, и судьба не ошиблась с классом. Вороватые и несдержанные, немного хулиганистые и безумно шумные, мы таки нуждались в уверенном взгляде и невероятной теории векторов, натканных на доске. И каждый избрал в жизни свой вектор, но это потом, пока «што» бантастые девочки с прилежно сложенными на парте ручёнками, и парни, у которых пузыри и заштопанности на коленях указывали на слёзы несчастных мам и гоняния по крышам сараев, чердакам и ржавым металлоконструкциям у скошенной кочегарки, соседствующей с домиком бомбоубежища – и на бесчисленные заборы, неожиданно возникавшие на пути младших школьников – так вот: девочки и мальчики, ну, може, чуток получше, чем автобиографическое описание в драных штанах, – внимали сдержанному учителю, со всей своей детской непосредственностью...

Сначала мы попробовали обладателя громадных стильных роговых очков, слившихся в знак бесконечности на худощавой переносице, – проверить на вшивость. (Мы – это дерзкие и неугомонные хулиганы, из социально не совсем благополучных семей – где скромность и воспитанность воспринимались со смехом, а издевательство считалось другом строителя развитого социализма... Хамские попытки гоготания над математическими символами – буква «йот» казалась нам весьма забавно звучащей, это гораздо позже мы познакомились с выражением «всё, што в скобках, – перечёркиваем – йок...», оно, а также шуточки типа «кнопка на стуле», были на корню выкорчеваны молодым и талантливым педагогом... Я помню подзатыльники внушавшие уважение к математике и ускорявшие нарушителя (меня в данном случае) от учительского стола до галёрки – за рекордные две секунды... Не знавший о счастье отцовских оплеух, я доводил бедного учителя до непонимания, шая и озорничая вне меры... Когда же проверкам твёрдости руки и характера наставника пришло логическое окончание – ну

надоело уже – впрочем, наверно, пол года мы изводили прочного Рейнгольда своим туполобием (скорее кряжистыми холками) – мы как-то сами собой заучились. И при таком Проверенном Вожде, как Юлий Рейнгольдович, мы заучились с пристрастием... Вдруг стали совсем не безразличны эти паучки, поедающие вишенки (а они серьёзно питаются такими деликатесами?) на шахматной доске, причём – неизвестно на каком из Е2–Е4, то бишь поле, сия вишня была захована... Как-то возник интерес к точкам А, В и С и поездах, к ним спешащим... Надо ж такой фигнёй, не футболом с городками, увлэк нас волшебник абстракции, и уже не знать о свойствах векторов мог себе позволить тока соседский ребёнок, ходящий в школу поблизости... Как же смело Юлий Рейнгольдович смог протащить в наши крохотные мозги эту великую поэзию начертательной геометрии???

Юлий Рейнгольдович Демиховский
с Ириной Емельяновой, 1980 г.

Грустные зарисовки про математиков, сидящих на скамейках в парке и не отвечающих честно – скока у кого детей, а хитро связавших в невообразимой пропорции с количеством клюющих из рук голубей в упомянутом парке – так вот такого типа задачки захватывали детское воображение, вместо нужного и очень красивого фестиваля в Сопоте... Ну нет бы их к станку фрезерному поставить, математиков из парка, – хоть польза какая-нибудь была б, и объяснить не надо, шо отверстие должно быть минус пять соток...

А знаменитые летучие проверки-трёхминутки, начинающиеся словом «листочки!» – вот Виноградов Игорь не даст соврать – по сей день будоражат

наши сны, бо листочек достать ещё полбеды – а что за уравнение тебе подсунут – тут никакой статистике не угадать...

Потом начались «вылазки», ключевое слово пятого класса – в глубины лесопарка – под хриповатую гитару Богданиса, с кострами и палатками, с лукавым Рейнгольдовским: «А кто у нас сегодня костратор?» – и ктось волочил сырую рябину или некий залежавшийся валежник и стучал топором, вызывая недовольство у спящих палатинцев, а потом, изведя добрый коробок спичек, всё ж-таки кипятил чёрный засаженный чайник,

обещанный блестящим вернуться в рачительные руки завхоза... И хоть в природе царит гармоничный хаос и вроде бы нет места для формулы – мы как-то умудрились связать, не без помощи Учителя, эти сферы далёкие и неоднозначные – кто через стишки, кто через песенки, кто через утренный чифирь...

Да ешо одно событие состоялось на рубеже пятых классов – это переезд со всеми потрохами в четвёртую школу, Слава Всевышнему, это всемирное переселение, прямь исход израильского народа с земли Обетованной, не оторвало ведущих учителей от нашего класса. И хоть часть детишек решила посещать другие школы, математическое ядро, гордо реющее и блистающее ныне над просторами всех континентов, славя высочайшую школу русской математики – дык ядрышко осталось. Это самое ядрышко одолевало олимпиады РОНО и крутилось в вихре познания, как белка в колесе – все же мы помним эту белочку с орешками сплошь из чистого золота...

Ребятишки подрастали, обзаводясь пушком над губами, девочки – изысканною и утончённою фигурой... Вместе с годами усложнялись нагрузки, и количество значков, поглощаемых из задачника Сканави, с лёгкостью перевалило за миллион... Но молодым мозгам мало миллиона – им Вселенную подавай...

Были и не алгебраические чтения: то ли после контрольной, то ли на замене украинской мовы, всё из того же портфеля были извлечены некие тексты – явно не первый копирочный вариант – и похохатывающим наставником зачитаны несколько вещиц из Жванецкого («Ну, если в раствор вовсе не покласть цементу, то дом стоять не будет. Но дом стоял, и сложился лишь на приёмо-сдаточную комиссию, с зачётами по всем пунктам» – извлечено из памяти – не серчать.) И что-то Веллеровское о капитанах дальнего плавания и резчиков мрамора... Сомнительные были писатели для конца семидесятых.

Помнится – просит меня задержаться как-то после уроков Наш уже Классный (да в любом смысле) Руководитель, владелец того самого портфеля с домашними заданиями, в простонародном школьном сленге – Юлик.

– Ну, – говорит, – разбойник, давай выкладывай всё на чистоту. А я тогда, как и обычно, сморозил какую то глупость, какую именно не вспомню, надеюсь не смертельную, да и не в ней дело. Сразу выкладывать подноготную – это ж где вы такое встретите? Так и начал я юлить, простите за каламбур...

Юлий Рейнгольдovich выслушал мою ахинею, говорит не спеша: «Видишь ли, Илья, в каждом человеке, и в мужике особенно, – должен быть такой стержень, костяк называется... – Бесхребетным быть плохо, мужику...».

И это было сильнее неуда по поведению в четверти или тройки на выпускном...

У Высоцкого есть такое: «А ветер дул, с костей срывая мясо и радуя прохладой скелет...».

Мой сын, сменив три школы, счастливо ступил в жизнь. Но как-то смотря на задания по математикам из восьмых–одинадцатых и далее классов, я ощущал какую-то неловкость:

– Как так, чему их там учат??? Ведь эти вещи, на которых компьютерное поколение ломает копыя, Юлий Рейнгольдович с лёгкостью набрасывал нам между серьёзными задачками, ну чтоб мы проснулись, и эдак классе в четвёртом... Я, честно, боюсь теперь знакомиться с людьми, ответственными ныне за преподавание этой науки – так и не достигшей нобелевских вершин...

Всё познается в сравнении, ну когда есть с кем сравнивать...

Ну повырастали мы с тех пор, кто и Учителя перерос, ну по длине, конечно, но степень нашей любви явно превышает значения тех степеней, с которыми мы орудовали на незабвенно-вдохновенных уроках математики с ним же во главе...

И ранее и поныне Рейнгольд – Величина Постоянная!!!

Вы спросите – почему? Отвечаем – по определению!

*Еще о Юлии
Рейнгольдовиче*

*Дмитрий Анцупов,
выпуск 1983 г.*

Людмила Васильевна Ямпольская
с Димой Анцуповым

Только сегодня по-настоящему отдаешь себе отчет в том, насколько нам невероятно повезло: мы успели захватить первые четыре класса легендарно-экспериментальной 17-й школы. Нашей учительницей начальных классов была прекрасная Людмила Васильевна Ямпольская (Говердовская)!!, а потом пришел Великий и Ужасный Рейнгольд – просто скромно лучший математик-педагог всего города и окрестностей! И как бы я желал таких Учителей своим детям! И как сегодня стыдно за «выпитую кровь» и за потрёпанные нервы, потому что теперь легко себе вообразить, что примерно должен

Юлий Рейнтгольдович
Демиховский

был думать молодой и полный добра учитель в неполные тридцать лет, для знакомства заходя в кондуит четверокласснику: «Гонялся за девочками и бил их палкой!»! Мои дети читают эти сводки с места боев, оканчивающиеся твёрдым Юликовым росчерком «Ю», и смотрят на меня с упреком...

А к вопросу о «хребте» у мужика: когда в последнюю советскую волну политических репрессий начала 80-х посадили моего отца, немногие из знакомых и даже близких сумели этот хребет сохранить. А Учитель отпускал посреди четверти уехать с семьей на редкие «свиданки» в Мордовию или Чистополь, спокойно забывая ставить букву «о» в классном журнале. И не забыл и очередного педсовета в конце восьмого класса, когда женщины-учителя за «хорошее» мое поведение в один голос отказывались меня учить еще два года, и среди этого хора был Мужчина, который сказал: «Я за него ручаюсь!». И ПТУ отдалилось от меня... Спасибо, что не только собственные отец и дядя, но и Учитель сумели показать мне, что такое мужской поступок. Удачи, счастья и железного здоровья Вам, Юлий Рейнгольдович, пусть мы еще долго не сумеем так же мощно растянуть экспандер и так насухо выжать губку, как Вы!

О детстве, нашем дворе и 4-й школе

Олег Зарубин,
выпуск 1983 г.

(в школе № 4 учился до 1976 г.)

Олег Зарубин

Всё познаётся в сравнении. И чтобы оценить прелести школярского бытия, ему по-справедливости должна предшествовать дошкольная вольница, которую обычно и именуют избитым штампом «счастливое детство».

Для кого как, но для меня эта банальность имеет вполне конкретную гамму ощущений-воспоминаний. Ну, например, таких. Когда ты ранним летним утром – когда родители ушли уже на работу, а пенсионеры еще, кряхтя, не выползли по своим делам – скатывался по хирургически чисто вымытым лестницам прохладного юмовского* подъезда во двор, полной грудью вдыхал его свежий аромат. И от предвкушения грандиозности и размаха предстоящих

дел у тебя внутри поднималась волна сладкого возбуждения, до прострелов в коленях. А чтобы не лопнуть, всему этому был необходим выход. И тут рождался ликующий вопль, в котором современные киновееды обнаружили бы сложную смесь уже толком неизвестного моими одноклассникам знаменитого зова Тарзана, еще незнакомого нам тогда рыка Кинг-Конга и боевого клича гордых индейцев, озвученного и персонифицированного незабвенным Гойко Митичем, которым как раз болела ребятня начала 70-х годов.

И ты еще толком не знал, что тебе подарит этот казавшийся огромным летний день. То ли он пройдет в борьбе за независимость индейского народа, угнетаемого «презренными бледнолицыми» предками американских империалистов, и придется до одурения бегать или с полусамодельным «винчестером», сварганенным из купленного в «Детском мире» или ближайших «культурварах» охотничьего ружья, или революционным наганом, игравшим роль «кольта» или «смит-энд-вессона»; прятаться в засадах всяческих кустов и закоулков, привязывать к бельевому «столбу пыток» пойманного «врага», чтобы потом «выкурить» с ним символическую «сигарету мира». Её функции обычно исполнял подсушенный жесткий и терпкий стебель какого-то растения с фиолетовыми цветками, вырванный из близлежащей клумбы. Причем «сигарета мира» будет еще более «настоящей»

* Позднее улица Юмовская стала нынешней улицей Гуданова.

и «индейской», если её извлечь из заранее найденной, если очень повезет, пустой пачки кубинских термоядерных сигарет «Caribe» с изображением краснокожего воина.

А может, тебе повезет попасть на «карбидный фейерверк», который старшие товарищи могут устроить на «футболке» – находящимся недалеко стадиончике ХПИ. Занятия по-мальчишески почтенного из-за некоторой опасности пострадать от разрыва карбидными газами бутылки из-под «шампанки», используемой для «выстрела», и риска получить в лоб пулей вылетающей пробкой. Впрочем, при известной ловкости рук, риска весьма умеренного. Зато все это окупалось зрелищем залпа салютовавших с оглушительным хлопком пробок, долетавших до крыш близстоящих хапёвских учебных корпусов, а иной раз и выше.

Карбидные фейерверки иногда удачно дополнялись залпами твердотопливных мини-ракет из «дымовухи» – еще одного ноу-хау дворового ракетостроения, в котором роль ракеты-носителя играла обычная сигаретная фольга, а в исключительных по везению случаях и сплюснутый с хвоста футляр от гаванской сигары. А ракетным топливом служили куски изодранной на полоски детской игрушки или расчески из целлулоида.

Упражнения в физике и химии вполне могли плавно перетечь в занятия прикладной металлургией, заключающиеся в выплавке свинца, добытого из автомобильного карбюратора или наломанного из каркаса раскладушки «олова», и отливе из них в бесценные гипсовые формы разнообразного мальчишеского ширпотреба. Например, весьма натуралистически выглядящего черепа.

Пытливый детский ум жаждал все новых впечатлений и открытий. И тогда знакомый до каждой трещинки в асфальте двор мог превратиться в археологическую экспедицию. Рецидив такого кладоискательско-археологического бума вполне могла вызвать вдруг кем-то найденная невинная железяка, с видом знатока выдаваемая счастливым обладателем за «настоящую вещь с войны». Помнится, в один из таких бумов я действительно нарыл «вещь с войны» – несколько настоящих оккупационных немецких пфеннигов 40-х годов, с гитлеровскими орлами, держащими круги со свастикой. Моему счастью не было предела.

А производство всяческих самострелов-«скобочников» и арбалетов, изготавливаемых с использованием авиационной резинки, другого смертоносного для окружающей живности и окон оружия. От банальных рогаток из кладбищенской сирени, поход за которой был сам по себе уже событием весьма и весьма романтическим. Из них мы стреляли совсем недетскими пулями от пистолета «макарова». Они добывались еще дальше сирени, уже за кладбищем, на стрельбище. Заканчивался оружейный ряд выделанными умельцами из детских металлических игрушечных пробочных пистоле-

тиков вполне работоспособных образцов, стрелявших мелкокалиберными патронами.

В этой битве за прикладную науку не обошлось без жертв. Припомню, что как-то в ноябре ХПИ решил выбросить за «футболкой» целую кучу запаянных колб с какой-то кислотой, скорее всего азотной или соляной. Страшная жидкость была уложена по 2 стеклянные колбы в металлические футляры, формой напоминающие большие бинокли. Нашедшая этот «клад» дошкольная шантрапа, почему-то в тот раз оказавшаяся без присмотра старших дворовых товарищей, решила, что идеальнее заместителя гранат просто не сыскать, и стала метать стеклянные колбы в их пустые футляры, игравшие роль воображаемого противника. В числе этой бригады метальщиков оказался я. Колбы, конечно, бились, кислота попадала на варежки, которыми «бойцы» вытирали всамделешный боевой пот. И тут я понял, что ранен: сильное жжение на лице в районе глаза никак не удавалось ликвидировать подручными способами. Размазывание очага поражения мокрой варежкой только усугубляло ситуацию. Маме показаться на глаза, конечно же, было страшновато, и я побежал к ахнувшей от моего вида няне, которая жила с нами в одном дворе. Ожог кислотой был приличный, и скрыть геройство от родителей никак не удалось. Благо, врач местной неотложки намазал рану какой-то мазилкой и сказал, что я везунец – на 1–2 см левее, и глаза, скорее всего, не было бы. Самое смешное открылось дома – из всей одежды, а ее к счастью в ноябре было немало: пальто, свитер, шапка, 2 пары штанов, ботинки, – не прожженной потоками кислоты осталась единственная деталь моего туалета. Это была, pardon за интимные подробности, резинка от трусов. Вся остальная одежда и обувь были безнадежно испорчены...

Да, наше детство было изрядно насыщено дворовым инженерным творчеством и практическими уроками естествознания – теми знаниями, которых школа нам не давала. Увы, или скорее, к счастью, иначе бы мы, вооруженные еще и познаниями в академических дисциплинах, точно взорвали-разнесли бы весь двор и прилегающие дома.

Оценит ли нынешнее компьютерно-телевизионное, красноглазое от сидения за монитором интернет-поколение «пи» этот бурлящий неуемной энергией фонтан интереснейших, на грани фола, придумок, ставший, в некотором роде, школой жизни, а для многих и началом посвящения в будущие взрослые профессии? Не знаю. За одно могу ручаться – скучно нам не было!

Было бы неправдой, если бы я сказал, что в то время мы занимались исключительно «подрывной» деятельностью. Отнюдь. Нам были в полном объеме свойственны и вполне мирные, классические игры и занятия. Ножички, игра «в пуговицы», прятки, «съедобные-несъедобные», «разрывной», «море волнуется», и прочие игры из обоймы подвижных. Даже, когда больше нечем было заняться, «дочки-матери» с девочками, куда я

попадал обычно на роль отца семейства. И кто знает, не этому ли обязаны мои сыновья своим рождением?

Но бесспорным королем осенне-зимнего сезона был, конечно, дворовой хоккей. Им в начале 70-х «болели» все поголовно. Я не припомню мальчишку, у которого не было бы клюшки. А вратарская маска и щитки одного из счастливцев у остальных заслуженно вызывали белую зависть.

Эти хоккейные страсти еще сильнее разгорелись, когда наша сборная СССР в 72-ом начала супер-серии с канадскими профессионалами. Фамилии ее участников знали наизусть все. Они врезались в детскую память, как говорится, по гроб жизни.

Вообще надо заметить, что наше детство как таковое было не просто счастливым само по себе, из-за того, что оно детство и есть. Живший в IV веке до н.э. Симонид Кносский говаривал, что «для полного счастья человеку необходимо иметь славное Отечество». Так вот, ощущение того, что наше Отечество действительно славное, как мне помнится, было вполне четким, несмотря на нежный возраст. И этому не могла помешать даже казавшаяся навязчивой советская партийная пропаганда. Просто сами события жизни говорили об этом. Те же, уже упомянутые, успехи наших хоккеистов. А советская космонавтика, регулярно запускавшая космонавтов и всякие там межпланетные станции и луноходы, постоянно будоражили мальчишескую фантазию. Казалось, что до полета к звездам просто рукой подать. Даже ребенок тогда понимал, что нас уважал и даже боялся весь мир. Помню, как на меня произвел впечатление показанный по ТВ грандиозный прием, оказанный Брежневу в Индии. Или какие-то просто заоблачно помпезные похороны легендарного Буденного.

Кстати, телевидение весьма умело формировало это ощущение «славы Отечества», показывая фильмы о выдающихся событиях и людях как советского периода, так и ретроспективы, демонстрирующие нам мощь и славу досоветской, царской России. А обилие фильмов о Великой Отечественной, та же киноэпопея «Освобождение», например, и шедевры «Нахимов», «Ушаков», «Суворов», «Кутузов». Они очень наглядно показывали преемственность и неразрывность этой традиции славы Отечества, существенно подмачивая партийную ахинею о временах «проклятого царизма». И преемственность эта была не только киношная, как бы сейчас сказали, виртуальная. Я знал из рассказанной полусшепотом родными генеалогии, что мои прадеды были царскими офицерами и инженерами. И видел, что отец и, тогда еще живые, мои деды также были офицерами и инженерами. Пусть и по-советски, но они продолжали эту традицию, и, тем самым, сохраняли «связь времён».

А кто из мальчишек, посмотрев эйзенштейновского «Александра Невского», не играл в русских витязей, громящих псов-рыцарей? И красный пластмассовый «святорусский богатырский набор», который мне обещал

привезти отец из московской командировки, я, наверное, ждал как никакую другую игрушку.

Время шло, «толстомордое и беззаботное детство» плавно начинало претекать в свой новый, школьный период. Помню, как невероятно гордый и взрослый, я первый раз шел с тоненькой папкой на подготовительные, тогда для шестилеток, занятия в 4-ю школу, в которой мне предстояло получить азы школьных знаний с 1-й по 3-й классы. Школа тогда поразила меня своей огромностью, солидностью, такими кондовыми, массивными партами, которых сейчас, наверное, уже и не встретить. Густо покрашенные в несколько культурных слоев, со скошенным, под углом столом и откидывающейся крышкой, куда удобно было сваливать всякую учебную, и не только учебную, всячину.

Ну а первое «Первое сентября» стало поистине именинами сердца. Правда, оно омрачилось одним курьезным случаем. Итак, 1-е сентября 1973 год. Первый раз в первый класс. Стою с праздничным настроением и букетом больших, пушистых хризантем. Глазею на происходящее и всеми фибрами наивной детской души впитываю атмосферу школьного праздника. И тут вдруг с ужасом замечаю, что стоящий рядом со мной мальчик начинает методично... есть мой букет. Эдак шустро откусывает и быстренько жуёт белое великолепие моего букета. Пока я отходил от шока, а у меня как-то ни до того, ни после никто букетов не ел, даже ослики в зоопарке, сей достойный молодой муж, оказавшийся впоследствии моим одноклассником Мишей П., сжевал примерно половину цветков из моего букета. Выкинуть остаток мне было невдомек: как-никак все с цветами. Но и нажать врага, подарив этот огрызок десятикласснице, у меня ума хватило. Бедный, скромный (и добрый! помню его, как сейчас) десятиклассник завел меня в школу и, надеюсь, выкинул в ближайшую урну этот кошмар, бывший совсем недавно приличным осенним букетом... А Миша, как я понял потом, оказался вполне вменяемым и свойским парнем. Но для меня до сих пор загадка, что на него тогда нашло? Неужели авитаминоз?

Школа встретила нас ощущением праздника и навалившейся на нас взрослости. Шутка ли – первоклассник! И, конечно же, в жизни бывшего дошколенка появилась очень важная, доселе отсутствовавшая фигура **Светлана Петровна Клембек**. Моя первая учительница и одна из самых светлых, но трагичных страниц в летописи 4-й школы. Дав нам старт из детства в школьную жизнь, она оставила самые приятные воспоминания и впечатления, которые только обострила её внезапная болезнь и скоротечная кончина. Она сделала сиротами не только двух родных дочерей Светланы Петровны, но и целый класс её учеников... Я достаточно долго после этого никого не мог воспринимать как свою учительницу. Много лет хранил вырезку из местной газеты с известием о смерти Светланы Петровны и соболезнованиями её супругу и родным. Вечная память.

Олег Зарубин

Но Светлана Петровна успела оставить во мне хороший задел знаний и учебных навыков. Тем более, что учеником я был хлопотным. Не успев попасть в школу, я, будучи домашним, недетсадовским ребенком, принялся регулярно и помногу болеть. Пришлось оформлять «школу на дому», а Светлане Петровне приходиться к нам домой с «ревизией» – проверять сделанные уроки и объяснять что-то из вновь пройденного. Помню, что я так старался всё сделать на «ять», чтобы не огорчать учительницу и ни в коем случае не отстать, что сначала она решила: за меня, жалея, все уроки делает мать.

И попросила что-то там написать при ней. Но увидев мой честный трудовой пот и тождество почерков, я был Светланой Петровной «амнистирован», и далее всё вошло в нормальное рабочее русло.

Незаметно прошли три года, когда я учился в 4-й школе до переезда на новую квартиру. Там я попал тоже в 4-ю школу, только в квадрате, то бишь 16-ю. Было много всякого. И грустного и веселого, и праздничного и будничного. Только память о тех временах оказалась сильна и через почти уже три десятилетия. С юбилеем, родная школа! С праздником, мои одноклассники по 4-й школе! Ведь одноклассник, как оказалось, – титул пожизненный.

*Большой футбольный
день Европы*

*Александр Замалин,
выпуск 1984 г.*

Светлана Ивановна Бабич была моим классным руководителем, преподавателем русского языка и литературы в старших классах. Она была из тех учителей, которым для поддержания дисциплины в классе не нужно метаться между рядами, хлопать журналом по столу и повышать голос. Класс покорялся ей, инстинктивно чувствуя несгибаемую волю педагога. Как бы сейчас сказали: «Она обладала харизмой и сильной энергетикой». Невысокая невзрачная женщина с широким бледным лицом и маленьким надменным ртом. Среди тех, кто не знал ее близко – слыла педантичным

тираном, существом суровым и злобным. Была в этом своя доля истины. На уроках Бабич новый материал не излагался и опрос продолжался от звонка до звонка. Заработать приличную оценку было нелегко, знавшие материал слабо или затруднявшиеся выразить мысль, подвергались едким безжалостным насмешкам со стороны учительницы. Молчание на поставленный вопрос выслушивала внимательно, выдерживая паузу до трех минут, а после подводила итог – «Мало». Бабич никогда не была доброй для всех, прохладного отношения к своему предмету, да и просто гуманитарную ограниченность, не прощала, карая безразличием. Как у всякого учителя, имелись у нее свои любимчики – несколько учеников, среди которых нашлось место и мне. Естественно, что любимчики эти никогда не удостаивались какого-либо снисхождения, будь-то учеба или общественная деятельность.

Но этих ребят она всегда была готова отстоять, защитить (пусть и очевидно виновных) от своих коллег по педагогическому цеху, с этими учениками она изредка могла поговорить по душам. А это уже немало, – ведь попытка провести со Светланой Ивановной беседу даже на формальные, деловые темы далеко не всегда могла увенчаться успехом. Была она человеком особенно странным в личном общении, ее способность воспринимать собеседника полностью находилась во власти настроения, а последнее, видимо, являлось функцией самочувствия. Одиноким нездоровый человек, она жила с престарелой мамой в 2-комнатной хрущевке на Павловом поле. Приходя на работу не в настроении скрывать этого не умела да и не старалась: в сторону приветствовавших ее не поворачивала окаменевшего лица, от учеников, обращавшихся по обыкновению с той или иной просьбой, отмахивалась руками, как от мух, не произнося ни слова, будто неожиданно объявив им бойкот.

Перед начальством она не пресмыкалась, не подличала, нравственными принципами, в отличие от иных, не поступалась. Власть и систему презирала тихо, не бунтуя. Покорно, устало, как и многие, сеяла «разумное, доброе, вечное» в удушливой атмосфере тех лет. «Меня насилуют, и вам ничего не останется, как быть изнасилованными мной. Придется смириться», – говорила классная, поясняя неизбежность исполнения очередной «обязаловки», спущенной сверху «чиновниками от образования».

Необходимо отметить одно увлечение Светланы Ивановны – весьма престранное для человека ее возраста, пола, профессии и вышеозначенных черт характера. Была она заядлым футбольным болельщиком со стажем, не пропускала ни одного матча харьковского «Металлиста», отчетливо представляя расстановку команд после очередного тура...

В начале 80-х новоиспеченная андроповская власть, закручивая гайки, тем не менее настойчиво искала альтернативные пути для возвращения ускользавшей во тьму молодежи обратно к светлым идеалам. Андропов прекрасно осознавал, что упущенное на этом направлении в брежневскую эпоху время означает крушение строя уже в обозримом будущем. И хотя власть одной рукой старалась ограничивать тлетворное влияние запада на

молодые умы (помнятся категорические требования директрисы по ограничению зарубежного репертуара на школьных дискотеках), другой рукой приспособливала чуждые аккорды для популяризации советских ценностей среди молодежи на доступном ей языке. Так прокатились по провинциальным музыкальным театрам входившие тогда в моду рок-оперы... но на патриотическую тематику. Посещение этих мероприятий, как и экскурсии на производство, входили в обязательную внеклассную работу. Я не жалею, что удостоил своим посещением такой шедевр отечественной рок-музыки, как оперу «Молодая гвардия». Мы давились от смеха в течение трех часов, периодически сползая со стульев, то и дело утирая слезы. Одна только прощальная ария Кошевого перед «спуском» в шахту того стоила. Больше впечатление на меня в те годы произвел, пожалуй, просмотр кинокомедии «Питкин в тылу врага»...

Однажды классная объявила – завтра после уроков очередной культпоход. Уж не помню, была то рок-опера или спектакль на революционную тематику, но требование к посещаемости было как никогда жестким. Бабич была настроена решительно. «Уважительной причиной отсутствия на мероприятии может послужить лишь ваша смерть или тяжелая болезнь. Подчеркиваю – ТЯЖЕЛАЯ болезнь», – предупреждала Светлана Ивановна, – никаких отговорок выслушивать не собираюсь – даже не подходите!». Понимая всю бесполезность просьб об освобождении, я бы ни за что не обратился к классной. Да и поход не казался мне столь обременительным. Но дело было в середине сентября, день недели – среда. Начало европейских футбольных кубковых турниров, с множеством трансляций, день, который я ждал с нетерпением долгие месяцы. Расстроить этот праздник жизни культпоходом, пропустив все матчи я не мог себе позволить никак.

И, собравшись с духом, решил...

– Светлана Ивановна, – окликнул я учительницу дрожащим голосом в коридоре. Бабич подозрительно покосилась в мою сторону.

– Светлана Ивановна, я завтра в театр идти не могу, – выдохнул я, поворнявшись с ней. Бабич даже не замедлила шаг.

– Ты излишне резв для тяжелой болезни, как я погляжу, а все остальное меня не интересует. Пойдешь как миленький, – зло улыбнулась Бабич, не глядя в мою сторону.

– Светлана Ивановна, выслушайте, у меня действительно уважительная причина – перекрикивал я стозевный гул перемены, – большой футбольный день Европы. Я этого пропустить не могу. Бабич остановилась на мгновение, как бы осмысливая последнюю фразу, и внимательно посмотрела на меня. Глаза ее искрились теплотой.

– Да, Алик..., забегалась совсем, забыла. Это таки уважительная причина – я даже не вправе тебя уговаривать. Ты можешь завтра никуда не идти, – грустно произнесла Светлана Ивановна...

Нелюбо об учителях...

Татьяна Хазановская,
выпуск 1986 г.

Татьяна Хазановская

Кто бы мог подумать осенью 1982 года, когда школа № 4 приняла меня в свое лоно, что четверть века спустя, в далеком Тель-Авиве я буду лихорадочно рыться в памяти в поисках какого-нибудь затейливого эпизода – к юбилею школы. Четвертая школа была в моей жезни третьей. Такой вот оксюморон. Первой была школа № 1 имени Ленина, потом я проучилась год в школе № 14 на Салтовке, и наконец, будто специально для любителей игр с цифрами, в седьмой класс я пошла в школу № 4. В каком-то смысле, школа была для меня легендарной: ее заканчивала моя мама, и я с детства слышала про мамино любимого директора (как же его звали? забыла...) и про других учителей, с некоторыми из которых я познакомилась лично. Например, с **Ефимом Моисеевичем Квичко**, отважно преподававшим нам физику. И со **Светланой Ивановной Бабич**, которую некоторые любили, многие боялись, и все без исключения уважали – она говорила тихим голосом и в кульминационные моменты урока поднимала ладонь правой руки и слегка похлопывала по ней ладонью левой. Почему-то этот простой жест завораживал и мы таки сосредотачивались. В пределах разумного. А еще я слышала от мамы про умницу-Лойфа, преподававшего английский язык. **Владимир Львович Лойф** был чем-то похож на Жванецкого, и хотя английский у меня преподавал не он, с первого взгляда было видно: таки умница! А у меня английский язык вела **Вера Николаевна Григорьева** – удивительно остроумная женщина, не лишенная здорового пофигизма: она прекрасно понимала, что большинству из нас язык туманного Альбиона не пригодится, а если что, его качественно выучат методом полного погружения.

То ли дело мой классный руководитель **Раиса Абрамовна Палий**! Вот она почему-то болела за нас всей душой, вела урок очень темпераментно – может, предвидела, что придет время, когда украинский язык будет звучать даже в Харькове? У меня с Раисой Абрамовной сложились прекрасные

отношения – я украинский не изучала, так что никаких претензий у нас друг к другу не было.

А вот **Валентину Сергеевну Шарую**, ставшую в 9-м классе моим классным руководителем, я тайно обожала. Ее математика была четкой, ясной и какой-то удивительно собранной. Мне было с чем сравнить, потому что в той школе, где я училась до этого, моя любимая алгебра была какой-то скучной и размазанной, а геометрическое определение точки мне так ни разу и не удалось дочитать до конца, не заснув. У Шарой спать совсем не хотелось! По сей день, когда я вдруг отключаюсь во время важного объяснения, я иногда произношу про себя: «А ты зря не слушаешь». Валентина Сергеевна произносила эту фразу спокойно, как бы отстраненно, словно это ее совершенно не касается – так, между прочим.

А еще была Люся! **Людмила Григорьевна Лысенко**. Даже тогда я понимала, что она совсем молоденькая – кажется, она пришла в школу за год до этого. Люся мерно шагала по классу и, покручивая кольцо на пальце, преподавала нам историю своим высоким мелодичным голосом. Долго еще потом покручивание кольца ассоциировалось у меня с чем-то гуманитарным, умным, многословным, обволакивающим. На ее уроках истории я научилась «лить воду». Сейчас, наверное, кажется, что этот навык поверхностный и никому не нужный, куда важнее было запомнить, скажем, годы жизни Наполеона. Но тогда это было ценнейшее умение. Время-то было застойное: о смерти Брежнева осторожно сообщила нам Людмила Григорьевна, сильно понизив голос. Так же осторожно потом – об Андропове и Черненко. Потом, в техническом ВУЗе, приходилось переживать такие аморфные предметы, как история КПСС, научный коммунизм, государство и право, атеизм и марксистско-ленинская философия. Поэтому знаменитая Люсина «красная нить», неизменно присутствующая в изложении любого вопроса, умение обволакивать словами, говорить много ни о чем или об одном и том же – меня просто спасало. Нет, саму историю мы тоже на ее уроках учили, но это не так существенно – что я, книжку не могу прочесть? А тут – навык. Подход. Ключ.

Павел Андреевич Приз

А на первом этаже располагался кабинет НВП, где царил Павел Андреевич Приз. Пал-Андреич. Удивительная личность. На его уроках мы стреляли из винтовки в тире, учили технические характеристики разных видов оружия, знаки отличия офицеров (до сих пор помню!) и разбирали автомат Калашникова – каждый знал (верней, каждая знала), что если палец застрял в пенале, надо кричать: «Пал-Андреич, Пал-Андреич!». Просто удивительно, как арабские террористы справляются с «Калашниковым» самостоятельно?.. Под руководством полковника Приза наши мальчишки бросали гранаты на школьном дворе и рыли окопы, а я, глядя на это, мысленно повторяла перефразированное: «Благословен будь, Царь Небесный, что не создал меня мужчиной...». На уроки НВП нельзя было приходиться в сережках или, прости Господи, кольцах, на каблуках и вообще в чем-нибудь, не соответствующем установленной военной форме. Но меня однажды угораздило явиться на урок не просто в босоножках (что само по себе вопиющее нарушение), не просто в босоножках на каблуках (безответственная неустойчивость личного состава), но в красных босоножках! И как назло, урок был не в кабинете, понад схемой «Калашникова» или гранаты, а во дворе, под ярким весенним солнцем, да еще упражнение (что-то вроде «упражнения по отдаванию чести», безмерно веселившее всех нас пикантностью названия) выполнялось не всем классом (именуемым на уроках НВП взводом), а по одиночке. Когда Пал-Андреич увидел мои красные босоножки... Разумеется, побагровевший полковник Приз влепил мне двойку, а я была так потрясена собственной невольной дерзостью (почему-то мне казалось, что ярко красные босоножки не заметят...), что долго еще смеялась тихо сама с собою и громко с одноклассниками над этим диким соседством: «Полковник Приз и мои алые босоножки на каблуках». Хороший был человек Пал-Андреич. Жаль, что его уже нет.

Татьяна Хазановская

*Прекрасным
июньским днем....**Дмитрий Брук,
выпуск 1987 г.*

Дима Брук

Прекрасным июньским днем 1977 года, наша дружная дворовая компания собралась за стареньким столом напротив моего подъезда. Каждое летнее утро те из нас, кто жил в доме 18-А по Лермонтовской и не успел еще отправиться в пионерский лагерь, к бабушке в деревню или с родителями на море, непременно собирались утром на «совет». Собрание было посвящено плану проведения предстоящего дня: велосипедная прогулка по Студенческой, турпоход на Журавлевские склоны, загорание на крыше расположенных во дворе сараев, подготовка очередного концерта для жильцов дома и обязательная экскурсия в небольшую пекарню – как раз по пути на улицу Студенческую, если пройти за овощной магазин вдоль прачечной, двух серых симпатичных особнячков и

какого-то общежития. Заводилой у нас был Вова Мезинов – самый старший и оттого – самый смелый, как нам всем казалось, в нашей разновозрастной, но дружной компании.

Стоит сказать, что наши родители, бабушки и дедушки ко всем нашим затеям относились спокойно. Их не пугали наши постоянные исчезновения со двора дома, если они происходили под «командованием» Вовы Мезинова. Остальные ребята, которые жили в нашем доме, считали, что они слишком взрослые для того, чтобы возиться с «мелюзгой», к которой относилось подавляющее большинство дворовой детворы: Вита Лундина, Наташа Яковенко, я, Наташа Ломова, Галя Пахомова, Аня Дедешко, Олег Калинин, Аня Мартынова.

Итак, тот самый июньский день 1977 года обещал быть насыщенным. С утра решили покататься на велосипедах по нашему району. Сказано-сделано – все отправились по домам и сараям за своими велосипедами. Мой «Орленок» обитал в гараже рядом с машиной родителей, куда я и отправился. Пока я вывозил велосипед, папа, что-то чинивший в машине, пытался дать мне наставления о правилах уличного движения – пришлось задержаться и послушать. Краем глаза я видел, как через подворотню во двор дома вошла

какая-то женщина, но в ту минуту я и не представлял, что пришла она за двумя вполне конкретными «душами». Уже не помню, кто именно, но этот «кто-то» из моих друзей материализовался возле нашего гаража с криком: «Димка, за тобой и Костиком Литовченко из школы пришли!».

Что такое школа, я не ходивший в детский садик, знал только из рассказов Наташи Яковенко, которая в эту самую школу отправилась ровно на один год раньше меня. Этот год дался мне нелегко, т.к. до того времени мой дедушка и бабушка Наташи каждый день на трамвае возили нас в парк Горького, где мы прекрасно проводили время до обеда, катаясь на педальных машинках, самокатах, аттракционах и поедая мороженое «Каштан» – конусообразное эскимо в шоколаде и массой орешков. На обратном пути, уже на Лермонтовской, в продуктовом магазине напротив дома 14/16 нам обязательно покупали «Семейное» мороженое – вкуснейший пломбир в большой картонной упаковке, похожей на коробку из-под сахара-рафинада. Этот пломбир доставался нам уже после домашнего обеда. Так вот, с 1-го сентября 1976 года моя, такая счастливая и беззаботная, жизнь резко и бесповоротно изменилась – Наташа Яковенко пошла в первый класс. До обеда она была в школе, потом делала какие-то уроки и выходила гулять теперь только после того, «как все сделает». При этом, что входило в понятие «все сделает», я понять не мог. Поведение Наташи казалось мне откровенным предательством крепкой детской дружбы.

Именно поэтому слова: «Димка, за тобой и Костиком Литовченко из школы пришли!» вызвали у меня оцепенение, плавно переходящее в панику. Прогулка на велосипеде лопнула – это уже было ясно. Я побежал домой в надежде, что бабушка Полина меня точно спасет и защитит. Но, не тут-то было: в комнате сидела та самая женщина, которая немного раньше вошла в двор дома через подворотню. Помню, успел тогда подумать: «Кто же из наших рассказал ей, в какой квартире я живу? Уж лучше бы пошла она к Костику», (который, к слову, жил прямо над моей квартирой). Потом – некий провал памяти, скорее всего – последствия пережитого шока: мне надо будет куда-то ходить каждый день, что-то там делать. Зачем? Почему я? Конечно же, больше всего пугало то, что я (знал по опыту Наташи Яковенко) потеряю свободу и выбор того, как проводить свое время!

Кроме того, женщина, представившаяся Лидией ПЭтрИвной, говорила на каком-то не очень понятном мне языке. С одной стороны, он напоминал привычный язык, на котором разговаривали все окружающие меня люди. С другой, – речь Лидии Петровны отличалась какой-то мелодичностью и не совсем понятными словами, о смысле которых можно было догадаться только в контексте всего разговора. Не буду врать, смысл разговора я не помню. Зато помню, как через несколько дней мы с папой отправились в здание, расположенное буквально напротив нашего дома, – школу. Там две женщины пытались узнать, умею ли я читать, писать, считать. Потом я рассказывал какие-то стихотворения, но думал только о том, как бы ско-

рее попасть в свой любимый двор, где смогу пожаловаться друзьям на весь ужас пережитого мной.

В первый класс меня, конечно же, «записали». Даже дали выбрать, к кому из учителей, я хотел бы попасть. Я выбрал женщину, которая оказалась мне доброй, если хотите – больше мне понравилась. Это была **Людмила Сергеевна Шульга**. Только спустя много лет я понял, что в 1977 году интуиция меня не подвела!

Опущу в своем рассказе праздник Первого звонка – не помню его, так как в памяти отложился эпизод более эмоциональный – меня выгнали с самого первого урока! Меня и девочку, которая сидела со мной за первой партой прямо напротив стола Людмилы Сергеевны. Девочку зовут Яна Болотникова. Все десять лет учебы в школе, а потом еще пять – на мехмате Харьковского государственного университета мы «просидели» за одной партой. Но в начале сентября 1977 года мы были знакомы весьма поверхностно. Зато, как оказалось, быстро нашли общий язык и общее развлечение. Кабинет № 19 нашего 1 «Б» класса находился на втором этаже. Рядом, в 20-м кабинете, занимались ребята из параллельного 1 «А» класса. Сами кабинеты практически не отличались один от другого: громадная доска на стене (помню, меня удивил ее цвет – он напоминал мне цвет краски, которой были выкрашены полы в коридоре моей квартиры), две ниши с книгами в стене и массивные парты, у которых откидывалась часть столешницы. Под столешницей была полка, а ровно по центру парты зачем-то была дырка размером со дно стакана. Вот эта самая дырка и стала причиной нашего с Яной изгнания в коридор с первого же урока. Опытным путем мы решили проверить, на чью полку под столешницей парты будет падать карандаш, если его опустить в дырку. Карандаш почему-то вел себя неадекватно – он никак не хотел определиться и падал то на мою полку, то на полку Яны. Каждое «приземление» карандаша мы сопровождали поднятием столешницы, ныряли под парту и доставали карандаш с полки. Затем попытка повторялась. Уж и не помню, насколько хватило терпения Людмилы Сергеевны, но результат нашего с Яной эксперимента известен доподлинно – мы с позором были изгнаны на 5 минут из класса. Кстати, необходимо отдать должное Людмиле Сергеевне, родителям на нас с Яной она не наядбедничала. Это вообще была ее отличительная черта – все решать мирно и внутри нашего коллектива.

Если быть предельно честным, то вынужден буду признать, воспоминания о Людмиле Сергеевне у меня остались только урывочные и общие. Скорее всего, она сумела создать такую атмосферу в классе, что наши первые три года пробежали ровно и весело, они просто оставили нам знания в голове и спокойствие – в душе. Точно помню, что Людмила Сергеевна никогда не повышала голос и, тем самым, вселяла в нас некую уверенность. Вывести Людмилу Сергеевну из состояния равновесия не удавалось даже Сапе Ахиезеру, который иногда позволял себе прямо на уроке вылезти из-за своей парты, стать на руки и таким образом «пройтись» вдоль ряда к доске.

Людмила Сергеевна в такие моменты предпочитала прерваться и провести нам дополнительную физкультминутку.

А еще именно Людмила Сергеевна привила многим из нас некую творческую жилку. Именно в нашем 1–2–3 «Б» классе проходили, как нам казалось, самые дружные и веселые праздники: конкурсы, викторины, дни именинника. Помню, как мы готовили постановку отрывка из сказки «Золотой ключик». Конечно же, роль Буратино досталась мне, как самому худому в классе. Мальвину играла (и замечу – блестяще!) Наташа Петлякова. У моих родителей до сих пор дома лежит какая-то частичка моего сценического костюма, который коллеги родителей делали в художественном цехе Харьковского телевидения: огромный полосатый красно-белый колпак с паралоновым бубоном, такие же красно-белые гольфики, ярко красная накидка в виде плаща, картонный нос на резиночке и вырезанный из пенопласта и выкрашенный в золотую краску большой резной ключ. Именно с тех пор Наташа Петлякова лично для меня навсегда остается милой и доброй Мальвиной.

В 1980 году в моей жизни наступил еще один новый этап – переход из младшей школы в среднюю. К тому времени из двух начальных классов наша параллель расширилась до четырех, это было связано со строительством станции метро «Пушкинская». Уж не знаю, зачем строителям понадобилось здание 17-й школы, которая находилась на ул. Петровского, но здание забрали, а всех, кто учился и работал в 17-й школе, перевели к нам. Поэтому и 4-х классов у нас теперь было четыре.

В трех классах: «А», «В» и «Г» – классными руководителями стали, пусть и молодые, но учителя-предметники, а в нашем – «Б» классе – учитель музыки **Софья Яковлевна Долгова**. Я точно знаю, что говорили по этому поводу родители ребят из параллельных классов, но при всей «взрослости» их рассуждений, они не понимали и не знали главного – нам несказанно повезло с классным руководителем! Причем, отмечали это и мы, и наши родители, которые часто называли Софу (конечно так, что бы мы не слышали!) «наседкой». Небольшого роста, юркая, всегда в хорошем настроении, она представлялась просто неиссякаемым кладезем энергии, как сказали бы современные дети, – батареейкой «Энерджайзер». Она знала о нас все: кто и чем занимается, кто с кем дружит, кто с кем поссорился, как помирить стороны конфликта и т.д. Она была подружкой для многих девочек нашего класса и кем-то вроде старшего брата – для ребят. Софа, и именно поэтому наши родители называли ее «наседкой», поддерживала практически все наши инициативы и выступала заядлым организатором всех наших начинаний.

Именно благодаря Софье Яковлевне, наш класс стал достаточно дружным и легким на подъем. Москва, Прибалтика, Тула, Киев, Крым – сложно перечислить, сколько городов и просто интересных мест мы впервые увидели именно благодаря пристрастию Софьи Яковлевны к путешествиям. Она умела заразить нас буквально всем, что любила сама.

Культпоходы в театры и выставки у нас, конечно тоже были, но, по мнению Софьи Яковлевны, созерцать творчество других не означало уметь

творить самому. Так у нас появился свой собственный кукольный театр. Какие-то куклы Софа покупала сама на свою не очень богатую учительскую зарплату, что-то, включая декорации, мы делали своими руками. Поэтому и праздники внутри нашего класса всегда отличались какой-то домашней теплотой, на них обязательно приходили родители, братья и сестры.

Софью Яковлевну уважали, ее любили и, как мне кажется, главное – ей верили! И лучшее тому подтверждение – история одной из моих одноклассниц. Увы, этого человека уже нет среди нас, ее жестоко убили в 90-х годах. Поэтому, не буду называть ее подлинного имени, назову ее Катей. Катя воспитывалась только мамой, отца в семье не было, училась «не ахти». Для некоторых учителей Катя была потеряннм человеком, но только не для Софы, которая считала, что оценки – далеко не самое главное в жизни. Она воспитывала и ценила в каждом из нас совершенно другие качества: умение прийти на помощь другу, честность, стремление быть полезным окружающим. Именно поэтому, даже спустя годы после окончания 8-го класса, Катя поддерживала с Софьей Яковлевной хорошие приятельские отношения. Впрочем, как и многие из нас, кто уже будучи студентами прибегал к ней в школу или (пусть и редко) – приезжал в гости в небольшую квартиру на Павловом Поле, где для нас всегда ждал вкусный обед, готовый тебя выслушать и дать дельный совет Друг и Учитель.

Сегодня Софья Яковлевна живет в Германии, но расстояние – не помеха для общения и для нашей любви. Надеюсь, Софья Яковлевна это чувствует и это дает ей хоть какие-то дополнительные силы.

О Светлане Михайловне Заливадной

Заливадная Светлана Михайловна

Светлана Михайловна была самой любимой нашей учительницей. Уроков истории, которые она так интересно вела, ждали с нетерпением все, готовились к каждому уроку тщательно и добросовестно. Попробуй не выучить! Это было просто невозможно. Каждый урок – это открытие нового мира, погружение в прошлое. Теперь уже, будучи взрослым, имея небольшой учительский опыт, я понимаю, что та легкость, буквально игро-

вая атмосфера во время урока – это результат огромного труда. Работали на уроке все, для каждого находились слова поощрения, похвалы, и каждый ученик уходил с урока твердо зная, что и завтра, и послезавтра будет учить историю и радовать Светлану Михайловну своими ответами. С ней мы объездили буквально всю страну: Москва, Рига, Ленинград, Вильнюс, Минск, Хатынь, Брест, Смоленск, Луганск, Краснодар, Курская Дуга, Севастополь, Мукачево, Ужгород, Одесса, Киев, Полтава, Львов. Пожалуй, если бы я сейчас составил карту путешествий, то она впечатлила бы не одного человека.

Нам всегда завидовали, что мы учимся у Светланы Михайловны. Мы всегда занимали на районных олимпиадах призовые места. А Денис Сибилев был победителем областной олимпиады. Светлана Михайловна проработала в школе 30 лет. Она отличник народного просвещения, старший учитель, учитель-методист, награждена орденом «Знак почета». Сколько ею было дано открытых уроков для учителей района, города, области. Низкий поклон Вам, дорогая Светлана Михайловна! Огромное спасибо за все.

*Необыкновенный
учитель*

*Котова Виктория,
выпуск 1987 г.*

Это был необыкновенный учитель, обширные знания, глубокий интеллект, умение четко и последовательно объяснить учебный материал, сделать каждый урок интересным и неожиданным – это было свойственно Светлане Ивановне. Прекрасный классный руководитель, она сумела сплотить детей, а дети ей доставались всякие: и избалованные маменькины сыночки, и хулиганистые разудалые мальчишки с журавлевских окраин. И к каждому она находила подход, умела увлечь. Даже простую уборку кабинета № 18 Светлана Ивановна умела сделать праздником. Девочки так надраивали стекла, а мальчишки вымывали и надраивали каждую паркетину, что кабинет всегда был сверкающим. Уж о том, как создавался по крохам кабинет русской литературы, впоследствии известный везде: в районе, в городе, в области и даже во всей стране, говорить надо особо. Какой же там был собран богатейший материал! Мы научились любить русскую литературу, ценить красоту слова.

Сколько городов мы объездили, сколько музеев посетили! Светлана Ивановна не жалела ни сил, ни времени, ни здоровья для того, чтобы свозить детей по местам, дорогим сердцу каждого культурного человека: Пушкинское, Михайловское, лермонтовское Тарханы, тургеневское Спасское – Лутовиново, толстовская Ясная Поляна, гоголевские Полтава и Нежин, знаменитые Москва и Петербург.

А какие потрясающие вечера проводили мы со Светланой Ивановной! Вечера поэзии со свечами, когда каждый держал в руках зажженную свечу, а потом, стараясь не погасить огонек, передавал ее другому. Вечера, посвященные Пушкину, Лермонтову, Толстому, Чехову, «серебряному» веку русской поэзии. Всего и не перечислишь. Главным было ощущение праздника в этот день, потому что готовились и принимали участие в этих вечерах все ученики Светланы Ивановны. В 1979 году ей было присвоено звание «заслуженный учитель». Она всю жизнь была этого звания достойна.

Случай с Лойфом

*Дарья Маркова,
выпуск 1988 г.*

В школу № 4 на улице Лермонтовской я пришла сразу в 4-й класс, до этого я училась в 5-й школе, и конечно размеры школы слегка разочаровали, а также отсутствие бассейна, но было одно, но очень большое преимущество – школа находилась напротив моего нового дома. Придя первого сентября в школу, я узнала, что нашим классным руководителем будет мужчина, и меня это сначала даже расстроило. Я думала, как мужчина может заботиться о детях: быть учителем это одно, а классным руководителем – это другое, пока не узнала Лойфа Владимира Львовича. Это был прекрасный классный руководитель, заботливый внимательный, в меру строгий и настоящий учитель, если сейчас это слово что-то значит.

Было очень много интересных историй, связанных с нашим учителем, но я хочу рассказать об одном особенно запомнившемся мне случае. Это было на осенних каникулах, в шестом или седьмом классе, точно не помню. У нас была экскурсия в город Киев, тогда ещё не столицу нашей родины, а один из крупных городов СССР, нашей родины детства. Группа была большая, почти все 6 и 7 классы. Приехав в Киев, нас поселили в школу-интернат с Китайским уклоном, было очень интересно рассматривать иероглифы, они были везде, на всех кабинетах, «досках объявления». Почти всех девочек поселили в одной большой спальне. Целыми днями мы ходили по городу,

посещали музеи, выставки, уставали и, приходя в школу, почти сразу ложились спать. В один такой вечер, или скорее ночь, когда все девочки спали, я и, по-моему, Лена Пономарева и Марина Темчина, лежали в темноте и что-то обсуждали. Как вдруг, дверь нашей комнаты тихонечко открылась, мы сразу не увидели, на пороге на четвереньках, с зубной пастой во рту появились наши мальчики, и возглавлял все это шествие наш классный Владимир Львович. Вы можете спросить, зачем во рту была зубная паста, ответ прост: чтобы она была теплая, мазать холодной было не удобно, человек мог проснуться. Не ожидая застать нас неспящими, они на минутку оторопели, но потом Владимир Львович поднес палец к губам, сказал: «Тсс! Тише, тише! Мы быстренько всех намажем и уйдём!!!»

Теперь наша очередь была оторопеть от услышанного и увиденного, мы так и не смогли ничего ответить, как-то всё быстро произошло, и мы не стали мешать этому, только долго смеялись в подушку, чтобы никого не разбудить. Наутро мы узнали, что были намазаны почти все девочки и даже преподаватели, все дружно смеялись и умывались.

Лойф Владимир Львович

И опять об учителях...

Иветта Деликатная (Босенко),
выпуск 1988 г.

Я проучилась в 4-ой школе все 10 классов неотлучно с 1978 по 1988 гг. Честно скажу, что сейчас я только могу мечтать о том, чтобы в жизни моих детей появились такие учителя и окружение, которые были тогда.

Рыкова (Амстиславская) Рита Григорьевна

Александра Семеновна Хейфиц – тонкий и душевный интеллигентнейший человек, которая так логично объясняла математику, что я, чистый гуманитарий, хорошо понимаю алгебру до сих пор. Смешной эпизод: подсказываю с первой парты мальчику, который мне нравится. Александра Семеновна делает мне серьезное замечание: «Босенко, вот ты подсказываешь ему и не знаешь, что потом они всю жизнь этим пользуются, и вы же потом от этого страдаете». Я, конечно, тогда вообще не поняла, к чему такой далекий от реальности комментарий, но теперь, в свои 38 с веселой грустью и пониманием вспоминаю ее слова.

Евгения Филипповна Эсаулова – впивалась взглядом в какую-то одну жертву в классе и рассказывала весь урок именно ему сердешному. Жуть страшная. Зато, благодаря ей же, весь 8 и 9 класс я мечтала быть историком по Средневековью.

Рита Григорьевна Рыкова (Амстиславская), вечная Рита. Не изменилась сейчас ни на йоту. Могу сказать о ней, только словами Жванецкого, что этот человек научил нас быть патологически грамотными. И несмотря на все перегибы советского выбора произведений для изучения, я до сих пор плачу над Симоновым, вспоминая как это делала она сама на уроке, пряча платок в рукав платья.

Софья Феликсовна Волынская – наша классная. Символ женственности и аристократизма – всегда подтянутая, одетая нетипично для учителя, вышколенная, с гордой осанкой и выразительным макияжем. Когда я увидела ее фото в молодости, я подумала, что она, наверное, одна из самых красивых женщин, что я встречала.

Людмила Александровна Петрова – география. Несмотря на ее жесткость, именно благодаря ее предмету я выбрала свою будущую специальность. Так, как она умела объяснять экономическую географию, не умел объяснять ничего более понятно никто. И еще помню эту длинную деревянную указку – вечную в ее руках.

Галака
Валентина Ивановна

Хейфиц
Александра Семеновна

Просто **Галака** – спасибо за то, что в школе не убила в нас неприязнь к украинскому языку (что успешно сделало нынешнее государство). Все происходило естественно, непринужденно и как бы играючи. Искренность – очень важное качество для учителя.

Яркие Сергей Юрьевич и Вениамин Федорович. Где вы теперь? Гении преподавательской науки, в 3-м классе читавшие нам «Маленького принца» так, что я до сих пор помню эти интонации. Спасибо за частичку творчества и свободы, которую вы внесли в наши детские жизни.

И конечно же **Павел Андреевич Приз.** Его смотры строя и песни до сих пор поражают воображение. Отношение к нам, как в настоящей армии, непримиримая требовательность. Низкий вам поклон за ваши военные годы и характер!

Литовский Вениамин Федорович

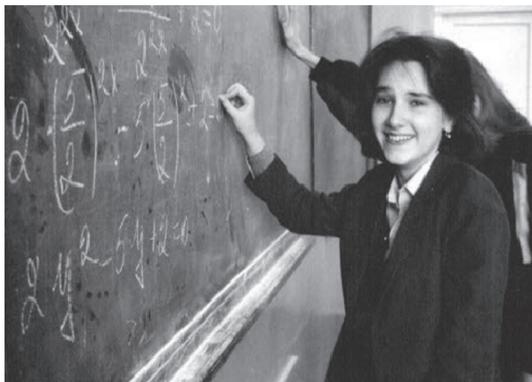
Что я запомнила из школы полезного, кроме знаний: стенгазеты, олимпиады, конкурсы, экскурсии, соревнования, правила и распорядки – все это возможно кого-то сильно напрягало. Но теперь, воспитывая своих детей, я понимаю, что именно эта общественная нагрузка учила нас многим навыкам, которые теперь так помогают в бизнесе – оформлять информацию, организовывать процессы, учиться работать в команде, наступать на горло собственной песне, если надо. Согласитесь, очень нужные качества в наше неуправляемое время.

Курганов Сергей Юрьевич

Уроки английского

Анна Червиц (Симбирская),
выпуск 1992 г.

Анна Червиц

Я начала учить английский во втором классе, на школьном факультативе. В первый год к нам приходила учительница, единственным воспоминанием о которой осталось только то, что она была блондинкой. Казалось бы, в восьмилетнем возрасте меня не должен был волновать женский цвет волос, а вот поди ж ты. Наверное, больше запоминать было нечего.

Знания от блондинки остались столь же глубокие, сколь

и воспоминания о ней. В конце года, как и в его начале, я могла бойко протараторить, что мой *Name is...* На том учебный год закончился.

В третьем классе к нам пришла другая учительница. Звали ее **Ирина Владимировна Крылова**. Помнится, ее сильно перед нами разрекламировали, сказали: «Теперь скучно не будет, и словарный запас на пару слов увеличится».

Пришла молодая, как я теперь понимаю, женщина в больших очках и своим отношением к нам, обращением и деловитостью дала понять, что воспринимает наш кружок для третьеклашек как серьезное дело, в котором ни она, ни мы не будим халтурить. И началась работа: появились значки транскрипций. Один похож на бабочку, другой в два раза больше остальных, и казалось, что есть какая-то магия в том, что каждое слово пишется дважды: один раз – чтобы читать, другой раз – чтобы говорить. Потом стали открываться и закрываться слоги, зазвучали новые слова, и английский из бессмысленного часа в расписании превратился в любимый и важный предмет.

Следующие 3 года английского с Ириной Владимировной слились для меня в одно воспоминание. Помню, как вечера, напролет я учила английский: новые слова, неправильные глаголы, времена. *Present Perfect*, выученный тогда, врезался в память навсегда, в отличие от других конструкций, которые пришлось учить позже, с другими учителями.

Сумасшедшая фантазия Ирины Владимировны превращала стандартные уроки английского в приключение. Одной из ее идей была пресс-конференция. Нас делили на две неравные группы: ребят посильнее сажали возле доски, они изображали экспертов. Нам, народу попроще, раздавали карточки с названиями газет. Какие это были названия! Совсем не из нашей жизни: «Times», «WashingtonPost», «Daily Telegraph». Мы должны были представлять корреспондентов этих газет и задавать каверзные вопросы «экспертам» на одну из поставленных учителем тем, естественно, на английском языке. Лет нам было по 11–12, уверенности в себе и непосредственности гораздо больше, чем сейчас, потому что я помню, что мы, не стесняясь, стрекотали наши вопросики, не выходя из образов надутых и гордых собой корреспондентов «Times». Год на дворе стоял 88–89, и сложно было бы найти более далекую от нас реальность, чем классические английские газеты. Настолько далекую, что даже игра в них так поразила меня и запомнилась навсегда.

Анна Червиц

В классе четвертом или пятом Ирина Владимировна учила нас писать по-английски наши фамилии. Я, из-за врожденной дисграфии, пропустила в своей длиннющей фамилии пару-тройку букв. Ирина Владимировна посмотрела на меня и спросила: «Симбирская, когда ты будешь выходить замуж, меня будешь приглашать фамилию писать?». Я удивилась. Допустим, в 11 лет вопрос замужества не стоял особенно остро, но я уже знала, что в харьковских ЗАГСх и даже во Дворце бракосочетания заполняют бланки и пишут фамилии по-русски. Зачем мне для этого Ирина Владимировна, даже при всей моей к ней любви? Это была загадка. Парадоксальность ее вопроса занимала меня очень долго, пока ответ не нашелся сам собой через 10 лет, когда перед свадьбой мне

пришлось-таки написать мою фамилию сначала по-английски, а потом еще и по-испански. И это было уже очень далеко от Харькова.

После ухода Ирины Владимировны из нашей школы и ее отъезда, у нас сменилась куча «англичан». Я не училась ни у Лойфа, ни у Софьи Феликсовны Вольтинской. Средние учителя превратили английский в средний предмет. Интересы больше не было никакого. Знания нужно было искать у репетиторов.

А Ирина Владимировна осталась эталоном свободного от программы, не зашоренного, не страшного и любимого учителя.

*И о т я т ь о Е ф и м е М о и с е е в и ч е
и С в е т л а н е И в а н о в н е*

Евгений Зарудный

С самыми добрыми чувствами вспоминаю своих учителей **Светлану Ивановну Бабич** и **Ефима Моисеевича Квичко**. Покойная ныне Светлана Ивановна олицетворяла собой Закон: справедливая, невозмутимая и – грозная. Когда Заслуженная учительница УССР нацеливалась своим автоматическим пером на клетки журнала, выбирая «жертву», тишина в классе начинала звенеть. Под ее фирменным взглядом самый разухабистый и задорный хулиган блеял кроткой овечкой; на ее уроках самый последний двоечник мог заслужить пятерку, а самая круглая отличница – двойку. Что важно и принципиально – заслужить исключительно знаниями.

Квичко Ефим Моисеевич, Аляска, 2009 г.

Проживающий ныне в Австралии Ефим Моисеевич хотя заслуженным и не был, предмет тоже знал отлично. Знаменит же был (и памятен нам по сей день) своей удивительной человечностью. Когда нужно было знать, в каком порядке лежат билеты на экзамене по биологии – мы бежали к Ефиму; когда завуч отчитывал за длинную прическу, мы плакались на плече учителя. Но! Дети – существа жестокие: ох и издевались же мы над нашим человеческим физиком!

*Все учителя повторяли
часто фразу: «Вы самые...»*

*Ирина Элис (Шаповалова),
выпуск 2001 г.*

Ирина Элис (Шаповалова)

Для каждого человека школа всегда останется той единственной страницей, которую второй раз перевернуть невозможно, как бы сильно того не хотелось. Можно до бесконечности учиться в ВУЗах, можно менять место работы и вернуться опять на самое первое, а вот в школу, если и возвращаешься, то только гостем...

Я шла по пустым коридорам и думала, как же давно я впервые увидела эти стены, и как быстро школьная форма превратилась в выпускное платье. Мысли плавно переключились на тех, с кем я была все эти годы. Интересно, что в моем классе от первого до последнего звонка проучились всего шесть человек. Кто-то приходил, кто-то уходил по абсолютно разным причинам, а мы вшестером, так получилось, остались патриотами своей школы и своего класса.

В первых трех классах парт на нас едва хватало – еще бы, ведь нашей учительницей была сама **Раиса Федоровна Пальчик!** Нам казалось, что мы какие-то особенные, раз учимся в «В» классе. По сути, мы действительно были не такими, как все, ведь система обучения и учебники не были стандартными (это я теперь могу сказать, как дипломированный учитель). Видимо, это стало одной из причин того, что уже в пятый класс мы шли не полным составом. Многие решили уйти в профлицей для получения более глубоких знаний в тех или иных предметах, чем может дать средняя школа. Еще одной причиной «опустошения» нашего класса стал бум переездов за границу в 90-е годы. «Наших» оставалось меньше и меньше, а на их места приходили ученики, которые, естественно, тоже становились «нашими».

Проходя мимо кабинета, в котором мы провели не один год, я в очередной раз поблагодарила судьбу за то, что я училась именно с этими людьми, со всеми, которые были частичкой моего десятилетнего пребывания в школе. Возможно, каждый так говорит, но мне кажется, что именно наш класс

отличался особой изюминкой, которую трудно описать, но она все равно была. Все учителя повторяли часто фразу «Вы самые...», и у каждого был свой эпитет: «шумные», «умные», «веселые», «ленивые»... И не имело значения, с негативом или позитивом это было сказано, ведь мы все равно были «самыми». Мы догадывались, что остальные ученики слышали примерно тоже, но ведь хотелось верить, что именно нам говорят правду.

Особенным наш класс был еще и потому, что в нем училось четверо детей учителей и одна внучка. Соответственно, присмотр за всеми нами был тоже особенным. У нас даже планка оценок была высокой, думаю, не каждый класс может похвастаться шестью медалистами.

... Встретиться мы договорились в школьной столовой. Вначале я не понимала, почему именно там, а сейчас я осознала, что тот, кто это придумал, был уверен, что каждый из нас по пути на место встречи пройдет именно по тем местам, которые ему особенно дороги. И он угадал! Последней мыслью перед входом в столовую было то, что я безумно хочу увидеть всех тех, кто меня ждет там, за дверью, несмотря на то, что мы виделись совсем недавно. И это еще одна особенность нашего класса – довольно часто мы устраиваем встречи. А самое главное, что встречаемся мы всем составом – приходят те, кто когда-либо учился в нашем классе. И даже если раньше кто-то кого-то не знал, сейчас они встречаются как старые друзья. А как иначе? Ведь все мы понимаем, что, имея разные пути в жизни, есть нечто, что нас всех объединяет. И я уверена, так будет всегда!

У об учителях...

Говорят, что самых строгих учителей запоминаешь больше всего и вспоминаешь их чаще, чем остальных... Наверное, в этом что-то есть...

Не могу сказать, что запомнились только строгие учителя. Нам повезло со всем педагогическим коллективом. И это не пустые слова, их может подтвердить статус наших выпускников – общественные деятели, политики, врачи, учителя, имеются даже настоящие звезды! Но все же, вспоминая школьные годы, первыми в памяти всплывают именно те учителя, на которых ты так сильно злился в свое время, те, которые, казалось, именно к тебе придираются, те, из-за которых приходилось отказывать друзьям в совместной прогулке, сидя перед учебником, дабы не получить завтра «красного лебедя». Именно этих учителей ты потом благодаришь за полученные знания, и нередко твоя профессия в итоге связана с их предметом.

Именно это произошло со мной. В седьмом классе, когда независимая Украина была еще совсем молодой, нас ожидало настоящее потрясение – наш класс первым в школе решили сделать украиноязычным. Все предметы, включая даже русскую литературу, которая была переименована в зарубежную, должны были преподавать исключительно на украинском

языке. Тогда пришлось учиться всем, не только ученикам, но и учителям, ведь все мы были, как говорится, родом из Советского Союза. Единственным человеком в нашем учительско-ученическом коллективе, который не ощутил перемен, была **Крыжановская Светлана Алексеевна**, которая преподавала украинский язык и литературу. Единственное, что изменилось, ее требовательность на уроках, но это, скорее, перемены, которые заметили опять-таки только ученики.

Итак, ежедневные уроки украинского языка, конечно, повышали наши знания, но и усталость от «рідної мови» появилась довольно быстро. Именно поэтому домашнее задание делалось все с меньшим энтузиазмом. Как следствие, строгость и требовательность Светланы Алексеевны повышалась в геометрической прогрессии. В журнале появлялось все больше оценок, которые не удовлетворяли ни учеников, ни учителей. Меня эта участь не минула тоже. Первая «четверка» в табеле у меня, круглой отличницы, была именно по украинскому языку. Конечно, приходилось учить вдвое больше и вдвое больше злиться на виновницу моих «мучений». Поскольку с детства я была прирожденным лидером, сдаваться я не хотела, поэтому именно к этому предмету я готовилась с особой тщательностью.

Будучи одноклассницей и подругой внучки Светланы Алексеевны, я часто бывала у них дома. В один из визитов мы с Оксаной (та самая внучка) повторяли правила, которые было задано выучить к следующему уроку. Вот, сидим мы, рассказываем те самые правила друг другу, заикаясь и запинаясь, как вдруг открывается дверь в комнату, появляется Светлана Алексеевна со словами: «Жодна з вас не знає правил, не підете гуляти, доки не розповісте мені особисто». И она не шутила! В тот вечер мы действительно никуда не пошли. А потом на уроке нас ждал допрос с пристрастием...

Самое интересное, что спустя несколько лет в университете на экзамене я рассказала те самые правила на твердую «пятерку», конечно же вспомнив Светлану Алексеевну. Не забываю о ней я и по сей день, ежедневно общаясь на украинском языке на работе, куда меня приняли именно благодаря моим глубоким познаниям государственного языка. Безумно люблю свою работу и понимаю, что без Светланы Алексеевны и ее требовательности я бы не смогла добиться всего того, что имею сегодня. Низкий Вам поклон, Светлана Алексеевна!

Еще один строгий учитель, о котором хотелось бы рассказать – это **Есаулова Евгения Филипповна**. Многие могут со мной поспорить о ее строгости, но первая наша встреча запомнилась мне на всю жизнь. Когда нам сообщили, что в ближайшее время, что нам поменяют учителя истории, мы, естественно, не поленились узнать у старших товарищей все плюсы и минусы этой перемены. Единственное, что мне запомнилось из всех характеристик, это то, что на ее уроках не учить не удастся.

Настало время первого урока и знакомства. Обычно к первому уроку ученики не очень стараются готовиться – надеются на то, что опрос может перерасти в стандартные фразы о требованиях на уроках и ознакомление с программой на ближайшее будущее. Как я уже говорила, была я отличницей и лидером, поэтому не могла себе позволить понадеяться на «легкий» исход урока. Старательно выучив все три заданных вопроса, я с нетерпением ждала момента, когда я смогу блеснуть своими знаниями. На первый вопрос вызвали не меня, и я, не слушая, что происходит в классе, принялась повторять второй вопрос. Отвлекла меня от бесполезной зубрежки фраза Евгении Филипповны; «А кто может ответить на этот вопрос?», чтобы не отдать никому пальму первенства, я молниеносно подняла руку. Естественно, мое рвение было оценено, и через несколько секунд я уже стояла и с гордостью произносила заученные фразы из учебника. Ожидая увидеть восхищенные глаза нового учителя, я была крайне удивлена тем, что меня довольно быстро остановили, сказав, что это второй вопрос, а ответа на первый еще никто не услышал, соответственно вызвалась я именно на первый вопрос. А поскольку мой детский разум уже был настроен выдать определенную информацию, ничего иного я уже воспроизвести не могла. Я стояла и молча смотрела на Евгению Филипповну, пока тишину не нарушила фраза «Ну, что, Шаповалова, бенефис не удался?». Я поняла, что не просто не было бенефиса, а я потерпела полное фиаско. Слезы потекли градом, и я выбежала из класса. В коридоре меня догнал мой сосед по парте Вова Столяревский, сын Натальи Владиславовны Столяревской, и начал успокаивать. Он долго что-то говорил, я совсем его не слышала, запомнила лишь последнее предложение: «Ирка, не кипишуй, она классная тетка, «двойку» тебе не поставит... Вот увидишь, вы еще подружитесь! Уж мне-то поверь, я ее с детства знаю!». И его слова стали пророческими – на следующем же уроке мне дали право

исправиться. Страх перед этим учителем я больше не испытывала, хотя все равно старательно готовилась к каждому уроку.

И хоть в итоге моя профессия далека от истории, но Евгению Филипповну и ее уроки забыть будет трудно. Я это знала еще в школе, и в день выпускного бала, когда каждый ученик выбирает всего одного учителя, чтобы подарить ему заветный букет, я без капли сомнения вручила семь огромных желтых роз именно тому единственному учителю, который заставил меня рыдать в первые же минуты знакомства.

Думаю, со мной все согласятся, что проблемы, которые казались концом света когда-то, сегодня выглядят смешными, а юдей, которые тогда были рядом, помнишь всегда. Спасибо вам, дорогие учителя, за ваш труд и вашу душу, которые сделали нас теми, кем мы являемся сегодня.

Ирина Элис
(Шаповалова)

Признание школе

*Сергушкины Денис и Дмитрий.
выпуск 2004 г.*

В жизни есть много интересного и прекрасного. Только это прекрасное и интересное надо уметь замечать, но, к глубокому сожалению, это умеют не все люди. Вообще, я хочу сказать, чем дальше человечество идет, тем меньше мы, люди, замечаем все то, что нас окружает. Вы спросите, почему? На этот вопрос можно дать множество ответов, потому что каждая особь имеет свои причины на то, чтобы не видеть прекрасного. Ведь если разобраться, человек замечает окружающую его среду только тогда, когда ему самому хорошо. Под этим словом «хорошо» я имею ввиду хорошее состояние души, а именно радость, душевное тепло, смех. Да, именно эти компоненты в сочетании между собой делают нас добрыми, ласковыми. И человеку остается только находить эти чувства у себя в душе. Я вас уверяю, они есть у каждого. Независимо от того какой ты человек: плохой или хороший. Просто под давлением ежедневных проблем они скрываются в темных углах нашего разума, думая, что мы обойдемся в жизни без них. Но это невозможно! Вернее сказать, это возможно, но только это сделает мир черствым и грубым. И к чему это приведет?! Во всяком случае, ни к чему хорошему. Почему я завел разговор на такую тему, как: «Видеть вокруг себя прекрасное?» Да потому, что только прекрасное, яркое, счастливое, теплое событие способен замечать человек и оставлять у себя в памяти навечно. И единственное, что остается у человека – это память.

Наверное, одно из ярких наших с Димой событий в жизни является школа. Именно школа будет жить в нашей памяти до конца нашей жизни, до последнего вздоха. Школа – это то место, куда нас ровно одиннадцать лет назад привели наши родители. Именно школа помнит нас с братом еще совсем маленькими, такими глупыми, такими незащитными. А вот уже и пришло время вступать во взрослую жизнь, на дорогу новых желаний, новых высот, новых мечтаний. Казалось, прошел немалый срок, а ты, Школа, совсем не постарела. Ты так же встречаешь с утра других детей, как встречала нас все это время. Но как жаль, что среди этих детей уже не будет двух похожих друг на друга, как две капли воды, братьев Сергушкиных Димы и Дениса. Школа, за эти годы ты стала для меня, как родной человек. Знаешь школа, а ведь в жизни так всегда бывает: как только к чему-то привыкаешь, сразу приходится расставаться с ним. Почему так несправедливо время к человеку? Школа, ты такая хорошая! Ты очень много сделала для нас. Ты показала нам пример взрослой жизни, ты дала нам знания, ты нашла нам друзей. Низкий тебе поклон за это!

Сергушкин Денис

А помнишь, школа, как я, Денис, первый раз в своей жизни подрался, помнишь? А помнишь, как я, Дима, получив двойку, вырвал листочек из дневника и ничего не сказал родителям? Но я ведь забыл, что дневник был с пронумерованными страницами. Ох, ну и попало ж мне тогда! А помнишь, школа, как я и Димка танцевали стриптиз на празднике Дня влюбленных в столовой? Ну, помнишь, в 10-м классе. Как это было весело! Потом, на следующий день, вся школа только об этом и говорила, что мы уже где-то получили этот опыт. Да, много есть чего вспомнить! Как жаль, что этого нельзя пережить заново. Школа, а ведь именно здесь я, Денис, встретил свою первую настоящую любовь. Боже мой, как это было красиво! То первое чувство до сих пор живет у меня в сердце.

Знаешь, школа, а мы так ни разу и не успели прогулять урок! Мы просто не успели... Потому что ты так увлекала нас. Мы бы просто, наверное, не посмели бы этого сделать.

Да! Действительно, так быстро пролетело это время! Я и Дима никогда не простим себе того, что мы не ценили его. Почему человек осознает свои ошибки только тогда, когда уже надо делать выводы? Все наше время уходит! Улетает наше детство, и с ним улетишь и ты, школа! И у тебя останется только память! И всегда, когда мы будем вспоминать о детстве, мы будем вспоминать то здание, которое, на первый взгляд, кажется обычным. Но для нас оно особое из всех!

Сергушкин Дмитрий

Мы клянемся, что вечно будем помнить тех людей, которые познакомили нас с тобой! Да это именно те прекрасные и самые терпеливые люди на свете – учителя! Мы ни за что не забудем нашего классного руководителя Хист Наталью Владимировну. Вы тот человек, которого действительно смело можно назвать Женщина – с большой буквы. Вы нас воспитывали, учили и, мало того, Вы делали это с такой любовью, искренностью, что стали для нас с братом как вторая мама. Наталья Владимировна, Вы для нас много значите, и Вы вместе со своей красивой душой навечно оставили след в наших сердцах. Мы Вас очень любим и никогда не забудем!

Кстати, помнишь, Школа, как я, Денис, мечтал стать взрослым и стать врачом?

Школа?! Почему ты не отвечаешь? Почему мы тебя не слышим?! Мы же еще не выросли, школа? Но ведь так не может быть, что наше детство закончилось? Пожалуйста, не уходи, детство, не забирай от нас школу, не лишай нас классного руководителя! Мы не успели еще наиграться! Почему все так быстро прошло?

Мы тебя больше не слышим, Школа! Мы уже повзрослели! Но мы будем тебя помнить вечно! Мы тебя не забудем, Школа! Мы Вас не забудем, Наталья Владимировна!

Прощай, Школа, прощай...

От учителей

Интервью с Александрой Семеновной Хейфшиц

– Александра Семеновна, как Вы попали в 4-ю школу?

– Это был весьма болезненный (в моральном плане) переход из 17-й школы, которая была закрыта, но фактически довольно плавный, т.к. переходила на то же завучество с моими же классами, которые и выпустила из 4-й школы. И в довольно гостеприимную обстановку (Зоя Михайловна, Михаил Давидович).

– Какой Ваш девиз работы?

– Какой может быть девиз при работе с детьми? Любить и учить! Придерживалась и, по-моему, получалось. Наверное, об этом должны говорить дети.

– Были ли у Вас наставники среди педагогов? Как складывались Ваши отношения с другими учителями?

– С моей точки зрения, отношения с коллегами были совершенно нормальные, деловые. Работая завучем, практически всегда старалась идти коллегам навстречу, учитывать их желания, пожелания, порою, и характеры. Но об этом, опять-таки, надо спрашивать у них.

Наставники? Я пришла в 4-ю школу уже в довольно зрелом возрасте. Пожалуй, колени преклоняла перед Михаилом Давидовичем Ямпольским, но, к сожалению, очень короткое время...

– Вспомните, пожалуйста, несколько курьезных или смешных моментов за годы работы в школе.

– Наверняка были, но они смешны, понятны и вызывают улыбку, по-моему, только у тех, кто был их свидетелем.

Ну, к примеру. Подрались Гриша Патент и Вова Цыганенко (где-то 5–6 класс). Иду их разбирать и вдруг слышу, как Гриша кричит Вове: «Ах, ты, жид пархатый!»

Или: проводили КВН между командой учеников и их родителей в 8-м классе. Вопрос родителям: назовите ФИО учителей, которые учат ваших детей? Я представляла, что не все родители нас «знают», но до такой степени... Дети были в восторге, я – в трансе.

Или: по окончанию школы (10-й класс) я с классом поехала в Старый Салтов на несколько дней. Настроение, погода – все на уровне. После вечерних посиделок, песен у костра разошлись все по палаткам. Тишь и благодать... Часа через 2–3 я решила посмотреть, как спят мои «детки». Заглядываю в одну палатку – пусто, в другую – пусто... И вдруг, слышу «из поднебесья»: «Александра Семеновна! А почему Вы не спите?!».

Сколько их было, таких случаев и курьезов!

А вот еще. Лагерь труда и отдыха (ЛТО, 10-й класс, 17-я школа). Послали нас на петрушку (полоть ее), а мы-то ее от сорняков отличить не можем. Адская работа. Потом ребята целую поэму ей сочинили, вернее посвятили. Уставали до темноты в глазах. И очень рассчитывали, что после ужина все утомонятся. Куда там! Палатки подпрыгивали и тряслись. Мой напарник прямо взбесился. Скомандовал всем выйти, раздал по лопате: «Ройте яму для мусора». Безропотно начали рыть, и вдруг слышим: «Мы жертвою пали в борьбе роковой... Это есть наш последний и решительный бой!». Весь Интернационал пропели. И так далее.

Не уверена, что кому-то, кроме меня и ребят, это интересно. Но ваш вопрос разбередил мою память...

Еще одно воспоминание: слышу как-то на уроке явное кошачье мяуканье (10-й класс) – чуть ли не из стены у доски. Не помню, как закончила урок. И начала «следствие». Был в классе такой умненький, но весьма оригинальный, длинный и нескладный мальчик (о нем в выпускной газете написали: Алик наш оригинал, он совсем как интеграл). Выясняю: он очень хотел котенка, а мама ему не разрешала. Он принес его в школу с просьбой: «Если Вы мне его подарите на день рождения, мама его не выбросит». Вопрос утрясла с мамой, ему на радость.

А в 1981 г. здесь на выпускном вечере получила такой музыкальный привет:

Мы сосчитать теперь не можем
Всех дополнительных задач.
Был из-за Вас не раз отложен
«Решающий» футбольный матч.

– Были ли у Вас «любимые» и «нелюбимые» ученики?

– Конечно, были. Ведь учителя – обычные люди со своими слабостями, симпатиями и антипатиями.

Другое дело (и это должно быть законом), об этом никто не знал. И упрекнуть меня никто не мог в классах.

Уважала в учениках то, что и в любом человеке: порядочность, трудолюбие, отзывчивость. Конечно, приятно иметь дело со способными детьми, людьми, но одни способности мало вызывают симпатий – это от Бога, как говорится.

Никогда не могла мириться с жестокостью, хамством.

– Доводилось ли Вам поднимать руку на ученика?

– Увы! И это было... Могу по пальцам пересчитать: четыре случая за 39 лет работы в школе. Но пусть это останется при мне.

– Поддерживаете ли Вы контакты с выпускниками?

– Да. И очень активно. Переписываюсь. Встречаюсь везде, где только бываю. Ведь и учеников, как и всех нас, разбросало по всему свету...

В Харькове – всегда, когда там бываю (каждые 2–3 года). Приезжала на 25-летие окончания школы классом, который я вела с 5-го по 10-й класс и была классным руководителем. В Израиле, в Калифорнии, в Венгрии, в Чикаго, в Лондоне, в Канаде... Даже принимала учеников у себя дома, в Нью-Йорке. Кстати, учеников 4-й школы.

– Что Вы хотите пожелать всем выпускникам 4-й школы?

– Пожелания мои очень банальны: здоровья и Мира. Не забывать друг друга, а иногда и нас.

Мне кажется, что школьная и студенческая пора – самые беззаботные годы. Нет, не легкая пора. Но беззаботнее не будет никогда.

На 30-летнем юбилее 4-й школы мы услышали от ребят такие слова:

Человек человеку не друг.

Человек человеку не враг.

Человек человеку Учитель.

Спасибо жизни за то, что у нас были хорошие Учителя!

Так что помните своих учителей! Большинство из них этого заслужили.

Июнь, 2009 г.

*Письмо моей школе, моим
коллегам, моим ученикам*

*Квичко Ефим Моисеевич,
учитель физики.
Июль 2009 г.*

Здравствуйтесь, здравствуйтесь, здравствуйтесь в буквальном и переносном значении этого хорошего слова. Здравствуйтесь, мои дорогие коллеги, мои любимые ученики, все-все, с которыми мы вместе учились жизни на протяжении всех лет работы в нашей школе, все, к которым я, несмотря на очень солидный возраст, по-прежнему обращаюсь со словом «дети». Здравствуй, моя 4-я школа, вместе с которой с первых дней ее создания и последующих 35 лет были прожиты самые наполненные, активные, целеустремленные годы, годы радостного труда и вдохновенного (не боюсь этого слова) общения с детьми. Мы с коллегами приложили максимум усилий, чтобы создать достойную нашей школы материальную базу, постарались передать вам, насколько сумели, элементы необходимых научных знаний, постарались научить вас самостоятельно приобретать необходимые для жизни и работы знания и, надеюсь, сумели вложить определенные кирпичики в фундамент мирозерцания, мировоззрения, морали.

С помощью «Одноклассников» удастся поддерживать связь со многими бывшими учениками. В моем списке их уже около 100 человек. Огромнейшее спасибо им за добрую память, за теплые слова, – это так греет! С некоторыми удалось даже лично встретиться в Австралии, в Америке.

Многим и многим из вас, и школьникам, и выпускникам, я не устал повторять: **берегите школьную дружбу – безусловную жизненную ценность**. Взрослые люди вряд ли уже сумеют создать настолько прочные узы, таких честных, верных, преданных, проверенных временем друзей.

Представляю себе, какие счастливые улыбки, потоки воспоминаний и вопросов «А помнишь...?» вызывают ваши встречи.

Спасибо вам, дорогие мои, за то, что все эти такие длинные и такие короткие годы вы были со мной, что вы есть и навсегда остались в моей памяти.

*Я люблю вас,
Ефим Моисеевич*

ХАРРКОВСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 4

Савченко, А.С.

Личурский, А.С.

Степанов, А.П.

Суроченко, В.В.

Савченко, А.П.

Мельник, В.В.

Харченко, А.В.

Мельник, В.В.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

Савченко, А.С.

10-А КЛАСС

1968 год

Выпуск

**УДАРЬКОВСКАЯ
СРЕДНЯЯ
ШКОЛА № 4**

**10^Б
КЛАСС**

Выпуск 1968 года

10 «А» класс. 1970 г.

10 «Б» класс. 1970 г.

Выпуск 1976 г., 10 «А» класс

Последний звонок, 1976 г.

Выпуск 1976 г., 10 «Б» класс

Выпуск 1977 г., 10 класс

Выпуск 1980 г., 10 класс

Выпуск 1981 г., 10 «А» класс

Педагогические инновации

в 4-й школе

Две педагогические инновации в 4-й школе

*С. Курганов,
выпуск 1971 г.*

1. Развивающее обучение

Конец 70-х годов XX века – эпоха расцвета одной из самых перспективных педагогических технологий – системы Развивающего обучения. Созданная совместными усилиями философов, психологов, учителей Москвы и Харькова в 60-е, 70-е годы эта система находилась на грани практического внедрения во все школы СССР.

Перед учеными и методистами Министерства просвещения СССР была поставлена задача – к середине 80-х годов создать комплекс учебников по Развивающему обучению математике и родному языку для 1–3-х классов для того, чтобы приступить к массовому внедрению этих учебников в школах СССР (Так называемый «План-заказ министерства просвещения СССР», 1977 г., Москва–Харьков).

Общее руководство проектом осуществлял директор НИИ ОПП АПН СССР академик Василий Васильевич Давидов.

Хотя ранее работа была относительно равномерно распределена между специалистами Лаборатории младшего школьника (НИИ ОПП, Москва) и Лаборатории психологии обучения (ХГПИ им. Г.С. Сковороды, ХГУ им. М. Горького – Харьков, научные руководители – доц. Ф.Г. Боданский (ХГПИ) и доц. В.В. Репкин (ХГУ), так сложились обстоятельства, что вся работа по созданию учебников по родному языку досталась Харьковцу, за Харьковом также закреплялось приблизительно 79 процентов работы по созданию учебников математики.

Именно в это время (1978 г.) средняя школа № 17 г. Харькова, на базе которой до этого проводилось экспериментальное обучение, была закрыта на капитальный ремонт.

Директор средней школы № 4 Зоя Михайловна Соколова согласилась принять в своей школе экспериментальные классы и предоставить помещение для лаборатории психологии обучения.

Поэтому подготовка той «педагогической революции», которую осуществляла концепция Развивающего обучения в школах СССР, России и Украины и в мировой педагогике в целом, проходила именно в Харьковской средней школе № 4 (1978–1983 гг.).

Именно здесь были подготовлены знаменитые учебники Владимировича Репкина «Букварь» и «Русский язык» и учебники

А.М. Захаровой и Т.И. Фещенко «Математика», формирующие теоретическое мышление младших школьников, начиная с первого класса.

Репкин В.В., Ямпольская Л.В., 1990 г.

Именно здесь была завершена и доведена до серии научных статей концепция учебной деятельности выдающегося советского и украинского психолога, ученика А.Н. Леонтьева и П.И. Зинченко, Владимира Владимировича Репкина.

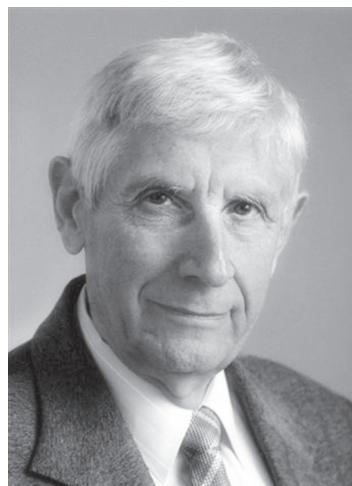
Именно здесь была впервые высказана гипотеза известного советского и украинского психолога профессора А.К. Дусавицкого о социальной ситуации развития личности при включении ребенка в Развивающее обучение, впервые прозвучало выражение «группа-

лидер» применительно к младшим школьникам, проведены решающие социально-психологические исследования Марины Папириной, впервые был изображен – на основе обобщения работ Марины Папириной – знаменитый «шестиугольник Дусавицкого», представляющий собой идеальную модель учебного сообщества Развивающего обучения.

Именно здесь была завершена концепция формирования теоретического мышления младших школьников, и был построен первый в истории СССР и Украины систематический курс математики в начальных классах как развитие единого развивающегося понятия числа (натурального, позиционного, отрицательного, дробного) – исследования Э.И. Александровой, Ю.П. Бархаева, А.М. Захаровой, С.Ю. Курганова, Т.И. Фещенко под общим руководством доцента Феликса Григорьевича Боданского.

Именно здесь была завершена концепция формирования учебной деятельности в условиях усвоения теоретически обобщенного орфографического действия (исследования П.С. Жедек, Л.И. Тимченко, С.В. Крамских-Ломакович под руководством В.В. Репкина.

Именно здесь была выстроена и экспериментально подтверждена концепция учебно-художественной деятельности младших

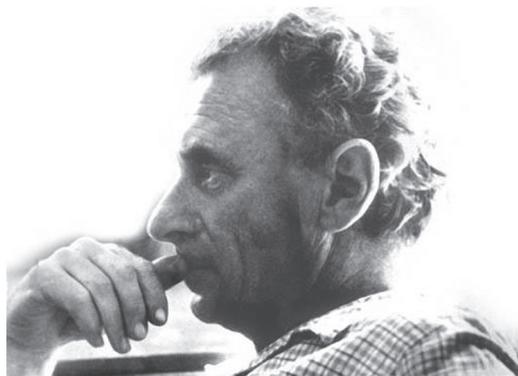

Дусавицкий
Александр Константинович

школьников и начато создание комплекта экспериментальных учебных пособий – библиотеки по внеклассному чтению для начальной школы (автор – знаменитый детский поэт и психолог Вадим Александрович Левин. Именно в четвертой школе осуществился решительный переход Вадима Левина-педагога – от клубной работы (знаменитый Литературный клуб во Дворце пионеров им. П.П. Постышева, 60–70-е годы) – к систематической работе в школе.)

В четвертой школе успешно работали знаменитые учителя Развивающего обучения – **Р.Ф. Пальчик, Л.В. Ямпольская, А.Г. Панченко, М.Я. Левина, И.М. Дмитриева, А.С. Хейфиц, Я.А. Лагунова, И.М. Бондаренко** и другие.

Надо сказать, что директор средней школы № 4 Зоя Михайловна Соколова приложила героические усилия, чтобы предоставить ученым все возможности для успешного продолжения работы всесоюзного и республиканского значения, а детям экспериментальных классов, перешедшим из школы номер 17, – уютные условия для учебы.

Библер
Владимир Соломонович

Нужно было не потерять – при переходе – детей и учителей и сохранить классы, не имея возможности при этом расширить школьную территорию.

Это была трудная задача. Некоторое время в школе работали как бы два коллектива – собственно четвертая школы и «учителя семнадцатой школы». И с этим нужно было разобраться. Зоя Михайловна с этой задачей успешно справилась.

Работа по созданию учебников Развивающего обучения для массовой школы успешно продолжилась и при новой администрации 4-й школы (директор Н.В. Андреев, завуч по учебно-воспитательной работе И.А. Коникина).

И только когда в 1983 году экспериментальное обучение по системе В.В. Давидова было административно приостановлено – сначала в Москве, а затем и в Харькове, учебные пособия «пошли под нож» и были запрещены, – было прекращено Развивающее обучение и в четвертой школе. Лаборатория психологии обучения была расформирована.

Исследования возобновились только в 1987 г., в Базовой экспериментальной средней школе № 106 при Красноярском университете (директор И.Д. Фрумин), подхватившей все то ценное, что было накоплено в 91-й

школе г. Москвы и в 4-й школе г. Харькова. В первые годы приходилось возить в Сибирь учебники В.В. Репкина – из Харькова, где они хранились в квартирах, на чердаках, в подвалах и книжных шкафах. В настоящее время по учебникам, сделанным на базе эксперимента в 4-й школе, работает более десяти процентов школ России и около двух процентов школ Украины.

2. Школа диалога культур

Школе № 4 было суждено стать колыбелью еще одного уникального педагогического эксперимента. Именно здесь была создана Школа диалога культур.

Школа диалога культур была основана в 1978–1983 гг. в средней школе № 4 города Харькова под руководством выдающегося философа XX века **Владимира Соломоновича Библера** (Москва) учителем математики **С.Ю. Кургановым** и учителем русской литературы **В.Ф. Литовским** при участии профессора Харьковского государственного университета В.А. Ямпольского. Именно в 4-й школе были проведены первые уроки-диалоги по природоведению (проф. В.А. Ямпольский), литературе и истории (В.Ф. Литовский), математике и чтению (С.Ю. Курганов).

Именно здесь была создана концепция учебного диалога как особой формы обучения.

Именно в эти годы, анализируя уроки-диалоги С.Ю. Курганова, В.Ф. Литовского и В.А. Ямпольского, проведенные во вторых-седьмых классах четвертой школы, философ В.С. Библер (Москва, НИИ ОПП АПН СССР) начал создавать оригинальную систему образования – Школу диалога культур (1–2 классы – «точки удивления», 3–4 классы – античная культура как единый и единственный целостный предмет, 5–6 классы – средневековая культура, 7–8 класс – культура нового времени, 9–10 классы – культура XX века).

Решающие педагогические эксперименты, позволившие сделать вывод о жизнеспособности и практической значимости концепции ШДК В.С. Библера, были проведены С.Ю. Кургановым и В.Ф. Литовским именно в стенах средней школы № 4 г. Харькова, а затем успешно продолжены и развиты в школе № 142 г. Харькова (директор Л.Н. Косыченко), экспериментальной школе при Челябинском университете (научные руководители – проф. Л.А. Месеяшина и канд. психол. наук В.Ф. Литовский), в Базовой экспериментальной средней школе-гимназии № 106 «УНИВЕРС» при Красноярском университете (директор – проф. И.Д. Фрумин), в Харьковской гимназии «ОЧАГ» (директор Е.В. Медреш, учителя С.Ю. Курганов, В.З. Осетинский, Е.Г. Донская, И.М. Соломадин), в «Школе диалога педагогических культур» г. Томска (директор проф. Т.А. Ковалева, учитель канд. пед. наук С. Баронене), в экспериментальных площадках, которыми руководит Киевский Институт психологии им. Г.С. Костюка (научный

руководитель – член-корр. академии наук Украины, профессор Г.А. Балл, участники работы – В.Ф. Литовский, А.Г. Волынец, Л. Богачик-Волынец и др.), в средней школе г. Чайковского (директор А. Куляпин), в экспериментальных школах «Зимородок» и «Диалог» г. Новосибирска (директор школ доц. Ю.Л. Троицкий, учителя – В. Касаткина и Н. Кузнецова), в школе «УМКА» г. Новосибирска (Е.Г. Ушакова и М.Ф. Серант), на кафедре психологии Красноярского педагогического университета им В.И. Астафьева (доц. А.Н. Юшков), в Красноярском Литературном лицее им. В.И. Астафьева (директор М.О. Саввиных) и др.

Для Зои Михайловны Соколовой руководство учителями-диалогистами представляло тоже достаточно сложную работу.

На уроках-диалогах по литературе В.Ф. Литовский и его ученики чрезвычайно своеобразно и необычно толковали Толстого и Шолохова, античные мифы и «Капитанскую дочку» Пушкина.

В.Ф. Литовский «превращался» в Зевса, а В.А. Ямпольский – в древнегреческого ученого. В.Ф. Литовский призывал шестиклассников осудить восставших титанов, а В.А. Ямпольский обоснованно утверждал в диалогах с третьеклассниками, что Земля не является шаром. С.Ю. Курганов вместе с пятиклассником Ваней Ямпольским усомнился, что у треугольника все вершины не могут лежать на одной прямой и конструировал точку пересечения высот, расположенную в бесконечности. Младшие школьники спорили, кто прав – Павел Коган, полюбивший Угол, или Наум Коржавин, полюбивший Овал.

Дети выпускали стенгазеты – про неустрашимые споры Коржавина и Когана, Карпова и Корчного. Художница-шестиклассница Аня Кушнир рисовала газету, посвященную Владимиру Высоцкому. А дочка Александры Семеновны Хейфиц играла на гитаре и пела для нас песни Булата Окуджавы, которые тут же комментировал и проблематизировал В.Ф. Литовский. С нашими учениками мы ходили на занятия в клуб авторской песни, которые вела Марина Меламед. Теперь она – очень известная певица, а тогда только начинала. И нам очень нравилась.

Учителя Школы диалога культур играли в студенческом театре «ВИТРАЖИ», и так мы познакомились с творчеством замечательного поэта, музыканта, актера, журналиста Бориса Косвина, автора нашумевших «Ассимилянтов» и песен к спектаклю Э. Радзинского «Она в отсутствии любви и смерти», которые были у всех на слуху.

Раз в неделю – в экскурсионный день – третьеклассники ходили в «математические походы» в Лесопарк, где с помощью сложных карт изучали спортивное ориентирование, а заодно и осваивали понятия вектора и отрицательного числа. Вместе с корифеем туризма и спортивного ориентирования Украины Геннадием Петровичем Застером (Дворец пионеров, клуб «ТРОПИИКА») ходили в большие, серьезные походы. Сначала – по

Харьковской области. Потом – в Крым и на Кавказ. Валя Решетняк, ученица Школы диалога культур, побеждала на международных соревнованиях по спортивному ориентированию.

Раз в четверть В.Ф. Литовский ставил большой спектакль в школе и раз в четверть – спектакль «Лес чудес» – в лесу. Он же, вместе с полковником Тоньшиным (дедушкой одного из учеников Школы диалога культур) поводил потрясающе яркие военные игры для всей школы – тоже в лесу и тоже по настоящей карте.

В шестом классе, летом, несколько учеников Школы диалога культур (Антон Ревво, Игорь Геккер, Миша Гринберг, Женя и Гена Титов) сами, без взрослых, жили на «необитаемом» острове на Старом Салтове, и никто из взрослых не вмешался в эту авантюру – и учителя, и родители были уверены, что у ребят все будет в порядке. Так оно и оказалось.

Учитель математики С.Ю. Курганов вдруг просил у директора право вести уроки физкультуры (в седьмом классе Школы диалога культур), ему это разрешалось – и он вводил в 4-й школе игру в ручной мяч по примеру физико-математической школы № 27. И все увлекались ручным мячом – и мальчики, и девочки. Осенью и весной С.Ю. Курганов проводил общешкольный футбольный чемпионат по круговой системе. А зимой мальчишки заливали каток возле школы и играли в хоккей.

Для конкурса строя и песни третьеклассница Юля Богданович сочиняла оригинальную музыку на стихи Ильи Эренбурга.

Учителя и ученики Школы диалога культур писали стихи, пьесы, сказки, математические сочинения, эссе, и все это составляло содержание стенных газет и литературных журналов. Замечательно рисовали Аня Кушнир и Аня Королева. Рок-группой руководил талантливый музыкант Витя Авдеенко. Мы без конца ходили с учениками в театры. Это было необходимо, чтобы ставить пьесы самим. Особенно любили бывать на репетициях в ТЮЗе у Александра Беляцкого – когда он ставил Мольера с великим Антоновым в роли Журдена. Любили Шатрова – «Синие кони на красной траве».

Зоя Михайловна Соколова все это в целом одобряла. С В.Ф. Литовским долго обсуждала его уроки – диалоги по литературе. С.Ю. Курганова журила за то, что он повел семиклассников на репетицию «Мещанина во дворянстве» вместо школьных уроков. Учителя и ученики Школы диалога культур чувствовали себя в четвертой школе в 1978–1982 гг. комфортно и свободно, хотя и осознавали, что начальство есть и понимает то, что делают экспериментаторы и ученики экспериментальных классов, и в большинстве эпизодов школьной жизни – находится на их стороне.

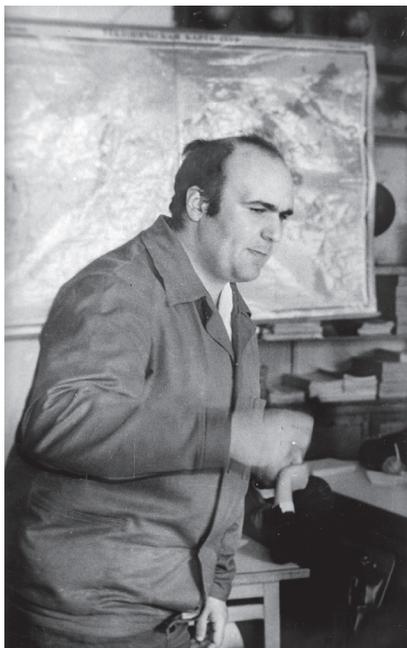
*4-я школа - первая
школа диалога культур*

*В.Ф. Литовский,
учитель русского языка
и литературы*

«ВЭШКАМ» и «ГЭШКАМ», строившим вместе со своими учителями Школу диалога культур.

Затеяв в качестве учителей начальных классов харьковской СШ № 4, поисковый психолого-педагогический эксперимент, показавший возможность построения школы в библеровском понимании диалога культур, мы с С.Ю. Кургановым прежде всего втянули в него «вэшэк» и «гэшэк» – наших учеников из третьего «В» и «третьего «Г» классов.

Вместе с учениками-третьеклассниками в эксперименте, проводимом на базе этой школы с 1979 по 1984 год, участвовали родители наших учеников, а также философы, психологи, культурологи, математики, лингвисты, историки науки, работавшие в философском, и семинаре, руководимом выдающимся философом и логиком В.С. Библером. В 70-е годы В.В. Давидов привлек В.С. Библиера к разработке проблем философии образования под эгидой НИИ Общей и педагогической психологии АПН СССР.

Литовский
Вениамин Федорович

Все то, что происходило с нами и нашими учениками могло произойти только в удивительной – очевидной и невероятной – ЧЕТВЕРТОЙ ШКОЛЕ. В этой школе, в ее здании по Лермонтовской 15/17, в ее ежедневной работе разворачивались – одновременно – два совершенно различных по своим философским, психолого-педагогическим и психолого-дидактическим основаниям учебных процесса.

Во-первых, это учебный процесс школы, которую В.В. Давидов определял как традиционную школу, формирующую у своих учеников эмпирическое мышление. Во-вторых, учебный процесс инновационной школы восхождения от абстрактного к конкретному, которая в соответствии с идеями Д.Б. Эльконина, В.В. Давидова

формировала у своих учеников теоретическое мышление в понимании сущности такого мышления замечательным советским философом Э.В. Ильенковым.

Только в таком культурном пограничье и могли сложиться условия для построения учебного процесса на основании диалогических отношений между всеми его участниками. Этот учебный процесс, как основание для создания диалогической школы, в равной степени противостоял учебному процессу в традиционной школе и учебному процессу в инновационной школе Д.Б. Эльконина, В.В. Давидова, Э.В. Ильенкова как единому учебному процессу монологической школы.

И достижения, и неудачи, которые в этом эксперименте принадлежат «вэшкам» и «гэшкам», определили собою пути построения Школы диалога культур на протяжении тридцати лет ее истории. При этом осмысление «вэшками» и «гэшками» этих достижений и неудач, оказываются не менее значимыми для становления Школы диалога культур, чем размышления над ними как их учителей и родителей, так и ученых мирового класса, участвовавших в эксперименте в 80-е и 90-е годы XX столетия. Эти суждения нередко обладали настолько мощным эвристическим потенциалом, что их продумывание приводило педагогов и психологов, участвовавших в разработке и осуществлении этой концепции к пересмотру – переопределению – некоторых ее опорных положений.

Поэтому мы полагаем, что Школа диалога культур принадлежит не к традиции педагогики сотрудничества учителей и учеников, но к традиции педагогики их соавторства. Мы не называем имен наших учеников-соавторов, поскольку пришлось бы перечислить весь список тех, кто учился в третьем, четвертом, пятом «В» и многих из тех, кто учился в третьем, четвертом, пятом «Г».

В отличие от учеников класса «В» не всем «гэшкам» нравилось формирование в диалоге равных прав каждого из его участников на построение своей речи и равной ответственности за созданную речь. Не все они принимали и то, что сформировавшиеся в диалоге отношения равенства между его участниками и ответственности каждого из них за свою речь «вэшки» переносили и в сферу управления ими внешкольной жизнью своего класса. При этом ответственность каждого из них за свою речь перед одноклассниками дополнялась его ответственностью перед ними и за свое действие.

Но диалоги о стихотворениях М. Лермонтова, П. Кюгана, М. Горького в третьем классе, диалоги об определении треугольника в ... классе, диалоги о пушкинской «Капитанской дочке» в шестом классе захватывали равным образом и «вэшэк» и «гэшэк», продвигая развитие и практики, и теории Школы диалога культур. Разумеется, своеобразие каждого класса находило свое отражение в том, как преломлялись в диалоге его учеников восприятие одних и тех же произведений и проблем мировой культуры.

Отметим, что на шестом и седьмом году школьного обучения большинство из наших учеников и в классе «В», и в классе «Г» потеряли интерес к эксперименту, в котором участвовали. Наш эксперимент вошел в полосу, не то чтобы явных неудач, но скорее таких психолого-педагогических и социокультурных ситуаций в жизни, ученических коллективов «вэшек» и «гэшек», продуктивный смысл которых не был тогда адекватно понят нами.

Тем интереснее и важнее возвращение многих из наших учеников к участию в эксперименте в девятом и десятом классах. На этом этапе эксперимента (во второй половине 80-х годов XX века) они стремились вместе с нами, во-первых, продумать, что же происходило с учениками и учителями в упомянутых выше ситуациях, а, во-вторых, разработать конструктивные подходы к разрешению этих ситуаций и экспериментально проверить возможность осуществления этих подходов.

Тридцать лет работы, наши многолетние и успешные эксперименты по построению Школы диалога культур в гг. Харькове, Киеве, Запорожье, Виннице. Особо отметим чрезвычайно важный для нас эксперимент по созданию такой школы в Челябинске, который мы с 1989 года настоящее время проводим совместно с Челябинским государственным университетом Российской Федерации. При этом эвристический потенциал творческого опыта «вэшэк» и «гэшэк» до сих пор не исчерпан.

Я думаю, что к этим моим словам присоединится и С.Ю. Курганов, осуществляющий свой вариант создания Школы диалога культур на основании базовой ее концепции. Одиннадцать лет вел он работу по осуществлению философского замысла и психолого-педагогической концепции Школы диалога культур в Красноярске. Десять лет работает он, создавая начальную школу диалога культур в харьковской частной гимназии «ОЧАГ». Уверен, что он вновь и вновь возвращается к тем идеям, предположениям, догадкам, которые сложились в нашей соавторской работе с «гэшками» и «вэшками» ЧЕТВЕРТОЙ ШКОЛЫ.

Спасибо, наши юные, а теперь уже и не очень юные коллеги. Надеемся, что для вас при всех наших несомненных ошибках и более чем многочисленных недостатках, мы остаемся теми школьными учителями, с которыми их ученикам интересно и на уроке, и в походе.

*В.Ф. Литовский, кандидат психологических наук,
докторант Института психологии им. Г.С. Костюка АПН Украины,
руководитель харьковской исследовательской группы
«ШКОЛА ДИАЛОГА КУЛЬТУР».*

*Дела давно
минувших лет...*

*Маина Яковлевна Левина,
учитель русского языка
и литературы*

Левина
Маина Яковлевна

С Зоей Михайловной Соколовой я познакомилась в 1953 г., когда она была назначена директором 5-й средней школы, где я уже два года работала учителем русского языка и литературы.

Школа была открыта в 1950 г. буквально в полуразрушенном здании после ВОВ. Восстановлена была только часть помещения со стороны двора. Учащиеся были переведены из разных школ вместе с учителями, несколько человек только что окончили пединститут или университет и практически не имели педагогического опыта. До прихода Зои Михайловны сменилось два директора, за это время не сложились ни учительский, ни ученический коллективы. Таким образом, перед новым директором стояла очень трудная задача – создать Школу. Началась новая жизнь: без резких выговоров, доброжелательное отношение к личности как учителя, так и ученика, посещение директором уроков и грамотный анализ их, помощь в подготовке к урокам и требование: на уроке время должно быть отведено только на обучение, а не на нравоучительные выговоры по поводу хотя бы плохо вытертой классной доски.

Итак, главное – высокое качество урока и повышение учительского мастерства.

Вскоре о 5-й средней школе заговорили как об одной из лучших школ города. Зачастили всякие гости, особое внимание оказывал обком партии, который находился почти что рядом. Зачастили разные делегации. Был какой-то американский миллионер, даже дважды, удивлялся знаниям учащихся по математике, биологии, географии и английскому языку, писал в Америке благожелательные статьи, за что ему запретили ездить в СССР, но еще в течение многих лет он присылал Зое Михайловне поздравительные открытки к Новому году.

Зоя Михайловна не была консерватором и следила за новыми веяниями, появляющимися в педагогике. Обсуждали мы и осуждали знаменитый

«липецкий метод», который, что греха таить, оказался неприемлемым. В это же время уже заговорили о появлении какого-то эксперимента под руководством В. В. Репкина. Отношение учителей, директоров школ было различное: больше всего ироничное, часто даже недоброжелательное. Зоя Михайловна говорила, что надо присмотреться, а потом делать выводы.

И вот однажды появляется в 5-й средней школе Репкин. Дело оказалось в том, что по требованию эксперимента контрольные работы, которые проводились в экспериментальных классах, необходимо было провести для сравнения и в обычных. Очень неохотно руководство школ соглашалось на это. Зоя Михайловна разрешила без долгих разговоров, в какой-то степени заинтересовалась этим новым методом. Будучи заведующим Киевским РОНО, Зоя Михайловна по мере возможности старалась разобраться и понять, почему родители старались отдать своих детей именно в 17-ю среднюю школу.

Лично я до поры до времени никакого отношения к эксперименту не имела и Репкина В.В. знала только визуально. Но мне по многим причинам пришлось расстаться с 5-й школой и перейти в 17-ю, при которой и находилась лаборатория Владимира Владимировича Репкина. Завуч школы привела его однажды ко мне на урок русского языка в 7-й кл. Оценка, высказанная им, была необычная. Он сказал: «Занятно!». А потом раза два или три приходил один, я слышала: «Спасибо!» – и все. А потом он уехал в отпуск, а Зоя Михайловна рассталась с РОНО и стала директором 4-й средней школы и пригласила меня работать в качестве организатора внеклассной работы. Я быстро поняла, что эта работа в масштабе всей школы мне не по плечу и буквально выплакала разрешение Зои Михайловны оставить меня просто учителем.

Мне рассказывали учителя 17-й школы, что когда Репкин вернулся из отпуска и узнал, что я уже в другой школе, то он завучу сказал: «Как Вы могли отпустить такого учителя!». Нескромно, конечно, об этом писать, но что было, то было. И я этим на старости лет горжусь.

Но вдруг, в 1972 г. происходит крупный поворот в моей жизни. Здесь придется сделать отступление от основной темы. Дело в том, что институт АН СССР решил создать учебник для 5–8 кл. на глубокой научной основе. Пригодность его нужно было опробовать в школе. Но что-то в Москве не получалось, уроки шли со скрипом, неинтересно. До создателей учебника дошел слух, что в г. Харькове есть Репкин В. В., руководитель необычайной лаборатории, они быстро связались с ним – и закипела работа.

Дело было еще в том, что Репкина волновал вопрос о дальнейшей судьбе учеников экспериментальных классов, ведь им было очень трудно в 4–5 классе окунуться в рутинные методы преподавания. Получалось, что ученики и преподаватели говорили на разных языках: их приучили думать, доказывать, рассуждать, и вдруг нужно было молча внимать, зубрить, зубрить ...

Короче, Репкин вспомнил обо мне и уговорил Зою Михайловну отпустить меня снова в 17-ю школу. В течение 5 лет я работала вместе с Владимиром Владимировичем и замечательными московскими учеными.

Естественно, возникает вопрос: какое отношение это все имеет к Зое Михайловне Соколовой. А самое прямое. За много лет совместной работы мы с ней сдружились семьями, дни рождения и праздники отмечали вместе, и при переходе моем в другую школу дружеские связи не нарушались. Кроме того, как я уже говорила, Зоя Михайловна косвенно интересовалась экспериментом. Практически я к работе всей лаборатории не имела отношения, передо мной стояла задача показать, что на основе знаний учащихся, полученных в экспериментальных классах, можно переосмыслить методы работы в средних классах. За месяц Владимир Владимирович ввел меня, как говорится, в курс дела, и началась необыкновенно интересная работа, удивлявшая приезжающих ученых тем, как увлеченно работают ученики.

Так как разработка уроков часто происходила в моем доме, иногда присутствовала и Зоя Михайловна. Она полностью согласна была с Владимиром Владимировичем в том, что залог успешного образования зависит от обучения в начальных классах, хорошо понимала смысл проблемного обучения, а основное положение «учить учиться» воспринимала как боевой призыв. По возможности она помогала нам: разрешала в 4-ой средней школе проводить семинары для учителей, пожелавших познакомиться с новым учебником русского языка, выделила два класса, в которых можно было проводить необходимые контрольные работы.

И вполне естественно, что когда в 1978 г. 17-ю среднюю школу перевели в новое помещение на Салтовке, а в старом устроили центр трудового обучения ряда школ Киевского района, Соколова З. М., как мы говорили, приютила экспериментальные классы.

Это был очень тяжелый период в жизни школы. Разместить новые классы, ввести в коллектив новых учителей, старые учителя лишались гостиной (была такая приятная комната при учительской); комнату, в свое время предназначенную для работы Совета дружины, превратили в обычный класс. А для работы лаборатории места просто не было. Собирались, где придется, главным образом в очень маленькой комнате при библиотеке, называемой миничитальней, что не нравилось заведующей библиотекой.

Но несмотря ни на что, эксперимент жил. И живет!

Я писала просто воспоминания об умном человеке, который умел смотреть вперед и который всей душой принимал все то новое, что приносило пользу процессу воспитания молодого поколения.

Недавно мне передали мнение одного старого учителя, который сказал следующее: «Учителя 4-й школы многого не умели. Они умели только хорошо учить!». По-моему, очень высокая оценка труда Соколовой Зои Михайловны.

Другая интонация

С.Л. Соловейчик,
«Учительская газета»,
19.11.1987 г.

Пальчик
Раиса Федоровна

Все спрашивали, был ли я на уроке у **Раисы Федоровны Пальчик**. Но лишь в последний день командировки я попал в 4-ю харьковскую школу, во второй класс «Е», и сразу скажу, что не ушел, а выбежал из класса, возмущенный донельзя. Давно не охватывала такая злость, такая ярость, и вся она вылилась на первого попавшегося сотрудника облоно: «Что же мы делаем, – не мог я сдержаться, – ну что же мы все делаем? Вот как должно учить детей!».

До этого я был в другой школе, у **Людмилы Васильевны Ямпольской**. Она и Раиса Федоровна – двое из бывших учительниц той лаборатории, где проводился знаменитый харьковский эксперимент – обучение по теории содержательного обобщения. Кажется, их чуть ли не двое осталось, если я не ошибаюсь, – Л. Ямпольская и Р. Пальчик.

В те времена учителей начальных классов готовили к занятиям всей лабораторией, психологи разрабатывали для них урок за уроком. Учителя постепенно приобретали новые качества, обучались непривычной манере говорить с детьми, непривычным приемам, усваивали непривычные цели – развивать, развивать, развивать ум ребенка. У них были свои экспериментальные учебники, своя программа...

Как можно было это все закрыть, разогнать, растоптать? Почему бы сегодня, спустя много лет, не отыскать виновных, и если не наказывать их, то хотя бы объявить их имена, чтобы неповадно было закрывать хорошую школу, многообещающий эксперимент.

Бюрократ сегодня – не человек с бумагами, он сегодня первый против бумаг и против инструкций, он занят другим, он тесно связан с жизнью – он душит все живое, он душитель. Он наработал до того послушный аппарат, что стоит мизинцем двинуть – и нет человека, и нет школы, поскольку нет на свете школы, которую нельзя было бы разгромить, нет человека, которого нельзя было бы оклеветать, и нет идеи, которую нельзя было бы опорочить.

Но что же было на уроке Раисы Федоровны, что восхищает?

Крайне простые с виду маленькие происшествия.

– Не разучились ли мы с вами за воскресенье грамотно писать? – спросила учительница, поздоровавшись с ребятами, и дала им маленький диктант: «Весенние деньки. Дождливая весна. Ослепительное солнце. Радостный праздник».

Мальчик по имени Валера писал на доске. Когда он закончил работу, оказалось, что в слове «дождливая» первую гласную он пропустил:

«Я не знаю, как писать: «дождливая» или «даждливая?» – объяснил он.

Весь результат учения и воспитания проявился в интонации этого мальчика, в том, с какой простотой и уверенностью произнес он свое «не знаю».

Учительница сильно похвалила его.

– Мне приятно, – сказала она, – что там, где Валера не знает, как пишется звук в слабой позиции, он и не пишет. Спасибо! Молодец!

В конце урока был такой эпизод. Учительница спросила детей об окончании прилагательных, получила ответ и сказала:

– Встаньте, пожалуйста, все, кто согласен!

Дети встали – все, кроме одной маленькой девочки.

Учительница мягко попросила ее объясниться. Девочка – ее звали Аня – сидя (а весь класс стоит!) совершенно спокойно сказала:

– Я забыла, на какой вопрос отвечает прилагательное, поэтому я не встала.

А вы, читатель, могли бы сидеть там, где все до одного встают?

Недавно где-то писали, что нынешняя школа растит сутулых детей – не только физически сутулых, но и нравственно сутулых, привыкших сгибаться, привыкших действовать как все: все сидят – и он сидит, все встали – и он встал, все голосуют – и он голосует... Какой вред приносят эти люди в жизни – вряд ли об этом надо говорить.

Но вот в некоторых классах уже учат детей так, чтобы они росли прямыми. А в других?

А вот, как воспринимали нетрадиционное обучение сами ученики....

*Менять мир так легко,
что просто лень это делать!*

*Антон Ревво,
выпуск 1987 г.*

Я, как и большинство моих сверстников, отучился 10 лет. При этом мне, по-моему, сильно повезло: мое детство пришлось на конец 70-х – начало 80-х уже (кошмар!) прошлого века. Да что там века! Тысячелетия, до-компьютерной Эры...

Конкретно школьные годы – 1977–1987. Расцвет Советской Средней Школы (и я в это верю!!!). У нас ВСЕ БЫЛО! Ну, кроме разве что красно-черной икры (которая тоже была, просто по-праздникам и «не для всех»...).

Правда, с идиотизмом тоже все было хорошо: в моей «по месту жительства» школе шариковая ручка приравнивалась к измене Родине. Считалось, что грамотный Советский человек ДОЛЖЕН писать пером, да еще и получать от этого удовольствие! И это я, ребенок, живой и непоседливый, как может быть непоседлив только совершенно здоровый мальчишка в 7 лет?!

Отчасти поэтому меня отдали вместо 36-й школы в 17-ю, на Петровского, с математическим уклоном. Там я отучился ровно один год. Потом 17-ю закрыли, а вернее объединили с 4-й. Туда надо было ходить через кладбище или через «Гигант» (комплекс общаг студенческих), и мама меня честно сопровождала ровно 3 дня, показывая «потайные индейские тропы». Потом я уже шастал в новую школу самостоятельно... Это я к тому, что времена были спокойные, безпаранойные: многие из современных родителей отпускают ребенка в Большой Город одного?

Вместе с нами, первоклашками, на новое место работы попали и наши учителя, молодые, только после института, специалисты. Наша классная руководительница – Людмила Васильевна и пара Курганов–Литовский определили мою судьбу на всю оставшуюся жизнь! Но всему свое время...

Естественно, после объединения школа была слегка переполнена: учились в две смены. Впрочем и тогда и сейчас я считаю, что это совершенно нормально. Четыре параллельных класса, я был «гэшкой»... Или «Гэшкой», так будет правильнее! Ведь мы были пришельцы, соответственно представляли благодатный материал для разработки. Чем и не преминули воспользоваться «соответствующие органы» (нет-нет! никаких кошмаров, все в порядке: я имею в виду ОблОНО). На нас «обкатывали» методику Школы Диалога Культур, или учили меня мир «под себя», кому как больше нравится. Мне больше по душе определение – Лентяй, опять-таки обязательно с Большой Буквы «Эл»!!!

В рамках подобного подхода мы ходили в походы чуть ли не с первого класса, дружили с Природой, учились Видеть и Слышать... Ставили школьный спектакль «Лес Чудес» в реальном лесу, прообраз Ролевых Игр будущих Хоббитов, несколько лет подряд... Кто никогда не пробовал управлять толпой подростков в 30–40 штук, дорвавшихся до лесной вольницы, ставить им драки на дубинах (согласно сценарию были суровые разборки между добрым Робин Гудом, которого играл я, и злым Людоедом, которого вдохновенно изображал учитель русского языка и литературы Вениамин Федорович Литовский), метать ножи и топоры над головой визжащих «младших классов» – тот никогда не поймет, что только Чудом и мастерством учителей можно объяснить отсутствие смертельных случаев на этих импровизированных постановках!!! А еще на уроках математики мы читали «Мастера и Маргариту». Вслух, принародно... Что впрочем не повредило усвоению основного материала – математику я знаю, вернее даже, понимаю!

Математику у нас вел Сергей Юрьевич Курганов, по совместительству бывший и классным руководителем. Уроки были образными, интересными, но совершенно нетрадиционными...

Тем временем в школе сложилась нездоровая обстановка: старый педсостав 4-й школы не одобрял пришедших из 17-й учителей, их методы казались старожилам дикими, неправильными. Цели и задачи – непонятными, идеалы – не нашими... В результате подковерной борьбы у нас сменился классный руководитель. Им стала учительница украинского языка и литературы Галака Валентина Ивановна. Произошло это в середине учебного года и я ей не завидую: сомнительное удовольствие получить под свою ответственность четыре десятка семиклассников, привыкших думать самостоятельно! Да еще и с задачей сделать из них «верных строителей коммунизма», причем в кратчайшие сроки...

Нет, явно не повезло человеку!!! С задачей Валентина Ивановна не справилась, да и не могла справиться уже по определению задачи.

А для нас потянулись серые годы обучения. Довольно быстро мы приспособились к новым требованиям учителей, быть «как все» оказалось легко: в сочинениях на уроках заслуженной учительницы Светланы Ивановны

Бабич надо было четко придерживаться Генеральной линии Партии и пятерка получалась автоматически. Остальные предметы также поддавались творческим подходам к изучению: так на уроках химии я «ремонтниковал оборудование» в подсобке и за неоценимый вклад в восстановление школьного имущества получал свои 5 баллов. Аналогично – с физикой. Сложнее всего приходилось на истории. Ее у нас вела Заливадная Светлана Михайловна, женщина строгих правил. К ее экзаменам приходилось готовиться. Впрочем шпаргалки никто не отменял, так что... Эти навыки мне тоже пригодились в дальнейшем!

Еще вспоминаются уроки труда. На них мы вытачивали из квадратных ножек табуреток всякие безделушки на токарных станках «Умелые руки», делали кольца из старых раскладушек с помощью напильника, ножовки по металлу и шлифовального станка (блеск, как получалось!), а также резали паяльниками полиэтиленовые пакеты (дрянь пакеты выходили, честно говоря!). Труд у нас вел Юрий Лаврентьевич (фамилию я, к сожалению, не помню...). Он был фронтовиком, разведчиком и не слишком любил детей в целом, как вид. Но к тем, кто проявлял себя трудолюбивым и не боящимся техники, Юрий Лаврентьевич Швагер относился хорошо. Это единственный человек, который на моих глазах поднимал обеденный стол в школьной столовой, накрытый на четверых (первое, второе и компот)... зубами!!! Обалденный трудовик!!!

Всего через полтора года из четырех 8-х классов сделали два 9-х. Остальные пошли в ПТУ. А мы на один день в неделю вернулись в 17-ю школу, из которой к этому моменту сделали участок по профессиональной ориентации. Я хотел было попасть на автодело (права на халяву!), но вместо этого стал радиомонтажником, что опять-таки пригодилось в дальнейшем.

На выпускной вечер я приехал прямо из яхт-клуба, чем очень шокировал школьную администрацию при вызове для получения аттестата.

Иногда я думаю, как бы повернулась жизнь (в частности моя), если бы нас обучили до конца? Ведь менять мир так легко, что просто лень это делать!!!

*Искусство быть
смирным*

Ольга Болотина,
выпуск 1989 г.

Ольга Болотина

Часто мне приходилось слышать от многих людей, что школа была самым светлым, самым лучшим временем их жизни, потому что детство (разумеется, счастливое), потому что «в первый раз», потому что все еще чисто, прекрасно и солнечно. У меня лично школа никогда не ассоциировалась с клубничным вареньем, она всегда была для меня разной и далеко не однозначной, как с точки зрения преподававших в ней учителей, так и с точки зрения личных взаимоотношений, процесса обучения и атмосферы в целом. Я бы сказала, что это

был самый... острый период в моей жизни, многое из которого не просто запомнилось, но врезалось в память настолько сильно, что до сих пор иногда снится или каким-либо иным странным образом напоминает о себе...

В определенном смысле точкой отсчета стала смерть Брежнева. Похоронили мы его дружно, всем 3 «В» классом, в квартире у старосты. В прихожей для создания настроения уже висел свежевырезанный из газеты портрет усопшего, с пришпиленными к нему черной и красной ленточкой, а в гостиной мягко играла похоронная музыка. Но это, увы, не помогло, потому как один наш товарищ, очень похожий на Буратино, активно нас смешил на протяжении всей трансляции, строя рожи и всячески копируя процессию, а мы давились от смеха под укоризненные взгляды взрослых... Вскорости к Брежневу присоединились и другие вожди, которых мы не менее весело похоронили уже в кабинете физики. А потом были БГ и Цой, «искусство быть смирным», «дайте мне стену, в которую можно вбить гвоздь»... Высоцкий и барды, Deep Purple и Rainbow, Modern Talking и «итальянцы»... Тайно купленные за 8 рублей у отца одноклассницы «Мастер и Маргарита», совершенно жутко отксерокопированные и с кучей пропущенных страниц... Переворачивающие сознание фильмы «Асса» и «Игла»... До сих пор помню длину очередей в кинотеатр «Украина» на фильм «Маленькая Вера». Наш девятый класс... Мало кому хватало одного раза, независимо от возраста и пола. Некоторые приходили в зал исключительно ко времени трансляции полового акта и уходили ровно через пять минут, как только все заканчива-

лось... В нашем восьмом классе родилась программа «Взгляд», с родителями допоздна и с горячими обсуждениями по выходным... В общем, много чего было, как и в любом другом времени...

Я иногда думаю, почему с точки зрения процесса обучения мне так ярко помнится начальная школа и так плохо – все, что было потом. Воспоминания, относящиеся к последующим этапам, в большей степени почему-то связаны с тем, что было в плоскости личных отношений или вообще вне школы, а учеба как таковая всплывает в голове, в основном, в виде какого-то серого, нудного и бесформенного пятна. Возможно, причина в том, что наша начальная и последующая школы были катастрофически разными...

Помню, как я хотела, чтобы меня записали в «Б» класс, потому что там был весь мой детский сад, и как я плакала, когда мне сказали, что мест уже нет. А теперь я даже не знаю, кого мне благодарить – Бога, судьбу, родителей или всех сразу – за то, что я вроде как по чистой случайности попала именно в «В», а не в «Б», к **Раисе Федоровне Пальчик**. Класс был экспериментальным, по системе Развивающего обучения Эльконина-Давыдова. Теоретически эксперимент был рассчитан на 10 лет, но в начале 80-х вся эта история настолько не вписывалась в Систему и окружающую действительность, что через три года с экспериментом было покончено, и мы благополучно вернулись в милую сердцу казарму, или советскую общеобразовательную школу. Есть очень много статей о Развивающем обучении, за, против и проч. Я могу сказать только одно: большего кайфа от самого процесса обучения и учебной атмосферы в целом я не получала потом никогда. Я обожала ходить в школу, делать уроки, я помню магию класса, специально разработанные для нас учебные и наглядные пособия... Многие знания, полученные тогда, не только не стерлись из памяти, но даже используются мною по сей день. Простой пример: правописание безударных окончаний существительных. Вместо механической зубрежки окончаний падежей разных склонений, у нас было 4 слова-помощника, в которых окончания всегда ударные: стена, стол, окно, рожь. Элементарно и беспроблемно. И по сей день это первое, что приходит в голову. Помню, правда, что подобные «штучки» неизменно раздражали последующих учителей. Задаёт, бывало, учительница русского языка вопрос: «Почему в «тетради» окончание «и», а не «е»?» А мы ей: «Потому что «во ржи»». «Какая стена, какая рожь?» – злится она. – «Есть правила, которые нужно учить и знать. Третье склонение, предложный падеж. И все. И не надо здесь умничать». Если попытаться одним словом ответить на вопрос, чему лично меня как ребенка научил этот эксперимент, я бы ответила: *думать и не быть роботом*. А если несколькими словами, то я бы выделила три его составляющие, вспоминая именно свои тогдашние детские ощущения: *свободу, творческое мышление и уважение к личности*. Выражаясь современным языком, наши уроки чем-то напоминали *brainstorming*, при этом Учитель никогда не был диктатором, он творил

вместе с нами, разжигая в нас азарт научного поиска, помогая нам прислушиваться к себе и раскрывать свой потенциал. И этим Учителем с большой буквы, от Бога, была и остается Раиса Федоровна Пальчик, совершенно уникальный и удивительный человек. Я даже не знаю, какими словами выразить ей свою благодарность...

В рамках эксперимента у нас преподавал **Вадим Александрович Левин**, общение с которым всегда было удивительно ярким, живым и совершенно незабываемым. Помню, как-то в третьем классе он дал нам задание придумать четверостишие о зиме. А она, как назло, тогда как раз куда-то пропала. За окном было хмуро, мрачно, противно, хлюпающая слякоть, никакого намека на снег и соответствующее настроение. Ночью я долго не могла уснуть. А потом... – я никогда этого не забуду – первое в жизни стихотворение, как молния, как фейерверк изнутри, первое опьянение «творчеством» и состояние полного счастья:

Как не стыдно, Январь,
Тебе плакать зимой!
Иль тебе кого жаль?
Ты скажи, а не ной.

Помню, что Вадиму Александровичу очень понравилось, но совершенно не помню почему.

Много было заданий на развитие воображения и творческого мышления, например: как объяснить жителям Африки, что такое снег. Чего мы только ни придумывали! Вадим Александрович помогал нам почувствовать вкус и мелодию настоящей поэзии, учил нас нестандартно мыслить, слушать и не бояться проявлять себя... А потом сказка закончилась, и началась реаль-

ная жизнь. Свободные, творческие и самостоятельно мыслящие личности в Систему совершенно не вписывались и никому не были нужны. Помню свое колоссальное разочарование школой в четвертом классе. Нет, то, что было заложено в первые три года, убить, конечно, не удалось, но загнать глубоко внутрь – пожалуй. Да, внешне я была прилежной и послушной ученицей, активисткой, комсоргом, командиром отделения – в общем, всем, чем требовалось, чтобы только меня оставили в покое. Не было у меня еще тогда особых сил бороться с Системой. А внутри я мечтала побыстрее эту школу закончить, наконец-то оттуда вырваться и начать заниматься тем, чего мне действительно хотелось. С другой стороны, именно школа помогла мне многое понять в себе и других, а некоторые события, произошедшие в ее стенах, закалили на всю последующую жизнь. И за это я школе, действительно, благодарна.

Благодарна, конечно же, и учителям. С огромной любовью и теплотой вспоминаю **Ефима Моисеевича Квичко**, нашего классного руководителя в старших классах, его невероятную доброту, человечность и шикарное чувство юмора; строгую, но справедливую **Софью Феликсовну Волынскую** – прекрасного учителя английского языка; ярчайшую и импульсивную **Евгению Филипповну Есаулову** – учителя истории с замечательным чувством юмора. Зная слабые места Евгении Филипповны и особенно любовь к «поговорить», помню, как мы часто пытались сбить ее с толку какими-нибудь каверзными вопросами, чтобы, как минимум, пол-урока ушло на ответы и уже не осталось бы времени на проверку домашнего задания. Надо сказать, что очень часто нам это с блеском удавалось, особенно, если вопросы были общечеловечески-житейского плана. Я вообще мало что помню из школьной программы в целом, а вот три признака революционной ситуации запомнила на всю жизнь. Евгения Филипповна, кстати, часто говорила, что нам вовсе необязательно помнить наизусть даты каких-то там сражений. Задача ее предмета, ее как учителя, да и школы в целом не в том, чтобы вбить нам в голову знания, которые могут никогда потом не пригодиться, а в том, чтобы научиться выделять главное и ориентироваться в потоке информации в нашем дальнейшем профессиональном обучении и последующей жизни. И история как предмет – это не цель, а всего лишь средство. На самом деле, за это я ей очень благодарна. Она, действительно, научила нас выделять главное (помню даже, с каким характерным жестом она нам об этом говорила и как мы любили ее тайно передразнивать), и мне, действительно, это очень пригодилось потом в процессе обучения в университете.

С большой любовью и теплотой вспоминаю нашу молоденькую учительницу математики и классного руководителя **Елену Ильиничну Вайнштейн** (дочку Александры Семеновны Хейфиц). Помню, как она срывала голос, перекрикивая нас, маленьких чертят-пятиклашек, как мы писали ей письма в роддом со своими вариантами имен для ее новорожденной дочки, как

она ставила с нами Сказку про Принцессу и разбойников на сцене столовой, а «вся школа» нам рукоплескала, как мы ходили с ней в походы и как она, на самом деле, любила нас и свою профессию.

Никогда не забуду учителя химии. Под прикрытием завуча и директора (а также учителя биологии) она совершила должностное преступление, подставив в журнал задним числом оценку, которую я никогда не получала, тем самым лишив меня права на получение золотой медали. Многие учителя были на моей стороне, советовали, к кому обратиться в районо, но, во-первых, не хотелось подставлять единственного свидетеля, а во-вторых, тогда, в девятом классе, для меня уже было гораздо важнее потратить время на подготовку к поступлению в университет, чем на ненужные и грязные разборки, о чем я совершенно не жалею. Не могу сказать, что отсутствие золотой медали сильно омрачило мою дальнейшую жизнь, но определенный осадок от школы остался.

В заключение, не могу не вспомнить невероятно яркую и колоритную личность нашей школы, бессменную медсестру по кличке «Гестапо». Что бы мы без нее делали! Поразительно, что за двадцать лет она совершенно не изменилась и помнит чуть ли не каждого в лицо. В ней тоже кусочек нашего детства, с его запахами, прививками и взвешиваниями...

Выпуск 1988 г.

Выпуск 1984 г., 10 «Б» класс

Выпуск 1987 г., 10 «Б» класс

Харьковская средняя школа №4я

10-В 1987 г.

Выпуск 1990 г., 10 «А» класс

Выпуск 1991 г.
Средняя Школа №4
11-Б класс

Иванов
Юрий

Вашина
Вера

Пригодник
Андрей

Никитина С. П.
Хитина р-н.
Клишино

Лазав
Игорь

Сосва
Сяня

Маслов
Игорь

Любская
Вира

Михайличенко
Анна

Алексева
Лена

Кузнецов
Андрей

Мельникова
Ирина

Бабичкин
Вася

Скляров
Любовь

Загородная
Ирина

Косырев
Костя

Зайченко
Оля

Жигалов
Вова

Саченко
Вира

Князь
Сергей

Детарь
Лена

Морозова
Марина

Хилина
Костя

Мельник
Сяня

Гмура
Ирина

Чернакова
Марина

Печенко
Сергей

Прокурова
Вира

Киприч
Лена

Пермякова
Оля

Выпуск 1992 г., 11 «Б» класс

Выпуск 1994 г., 10 «А» класс

Выпуск 1996 г., 11 «А» класс

Выпуск 1998 г., 1.1 «А» класс

Выпуск 2000 г., 11 «А» класс

Детские думы

«Если в мире все бессмысленно, – сказала Алиса, – что мешает выдумать какой-нибудь смысл?»

Л. Кэрролл

Мы хотели закончить книгу описанием того, как современные дети, дети 2009 года, видят свою 4-ю школу. Да и не школа это уже, а педагогический лицей. Лицей, в котором дети, кроме общих дисциплин, изучают азы и премудрости педагогического мастерства. А может быть, кто-то из них, станет Учителем и продолжит цепочку наших Учителей.

Мы устроили в младших классах конкурс детского рисунка, в средних классах попросили написать сочинения на темы: «Моя школа», «Мой любимый учитель», а в старших классах – написать сочинения на тему «Школа будущего». Мы хотели закончить серьезно. Мы хотели, чтобы через 50 лет дети из будущего сравнили со своей действительностью то, что написали их далекие во времени одношкольники.

Но то ли современные ученики не хотели ничего серьезного, то ли мы ожидали чего-то другого, но пронизывающих душу тем или просто всплесков талантливых произведений мы не получили. Зато дети всегда остаются детьми, детский и юношеский юмор всегда согревает. Поэтому мы предлагаем вашему вниманию выдержки из этих сочинений и, конечно, рисунки победителей. Итак, школа № 4 глазами детей сегодня*.

«Щас весь класс учится хорошо, та и школа тоже, и если бы не школа, все б были неумными, необразованными, короче, туповатыми».

(6-А)

«В этой школе много знаний, она научит всех учеников как считать, писать и с каждым предметом становиться интересней».

(7-А)

«Я учусь в школе № 4. Я ученик 6-А класса. В классе 18 людей. Я учусь в 4 школе с 4 класса. Классный руководитель Олена Володимиривна. Чаще всего у нас 6 уроков, во вторник 5 уроков. В этом году школе исполняется 50 лет. В школе 3 этажа. У нас в классе очень плохое поведение. Мы часто ходим на экскурсии. В этом году к нам пришла новенькая Настя. В этом году наша школа прославилась. Школа находится на улице Лермонтовская».

(6-А)

* Грамматика и стиль авторов сохранены.

«После окончания младшей школы у нас зародилась новая школа и новые учителя».

(7-A)

«Я в кабінеті хімії, тут такі красиві колби, молекулярна структура речовин... Тож можна сказати, що наша школа – якась казка».

(5-A)

«Я рада, что учусь в этой школе, и когда я узнала, что ей 50 лет, я очень обрадовалась».

(7-A)

«... в школе поменяны окна, и сделан спортзал, но есть проблемы тоже – нельзя ходить с чёрной подошвой – только с белой».

«Я учусь в четвёртом лицее с первого класса. Но, правда, раньше это была школа... У нас очень дружный и весёлый класс. Иногда у нас бывают разногласия, даже бывают драки. Я тоже раньше любил драться. Но это всё в прошлом. Но я не теряю форму благодаря физкультуре и спорту.

У нас в классе, как и во всей школе, сделан подарок на пятидесятилетие школы. Это пластиковые окна. И вообще сейчас наша школа более современная, потому что в ней каждый год делают ремонт».

«Вообще-то у меня нет любимых учителей. Всё дело в том, что выбирать между ними я не могу, они все очень хорошие и каждый – по-своему».

«Наш класс учит физике учитель физики Елена Владимировна. За два года мне физика ещё больше понравилась, и я начал её изучать. Хотя первый год изучения физики мне не было интересно, но потом, а особенно сейчас, физика мне нравится очень сильно. Я даже в свободное от школы время изобретаю разные электрические цепи. Я даже создавал машину – вездеход на радиоуправлении».

«Потом наступает пятый класс. Ты очень скучаешь по своей добродушной и заботливой учительнице, но не всё так плохо. Теперь тебя окружают разные учителя».

(9-A)

«День... Школа... Урок... Учитель... В нашем лицее много профессиональных педагогов, они все чудные, но больше всего мне нравится Ковальчук Лилия Владимировна – уникальная и потрясающая личность. Этого педагога я знаю восемь лет и ни секунды не жалею, что именно к ней в класс я попала.

Когда я перешла в эту школу, честно говоря, не узнала. Но как только она подошла ближе, я почувствовала запах её рук, крем «Бархатные ручки». Когда учитель думает, сидя на стуле, она всегда стучит носком по полу».

(6-А)

«У нас очень хороший повар, мне нравится, как он готовит».

(6-А)

«Мне порой кажется, что Лилия Владимировна совершенна во всём, во всех 15 предметах в школе, всесторонне развита. Лилия Владимировна тянется к усовершенствованию...

Стены школы – второй дом».

(9-А)

«Я учусь в этой школе с пятого класса. Мне здесь очень нравится здесь дружеское настроение».

(7-А)

«С каждым годом моя школа расцветает всё больше и больше, и от этого на сердце становится веселее... буду достойно держать статус лицеистки до последнего класса».

(8-А)

«На пятидесятилетие нашего лицея Павел Яковлевич Фукс подарил нам утепление всей школы – пластиковые окна».

(8-А)

«Я учусь с 1-А класса. В моем классе некоторые дебилы и некоторые нормальные. У нас Никита В., он любит орать и плакать, когда учитель говорит».

(6-А)

«Я хочу, щоб учням було легше вчитись, для цього я обов'язково винайду шлеми, які будуть допомагати учням легше засвоїти матеріал».

(5-А)

«У нас в классе есть большая таблица Менделеева».

(5-А)

«У спортивному залі ми зберігаємо своє здоров'я за допомогою Михайла Олексійовича».

(5-А)

В этой школе
Смеха радости полно.
В этой школе
Всё течёт, как на фоно.

«Учителя нас учат хорошо, ну, бывает, поставят двойку, но это ничего страшного».

(7-А)

«Это самая лучшая школа в мире, я не знаю, как это, это, наверное, сон».

«Мне в этой школе больше всего нравятся все учителя».

«Анна Юрьевна – умный учитель – ведёт у нас два урока (алгебру и математику) – я больше предпочитаю алгебру, она интереснее».

(9-А)

«Я, наверное, не буду перечислять всех, потому что у меня, наверное, не хватит слов и листочка. Вы все много потратили на нас сил, нерв и, в том числе, на нас кричали. Вы очень нам помогли, научили нас».

(9 кл.)

«Хоча ми ведемо себе не завжди добре, але в душі десь там, в глибині, ми щиро хочемо вчитися, але ж вчитель має достучатись до цієї глибини душі».

«Моего первого учителя звали Наталья Ивановна. Я помню, как я учился выговаривать её имя на украинском языке... В средней школе у нас изменился классный руководитель – Бакай Людмила Сергеевна...Весь этот коллектив внёс большой вклад в воспитание современной молодёжи».

«В нашей школе все учителя хороши по-своему. Каждый из них может и накричать и пожалеть в трудную минуту. Они приносят нам ту информации, те знания, у которых они есть.

Некоторые учителя приходят, а некоторые уходят. Вот, например, к нам пришли Григоров Сергей Михалыч (учитель англ. языка), Крикунова Виктория Михайловна (учитель географии), Супрун Инна Николаевна (учитель русского языка). А ушло от нас гораздо большее количество учителей».

«У меня нет любимого учителя. Все учителя по-своему хороши. Кто-то учит лучше, кто-то – хуже. Разделять учителей на хороших и плохих как-то

не рассудливо. Каждый учитель имеет право считать себя лучше или хуже других. Каждый учит своему предмету достаточно хорошо. И если когда-нибудь они на нас кричат, чтобы мы обратили внимание на их предмет. Ведь каждый учитель – это прежде всего человек».

(9-A)

«Года пролетели так быстро, что мне кажется, что я ещё маленький. Сейчас учиться сложно, потому что добавились сложные уроки, надо учить всё, а если не выучил, то поставят «двойку». Если бы не школа, мы б не знали украинский язык, также русский, английский, немецкий для нас нужны все уроки учить».

«За два года школа изменилась. Появились новые красивые окна, парты, пришли новые учителя».

(8-A)

«Я дуже люблю свою школу, вона дуже красива. В цій школі нічого не треба міняти. Я би хотів, щоб вона залишалася такою красивою. Вона неймовірна. В цій школі дуже смачно готують. Я завжди буду в цій школі. Це моя улюблена школа».

(5-A)

«В 1959 году основали школу № 4, но с тех пор многое изменилось, и это заведение начало называться «Харьковский педагогический лицей №4». Я перешла сюда уже при новом названии».

(8-A)

«Моя школа – це моя друга хата».

(5-A)

«Насправді, моє життя поділяється на декілька частин, але я назву тільки дві: коли я вдома, і мене виховують вдома, а інша, коли я приходжу до школи, і мене виховує ліцей».

Перші 9 класів я навчався в іншій школі, там де не приділяється багато уваги цінностям учнів. Але прийшовши до ліцею, я зрозумів, що тут я почувуюся комфортно».

Насправді, я зрозумів, що вчителі, всі, хто допомагають ліцею, роблять велику справу – вони виховують майбутнє нашої країни».

(11-A)

«Кожен рік ми обираємо президента учнівської республіки, міс та містера ліцею. У житті кожного десятикласника відбувається такий прекрасний момент, як посвята в ліцейсти».

«Моя школа очень красивая. В ней три этажа и белые окна. В классе очень светло, так что не нужно включать свет. В нашем кабинете химии развешены таблицы Менделеева, инструкции, колбочки и всякое такое».

(5-А)

«Мой любимый учитель – это Анна Юрьевна. Мой любимый педагог сделает замечание, если нужно – даже накричит, но всё это ради того, чтоб привести ученика в чувство. Особенно наша классная руководительница умеет отменно проводить беседы, иногда применяя всё острейшее чувство юмора: «Если мне хоть один педагог скажет, что смеётесь или улыбаются над словами учителей, я вытру эту улыбку о дверь!»

Вот такая вот моя любимая учительница Анна Юрьевна».

(11-А)

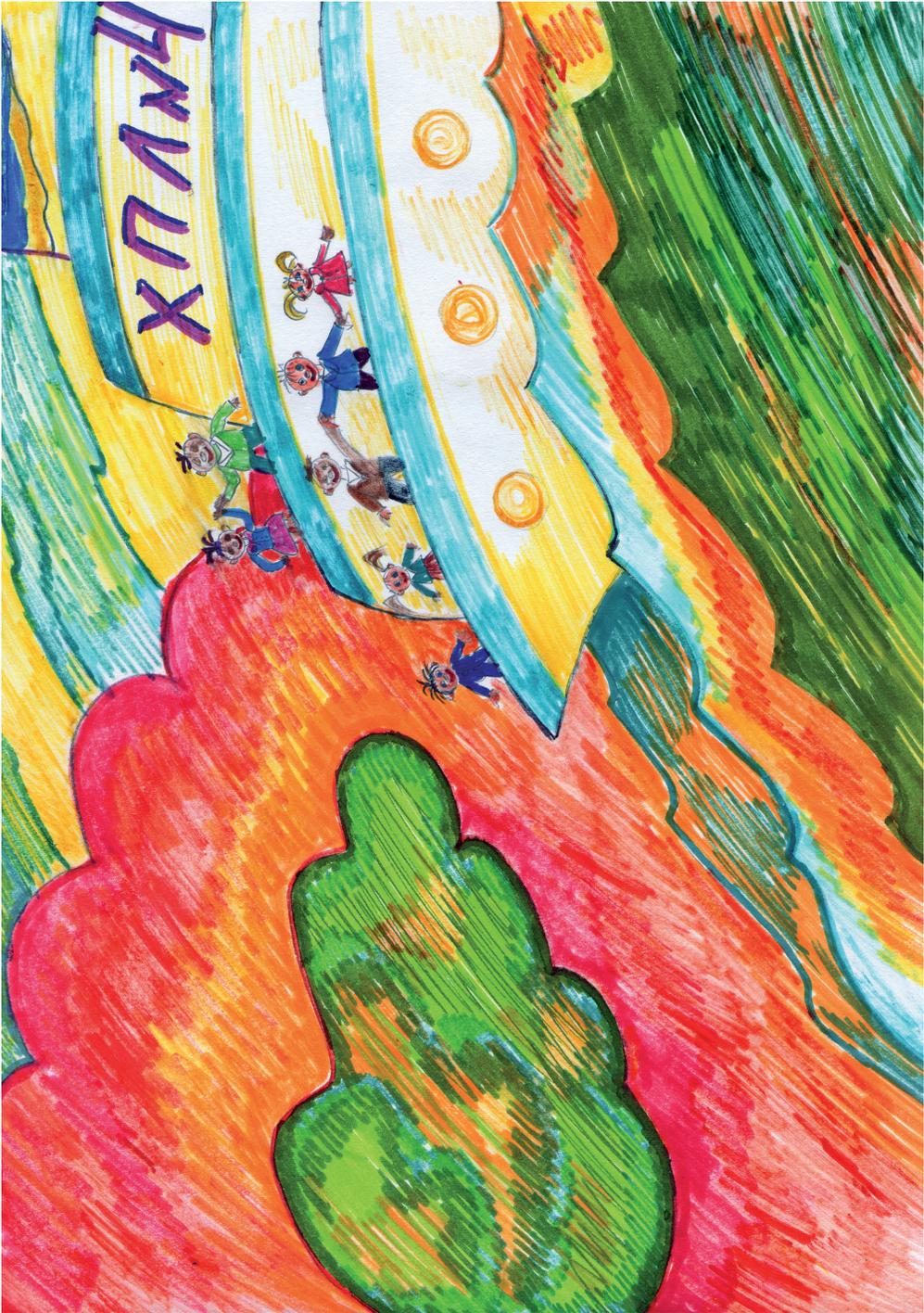
Заклочение

«Кем ты будешь, когда вырастешь?» Какой ответ мы получим от сегодняшнего школьника? Мечтает ли он стать учителем? Вряд ли, ведь это непрестижно. Скорее всего, он представляет себя юристом, экономистом или менеджером, пусть даже и не совсем понимает – как это. Посетуем: бездушные мечты – плоды бездушного времени... Но и правда: зачем бы я – человек яркий и творческий, образованный и целеустремленный, талантливый и востребованный, посвятил свою жизнь... школе?

Мы попытались через воспоминания учеников передать отношение учеников к школе, к учителям. Да, имеено таким: ярким, творческим, образованным, целеустремленным, талантливым, любящим своих учеников и, безусловно, востребованным.

Вы можете возразить: «Сегодня другое, сложное время, другие дети... Ведь то было время всеобщего единодушия, легко раскрывающее сердца навстречу добруму и прекрасному». Но остановимся на секунду и спросим себя честно: испугались бы наши учителя нынешнего сложного века? Нет, и в этом нет сомнения. И сегодня самая обычная районная школа, в которую ходят самые обычные дети из простых семей, может жить так же полно и ярко. И возможно, один из этих детей – талантливый и целеустремленный, – когда-нибудь скажет: «Я хочу стать учителем».

Содержание

Предисловие	3
Как все начиналось?	5
<u>ГЛАВА 1. Первые выпуски</u>	11
Время	13
Шел 1959 год... ..	16
Вот так все и начиналось... ..	25
Первый директор	29
Дмитрий Петрович Коськов	30
Мастер спорта по шашкам	32
Первые воспоминания о директоре школы	33
На подступах к 4-й школе.....	38
В 4-й школе	42
Ностальгия по 4-й школе	51
Мы вас помним	53
О Шарой Валентине Сергеевне	55
Эх, денечки наши золотые... ..	56
КВН	56
Лермонтов	57
Раззудись, плечо	57
Довели	57
Наш досуг	58
Воспоминания про ту жизнь	59
Личное дело Полины Ивановны Лузан	63
<u>ГЛАВА 2. Школьные годы чудесные</u>	11
Второй директор	76
О маме и о 5-й школе	77
О школе и о ее директоре	80
Мой любимый директор школы.....	85
«Поручительство чести»	86
О Соколовой Зое Михайловне.....	87
О Ямпольском Михаиле Давидовиче.....	89

Бывших учителей не бывает	90
Воспоминания о Владимире Львовиче Лойфе	90
О Лидии Борисовне Шапиро.....	91
О Марии Моисеевне Каленковицкой (Брук).....	92
О Юрии Лаврентьевиче Швагере	94
Хор «Скворушка»	95
О Квичко и Волынской.....	96
Мои школьные годы	97
В школу в первый раз.....	97
Первая учительница	98
Кима	100
Зоя Михайловна.....	102
Учителя	104
Наш класс	105
Я очень благодарна своим учителям	110
Людмила Ивановна Ключева	110
Валентина Сергеевна Шарая (Бочарникова)	111
Светлана Ивановна Бабич	113
Лидия Петровна Олейник	115
И еще немножко... ..	117
Первый спектакль.....	118
Профессия – любить детей.....	119
Первый раз в первый класс	121
Незабываемый случай в Москве	
с классом Людмилы Васильевны	124
Записки Дилетанта	127
Курилка на кулаках	127
Строгость и нежность взгляда из-под сложенных очков	131
Милейший Ефим Моисеевич	136
Лідія Петрівна	138
Ремарка по Ремарку	140
Демиховский Юлий Рейнгольдович	143
Еще о Юлии Рейнгольдовиче	147
О детстве, нашем дворе и 4-й школе	148
Большой футбольный день Европы	153

Немного об учителях...	156
Прекрасным июньским днем...	159
О Светлане Михайловне Заливадной	163
Необыкновенный учитель	165
Случай с Лойфом.....	166
И опять об учителях...	168
Уроки английского.....	171
И опять о Ефиме Моисеевиче и Светлане Ивановне.....	173
Все учителя повторяли часто фразу: «Вы самые...»	174
И об учителях... ..	175
Признание школе.....	179
От учителей.....	182
Интервью с Александрой Семеновной Хейфиц	182
Письмо моей школе, моим коллегам, моим ученикам ..	185
ГЛАВА 3. Педагогические инновации в 4-й школе	195
Две педагогические инновации в 4-й школе	196
1. Развивающее обучение	196
2. Школа диалога культур	199
4-я школа – первая школа диалога культур	202
Дела давно минувших лет... ..	205
Другая интонация	208
Менять мир так легко, что просто лень это делать!	210
Искусство быть смирным	213
ГЛАВА 4. Детские думы	231
Заключение	238

Ностальгія за четвертою
(російською мовою)

Відповідальний за випуск В. П. Ровенець

Підписано до друку 14.10.2009 р.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Папір офсетний. Друк ксерографічний.
Гарнітура Schoolbook. Умов. друк. арк. 14,2. Обл.-вид. арк. 12,2.
Тираж 500 прим. Зам. №

ТОВ “Видавництво “Форт”
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців
ДК № 333 від 09.02.2001 р.
61023 м. Харків, а/с 10325. Тел. (057) 714-09-08